

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
Высшего образования «Красноярский государственный педагогический
университет имени В.П. Астафьева»

На правах рукописи

Подсохин Федор Евгеньевич

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ ЭПИТЕТА
В ТЕКСТАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ

10.02.01 Русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Васильев А.Д.

Красноярск 2017

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ «ЭПИТЕТ»: КЛАССИФИКАЦИЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ В ТЕКСТАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ.....	9
1.1 Основные подходы к типологии эпитетов.....	23
1.2 Постоянный эпитет: квалификация и классификация.....	24
1.2.1 Типология постоянного эпитета	31
1.3 Антономасия	33
1.4 Переносный эпитет и его типология	34
1.4.1 Метафорический и метонимический эпитеты.....	34
1.4.2 Адъективная метонимия	38
1.4.3 Эллипсис.....	40
1.4.4 Номинативная подмена определяемого	41
1.4.5 Словообразовательный механизм как способ создания эпитета.....	42
1.5 «Нетрадиционные» типологии эпитетов	45
1.5.1 Формальная типология.....	46
1.5.2 Семантическая типология.....	48
1.5.3 Стилистическая типология	49
1.6 Многоаспектная классификация.....	49
1.7 Манипулятивный потенциал текста.....	52
1.8 Политический дискурс.....	61
1.9 Информационные войны: лингвистический аспект	66
Выводы по первой главе	82
ГЛАВА 2. ЧАСТНЫЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЭПИТЕТОВ В ТЕКСТАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ: ИХ ХАРАКТЕРИСТИКА И КЛАССИФИКАЦИЯ	84
2.1 Бинарная оппозиция «свой»/«чужой».....	85
2.2 «Приметы войны»	93
2.3 Эпитеты, характеризующие войну	99
2.4 Эпитеты, характеризующие политических деятелей Украины.....	100
2.5 Эпитеты, происходящие от неологизмов.....	107

2.6 Существительное-приложение	118
2.7 Эпитеты, связанные с понятиями «фашист», «нацист», «каратель» ...	120
2.8 Превосходная степень прилагательных в эпитетах	124
2.9 Постоянный эпитет	126
2.10 Эпитеты, употребляемые с концептами «Украина», «украинцы», «украинский»	127
2.11 Прочие эпитеты	135
2.11.1 Характеристика политической обстановки.....	135
2.11.2 Пропаганда	136
2.11.3 Мировое сообщество, международные наблюдатели	137
2.11.4 Характеристика жителей ДНР, ЛНР	138
2.12 Украинский и проукраинский политический дискурс	139
Выводы по второй главе	145
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	147
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	152

ВВЕДЕНИЕ

Политика в комплексном современном понимании – чрезвычайно сложная сфера человеческих отношений, одной из ее важнейших задач которой является управление обществом с учетом интересов различных социальных субъектов.

Политические процессы, так или иначе, затрагивают все сферы человеческой жизни. Выборы в различные государственные и общественные структуры, общественно-политические мероприятия, контроль и регулирование политических институтов всех уровней, возможность понимать происходящие в мире события, возможность их анализировать и интерпретировать актуализируют роль политического дискурса в жизни гражданина. Понимание политических процессов и политического дискурса нередко свидетельствует о подкованности, осведомленности и широком кругозоре человека. Данный тезис может быть обусловлен следующими факторами:

1. Научно-профессиональный интерес в сфере политологии, связей с общественностью, культурологии и лингвистики, философии и т.д.
2. Последние политические события, освещаемые в СМИ, становятся темой обсуждения не только в профессиональных сферах, но и в повседневной межличностной коммуникации среди друзей, коллег, партнёров, соседей и т.д. Помимо стимулирующей общении функции возможно отметить некоторую субъективную видимую (мнимую) статусность собеседника, возможность узнать его лучше через призму каких-либо воззрений и отношению к различным объективным событиям.
3. Практическое, финансовое бизнес-планирование от успешного прогноза грядущих изменений в политической жизни политического субъекта (субъектов) – например, в торгово-производственной сфере и др.
4. Стремление к осмыслению и постижению окружающей человека действительности катализирует интерес к политическому дискурсу.

Вне политики существовать невозможно, но возможно отстраниться от участия в политической жизни, тем самым оставить на волю случая свою жизнь, жизнь окружающих и всей страны. «Если вы не интересуетесь политикой, это ещё не означает, что политика не интересуется вами». Эта цитата, которую почему-то любят приписывать Бисмарку, на самом деле принадлежит другому известному человеку, афинянину Периклу. Бисмарк лишь перефразировал её: «Если вы не занимаетесь политикой, то политика займётся вами» [Песков, 2013].

На сегодняшний день Россия вовлечена в целый ряд крупных международных конфликтов, основными целями которых являются дестабилизация политической ситуации внутри страны и её дискредитация на международной арене. Происходящие сегодня на Украине события также не являются исключением. Явление информационной войны, особенно в практическом аспекте и приобретенном масштабе, представляет огромный интерес и обширное поле для изучения ученым и специалистам из различных областей гуманитарных знаний, наук: филологам, социологам, политологам, конфликтологам, журналистам, специалистам по связям с общественностью и т.д.

Актуальность исследования определяется несколькими факторами:

1. Недостаточной изученностью лингвистических аспектов ведения информационной войны;
2. Необходимостью изучения, накопления и систематизации данных о способах, методах и приемах манипулятивного вербального воздействия на общественное сознание в рамках информационного противостояния;
3. Необходимостью научного осмысления специфики дискурса информационной войны с лингвистической позиции в целом.

При этом основное направление исследования состоит в раскрытии языкового механизма информационной войны, а именно – в сборе, анализе, систематизации использованных средств речевой выразительности (а

именно – эпитетов) в данном дискурсе и поиска определенных закономерностей, правил, способов и приемов их использования.

Цель работы состоит в определении роли эпитетов в психолингвистическом воздействии на общественность в текстах политической тематики. Осуществление поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- сбор статей
- классификация использованных в статьях эпитетов
- определение речевых стратегий, закономерностей

В исследовании использован описательный метод, основанный на непосредственном наблюдении над языковым материалом. Используются также сопоставительный, типологический методы, метод риторического анализа и количественный подсчет языковых фактов, который позволяет определить частоту употребления тех или иных эпитетов в собранных материалах. Единицей наблюдения является эпитет.

Теоретической основой исследования являются работы преимущественно отечественных исследователей по изучению феномена эпитета, в которых выделяются различные подходы к классификации: *семантический* (О.С. Ахманова, И.В. Арнольд, Б.В. Томашевский), *синтаксический* (И.Р. Гальперин, А.А. Потебня), *культурологический* (А.Н. Веселовский, А.А. Потебня), *стилистический* (В.А. Тырыгина) и др. Данное исследование опирается на работы по изучению манипулятивного потенциала текста (С.А. Виноградова, Р.М. Блакар, С.Г. Кара-Мурза, К.С. Серажим, О.В. Дмитрук, С.С. Резникова) и политического дискурса (Н.Д. Арутюнова, А.П. Чудинов).

В ходе исследования анализу подверглось **более 3500 лексических единиц**, в которых были обнаружены *эпитеты* – значительная доля которых проиллюстрирована в исследовательской работе.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что полученные в ходе комплексного исследования результаты, равно как и

выявленные закономерности могут быть использованы для дальнейшей разработки проблемы в политической лингвистике. Результаты анализа могут быть полезны для научных изысканий в области журналистики, связей с общественностью, политологии и др.

Практическое значение работы. Информация, полученная в ходе диссертационного исследования, может быть использована при проведении спецкурсов гуманитарных, филологических и журналистских факультетах по медиалингвистике, теории и практике массовой информации и связей с общественностью; составлении учебных пособий по вышеупомянутым дисциплинам. Отдельные информационные блоки могут быть использованы при изучении культурологии и антропологической лингвистики. Кроме того, полученные результаты могут представлять интерес в практике преподавания русского языка в средней и высшей школе, а также на занятиях по преподаванию русского языка как иностранного.

Гипотеза. Средства художественной выразительности в текстах политической тематики (в данном случае: конкретно – эпитеты), имплицитно выполняют манипулятивную функцию, призванную создать у читателя эмоциональный отклик и тем самым вызывают солидарность с точкой зрения автора.

Положения, выносимые на защиту:

- 1) В рамках конфликтного политического дискурса неизбежно происходит концептуализация и размежевание фигурирующих сторон на диаметрально противоположные категории, что с лингвистической точки зрения воплощается в формировании бинарных оппозиций;
- 2) Оппозиция свой/чужой в политическом дискурсе занимает центральное положение – объекты действительности субъективно характеризуются авторами текстов исходя из соотношения понятий свой и чужой и их соответствующих характеристик;
- 3) Существующие подходы к объяснению природы эпитета и его классификации основываются на позициях теоретической лингвистики и

литературоведения, обладают неоднородной структурой и большим количеством дискуссионных моментов, что делает малооправданным их применение в исследованиях прагматического прикладного направления;

4) Концептуальная классификация установленных языковых фактов, предполагающая детальное рассмотрение фигурирующих в рамках контент-анализа конкретной исследуемой темы концептов, в нехудожественных текстах (в т.ч. – политической тематики) является наиболее оправданной с точки зрения функционального применения последующих результатов;

5) Навязывание суждений облачённых в форму характеристик (эпитетов), находящихся в текстах политической тематики, оказывает влияние на массовое сознание, что необходимо считать манипуляцией общественным мнением

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационной работы были представлены в докладах на Всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов «Массовая коммуникация в современном мире: вызовы и перспективы» (Курск, 2014); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «PR и реклама: традиции и инновации» (Красноярск, 2015); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Язык и социальная динамика» (Красноярск, 2015); Международной научно-практической конференции «Язык и культура этноса» (Красноярск, 2015); XVIII Международном научно-практическом форуме студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь и наука XXI века» (Красноярск, 2017). Результаты исследования отражены в 8 публикациях, в том числе в 3, опубликованных в изданиях, рецензируемых ВАК РФ

Структура работы. Исследование состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы.

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ «ЭПИТЕТ»: КЛАССИФИКАЦИЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ В ТЕКСТАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ

Троп (гр. *tropos* – поворот) – оборот художественно-выразительной речи, в котором языковая единица употреблена в переносном смысле [Леденёв, 2002, с. 656]. Большинство тропов стало объектом достаточно подробного изучения. К примеру, особенности применения метафоры и метонимии широко исследованы в семантическом и когнитивном аспектах (см. работы В.Ю. Апресяна и Ю.Д. Апресяна [Апресян, 1993, с. 27–35], И.С. Глазуновой [Глазунова, 2000], Дж. Лакоффа [Лакофф, 2004] и др.), большое количество работ посвящено исследованию сравнений, гипербол, оксюморонов, метонимий, каламбуров и т.д.

Особое место среди изобразительно-выразительных и образных средств русского языка занимает эпитет, являясь одним из самых часто употребляемых наряду с метафорой и метонимией. Однако необходимо отметить, что количественный объем и качественный уровень научных изысканий по изучению эпитета представляется недостаточным, даже при учете того факта, что исследовательские работы по разработке указанной проблемы появляются довольно часто. Рассмотрение данной проблематики в научных трудах носит фрагментарный и, порой, даже противоречивый характер (см., например, работы И.З. Деркачева [Деркачев, 1957, с. 21–25], К.Г. Попова [Попов, 1982, с. 21–25], И.Б. Померанец [Померанец, 2004], В.Н. Топорова [Топоров, 2005, с. 233–254], Н.С. Маниевой [Маниева, 2007]). Довольно часто понятие *эпитет* филологи включают в теорию метонимии (т.е. метонимический эпитет) и метафоры (метафорический эпитет), что, с одной стороны, свидетельствует о тесной близости вышеперечисленных языковых явлений, с другой – затрудняет дефиницию эпитета, растворяемого в сопредельных феноменах.

Например, в словаре С.Е. Никитиной и Н.В. Васильевой эпитет объясняется как «образное определение, обычно выражаемое прилагательным-метафорой» и считается одним из видов тропов [Никитина, 2007, с. 154–155]. В пособии М.Д. Кузнец и Ю.М. Скребнева эпитет относится к «тропам метафорической группы» [Кузнец, 1969, с. 132], а в словаре А.П. Квятковского находим следующую дефиницию: «Эпитет – в собственном смысле, образная характеристика какого-либо лица, явления или предмета посредством выразительного метафорического прилагательного» [Квятковский, 1966, с. 359].

По мнению Квинтилиана, «главным украшением эпитета служит переносное значение: «необузданная страсть», «безумные замыслы». Путем прибавления этих новых качеств эпитет становится тропом» [Троцкий, Меликова-Голстая, 1996, с. 237]. Данная идея уже в античности подчеркивает неоднозначность природы эпитета в различных трактовках, поскольку, исходя из мнения ритора, переносное значение в эпитете можно считать факультативным атрибутом.

Ниже приведем еще несколько распространенных дефиниций эпитета:

1) Эпитет – это экспрессивная, оценочная характеристика какого-либо лица, явления, предмета, но необязательно образная [Арнольд, 1981, с. 22].

2) Эпитет (греч. *epitheton* – приложение) – образно-художественное определение, подчеркивающее какой-либо признак, свойство, качество предмета [Леденёв, 2002, с. 656].

3) Эпитет – слово или целое выражение, которое благодаря своей структуре и особой функции в тексте приобретает некоторое новое значение или смысловой оттенок, выделяя в объекте изображения индивидуальные, неповторимые признаки и тем самым заставляя оценивать этот объект с необычной точки зрения. Выполняя эту функцию, эпитет выступает как изобразительный прием, который, взаимодействуя с основными типами семантических переносов – метафорой, метонимией, метаморфозой, оксюмором, гиперболой и др., – придает тексту в целом определенную

экспрессивную тональность [Энциклопедия Кругосвет. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/EPITET.html (дата обращения: 06.02.2017)].

Заметим, что приведенные определения раскрывают очевидно различные грани сущности эпитета, а в некоторых моментах и вовсе противоречат друг другу. Вероятно, это оказывается логическим следствием сложности самого описываемого феномена.

Многочисленные работы российских и зарубежных филологов по изучению эпитета, в которых предпринимались попытки дать его дефиницию (см., например, работы Н.И. Кравцова, А.П. Лободанова, G.V. Roberts и др.), на сегодняшний день нельзя считать увенчавшимися бесспорным успехом. К.С. Горбачевич в предисловии к «Словарю эпитетов русского языка» отмечает: «В науке нет ещё единого взгляда на само понятие «эпитет». Термин этот используется в разных смыслах» [Горбачевич, 1979, с. 3].

С того времени ситуация существенно не изменилась: образная характеристика предмета, даваемая эпитетом, позволяет разграничить его с понятием логического определения, которое используется для сухого уточнения признака (т.е. без коннотаций), либо родового и видового членения понятия. Б. В. Томашевский поясняет данное отличие таким образом: «Задача логического определения – индивидуализировать понятие или предмет, отличить его от подобных же понятий», в то время, когда эпитет обозначает признак «не с целью различения, а с целью придачи слову особой стилистической окраски» [Томашевский, 1959, с. 201]. Необходимо отметить, что деление определений на логические и образные сугубо функционально и потому довольно условно.

Понятие «эпитет» известно с античности и связано с именами множества философов и риториков, таких как Аристотель, Квинтилиан и др., в чьих трудах изложены рассуждения о свойствах эпитетов, особенностях употребления, а также содержатся замечания о способах их создания.

В античной грамматике прилагательное в отдельную часть речи не выделялось. «Прилагательным является всякое имя, которое служит спецификацией для другого имени, более детальным изъяснением его качества, поскольку обозначение «качества» свойственно всем именам» [Фрейденберг, 1936, с. 307].

Прилагательное античными грамматистами называлось «эпитетом», на что указывает и этимология самого слова. Дионисий Фракиец писал: «Прилагательное (эпитэтон) – то, которое прилагается равноименно к собственным и нарицательным и выражает похвалу или порицание» [Фрейденберг, 1936, с. 308]. Полагают, что «изобретение, создание или выбор эпитета подчинены у древних авторов античному учению о характере: эпитет понимался как характер какого-либо имени, как характерный признак, обнаруживаемый творческой интуицией автора в природе имени и назначенный к выявлению или усилению признака имени, к которому грамматически относится, в целях художественной характеристики предмета речи» [Лободанов, 1984, с. 216].

Другой автор, анализируя высказывания античных мыслителей о природе и функции эпитета, приходит к выводу, что первоначально понятие «эпитет» означало прилагаемое к какому-либо имени другое имя, употребляемое в одной из своих акциденций. «Акциденция», т.е. свойство, которое специфицирует имя, есть качество [Лободанов, 1984, с. 215–227].

Таким образом, в античной лингвистике не было прилагательного как особой части речи, а был эпитетон, т.е. то, что приложено, прибавлено к ономе. В «Риторике» Аристотеля эпитет также называется «приложенным именем» (онома эпитэтон). Следовательно, можно сделать вывод, что современный термин «имя прилагательное» является дословным переводом с древнегреческого.

В то же время, вряд ли корректным было бы и утверждение, что, согласно античной традиции, «эпитет» и «прилагательное» – совершенно тождественные понятия. О.М. Фрейденберг отмечает, что прежде, чем стать

обыкновенными прилагательными, «эпитеты проходят архаическую, узкую колею неподвижных, немногочисленных, прикрепленных только к очень небольшому кругу существительных слов, в которых описывается одна какая-нибудь черта, сугубо конкретная и поэтому сугубо узкая; а еще до этого они просто существительные... Эпитеты, приобретая со временем функцию качественных характеристик, на первых порах представляют собой только смысловую тавтологию к конкретным чертам имени-тотема» [Фрейденберг, 1998, с. 89].

Аристотель в своих трудах уделяет достаточно большое внимание функции эпитета в речи, разграничивая её поэтический и риторический стили: философ в качестве одного из основополагающих критериев дифференциации называет обилие эпитетов в первом и, соответственно, относительно небольшое их количество во втором. Утверждение, что создавать эпитеты возможно как «на основании дурного или постыдного», так и «на основании хорошего», в современной научной интерпретации говорит нам о возможной вариативной реализации оценочной коннотации в семантике эпитетов.

Античный мыслитель обращал внимание на то, что в прозе эпитеты необходимо использовать крайне осторожно и умеренно: «... в поэзии, например, вполне возможно назвать молоко белым, в прозе же [подобные эпитеты] совершенно неуместны; если их слишком много, они обнаруживают [риторическую искусственность] и доказывают, что, раз нужно ими пользоваться, это есть уже поэзия, так как употребление их изменяет обычный характер речи и сообщает стилю оттенок чего-то чуждого. В этом отношении следует стремиться к умеренности, потому что [неумеренность здесь] есть большее зло, чем речь простая [то есть лишенная эпитетов]: в последнем случае речь имеет достоинства, а в первом она заключает в себе недостаток» [Трохачев, Аристотель, 2007, с. 273].

Античный ритор Гермоген называл речь, в которую включены эпитеты, *сладостной*. Данное понятие он объяснял следующим образом: «Сладостной

... является речь, употребляющая эпитеты. Да и в самой поэзии эпитеты по сравнению с иными словами кажутся как-то сладостнее и большую доставляют приятность» [Троцкий, Меликова-Толстая, 1996, с. 237].

Позднее древнеримский ритор Квинтилиан развивает идею Аристотеля о различиях использования эпитетов в текстах разных стилей. Достаточно известно его высказывание об эпитете как тропе, не столько обогащающем речь, сколько украшающем ее, при отсутствии каких-либо жестких требований к отбору эпитетов в поэтической речи: «Они удовлетворяются тем, чтобы эпитет подходил к слову, к которому он прилагается, и мы не порицаем у них ни «белых зубов», ни «влажных вин»». Квалифицируя ораторскую речь, Квинтилиан говорит о том, что эпитет не должен быть излишним: «А прибавляет что-либо к смыслу такой эпитет, без которого оборот оказывается слабее». В то время как основной атрибут «украшения» эпитета – это его переносное значение: «Путем прибавления этих новых качеств эпитет становится тропом» [Троцкий, Меликова-Толстая, 1996, с. 219, 237].

Таким образом, на основании изложенных выше суждений античных риторов, Квинтилиан выделял три типа эпитетов:

а) *epitheton necessarium*, «необходимый», плеонастический, или эпитет ораторской речи, т.е. эпитет, не добавляющий ничего к смыслу определяемого имени (не содержащий переносного значения), но усиливающий этот смысл. Иными словами, суть *epitheton necessarium* состояла в усилении значения определяемого имени посредством повторения основного признака определяемого слова в определяющем (например: «белых зубов» – по Квинтилиану). «Необходимый» эпитет является неотъемлемой частью словосочетания, в которое он входит, выражая отличительный признак предмета;

б) *антономасия*, которую, по словам Квинтилиана, принято называть «“фигурой речи”, состоящей в описательном обозначении лица (Сципион – «тот, кто разрушил Нумантию и Карфаген») <...> и троп, состоящий в

метафорическом применении собственного имени для обозначения лица, наделенного свойствами первоначального носителя имени» [Ахманова, 1996]. Сущность его заключается в именовании лица по присущему ему общеизвестному и общепринятому признаку, т.е. «разрушитель» вместо Сципион. Данный тип функционально достаточно близок к плеонастическому эпитету;

в) *epitheton ornans*, украшающий эпитет или эпитет поэтической речи, т.е. определение, содержащее переносное, метафорическое значение, добавляющее к определяемому имени некие новые качества и служащее для создания художественного представления о предмете речи. По мнению Квинтилиана, «главным украшением эпитета служит переносное значение: «необузданная страсть», «безумные замыслы». Путем прибавления этих новых качеств эпитет становится тропом» [Троцкий, Меликова-Толстая, 1996, с. 237].

Представления об основополагающих принципах создания и функционирования эпитета в средневековье, дошедшие до наших дней в виде нескольких сохранившихся поэтических трактатов, существенных изменений относительно постулатов античных учений не претерпели. Значительное место в трактатах Матьё де Вандома, Жоффруа де Винсофа и др. уделяется различению трех стилей («простого», «умеренного» и «возвышенного»), которое было описано еще в «Риторике» Аристотеля и взято за основу в других аналогичных работах древнегреческих и древнеримских риториков. Средневековые авторы писали также и о соответствии стиля предмету речи, запрещали смешивать различные стили.

Построение речи по средневековым канонам требовало соблюдения определенного стандарта, что привело к стереотипности художественной выразительности через непременно воспроизведение одних и тех же устойчивых словесных групп. В средневековых трактатах эпитету уделялась сугубо формульная роль, которая не допускала вольного наделения имен какими-либо свойствами. Такая тенденция сохранялась вплоть до начала

формирования светских государств, где с помощью различных средств художественной выразительности (в т.ч. и эпитетов) авторы получили возможность выразить своё собственное субъективное отношение к окружающему миру.

В отечественной лингвистике представление о природе и функции эпитета в значительной мере наследуется из античных работ по риторике и стилистике. Во многом благодаря проведению петровских преобразований, в конце XVII – начале XVIII веков стали появляться рукописные риторики, заложившие основу отечественной теории красноречия, читавшиеся и переписывавшиеся на протяжении всего XVIII столетия. В работах А.Х. Белобочко («Наука проповедей»), С. Лихуды («О силе риторической»), М. Усачева («Риторика»), К. Афоноверского («Книга всекрасного златословия»), С. Яворского («Риторическая рука»), Ф. Прокоповича («Поэтика», «Риторика») и др. затрагивались основные вопросы поэтики, выделялись средства выразительности речи. Как предмет конкретного детального рассмотрения эпитет в них не фигурировал, отсутствовали и его дефиниции [Сазонова, 2012].

Значительно более подробно отечественными исследователями анализируется эпитет в период с середины XIX по начало XX вв., среди них: Ф.И. Буслаев («Историческая грамматика русского языка. Синтаксис»), А.Н. Веселовский («Из истории эпитета»), А.А. Зеленецкий («Эпитеты литературной русской речи»), А.А. Потебня («Из записок по теории словесности») и др.

Мысль о связи эпитета с именем, которую подчеркивали античные исследователи, была развита в «Исторической грамматике русского языка» Ф.И. Буслаева. Здесь говорится, что «первоначально многие предметы названы по эпитетам» [Буслаев Ф. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. URL: <http://znanium.com/catalog.php?bookinfo=353322> (дата обращения: 26.07.2015)]. Относительно разграничения прилагательных и эпитетов Буслаев придерживается античной традиции, т.е. понимает под

эпитетом только украшающее определение. При этом автор поясняет данное языковое явление как «признак, по которому предмет получает свое название <...>. Признаки какого-либо понятия, все вместе взятые, составляют его содержание» [там же]. Таким образом, эпитет, в понимании автора, именуется ценностную определяющую предмета.

Работы А.А. Зеленецкого и А.А. Потебни по изучению эпитета, так же, как античные поэтики и риторика, строятся на идее разделения «прозаической» и «поэтической» речи.

Трактовка Зеленецкого исходит из выразительного аспекта эпитета, в чем во многом схожа с идеями Ф.И. Буслаева. Зеленецкий делит абсолютно все слова по семантическому принципу на две категории:

- 1) «прозаические» – звуковая форма которых не вызывает никакого образа и служит только для обозначения общеизвестного понятия;
- 2) «поэтические» – произнесение которых вызывает образ, отличный от того, который составляет лексическое значение слова с внутренней формой.

Зеленецкий также полагает, что некогда все слова были поэтическими, но со временем образы, которые в них заключались, оказались забытыми. Таким образом, согласно данной теории, все номинации предметов в далеком прошлом были эпитетами [Померанец, 2004, с.19–21]. Ученый подчеркивает, что первые эпитеты не просто выделяли какой-либо признак в нашем сознании, а являлись целостной номинацией и не могли быть расчленены с именем. Такие эпитеты Зеленецкий назвал «зародышами наших существительных», отделяя эту категорию от эпитетов современной речи.

А.П. Лободанов утверждает, что во все времена «в системе словесно-художественного осмысления мира эпитет выступает как способ сочленения *mundus realis* и *mundus imaginabilis*; так как в различных народно-речевых традициях картина мира, складываемая через эпитет и отражаемая в художественной речи, различна, а само словесно-художественное освоение мира есть лишь его воссоздание в «сладостных формах», то в плане

типологии художественного мышления эпитет предстает как вспомогательный способ объяснения картины мира» [Лободанов, 1984, с. 221].

Таким образом, в трактовке ученого теория эпитета приобретает эпистемологический элемент – объяснение окружающего мира человеком, которое в синкретичной форме содержало в себе художественное, аллегорическое, иносказательное и метафорическое направления.

Цитируемый автор относит эпитет к словам, определяющим «поэтическую» речь: «Обозначая собою какой-нибудь определенный признак предмета, эпитеты выделяют из целого ряда предметных представлений, ассоциированных с известным звуковым комплексом, одно, определенное, необходимое для данного случая представление. Не внося, по большей части, ничего нового в наше сознание, они только выдвигают одно из качеств, присущих предмету, и этим сразу дают определенное направление работе нашего сознания при воспроизведении представлений, значительно облегчая тем понимание чужой речи» [Зеленецкий, 1913].

А.А. Потебня в своей работе «Теоретическая поэтика. Из записок по теории словесности» отмечает, что в роли эпитета могут выступать не только прилагательные, но и существительные, наречия и глаголы: «С точки зрения пиитической к эпитетам следует отнести всякие парные сочетания слов, изображающие вещи, качества, действия их признаком...» [Потебня, 1905, с. 215].

А.А. Потебней разработана формальная классификация, согласно которой выделяются эпитеты, выраженные:

- 1) прилагательными в роли определения;
- 2) аппозитивными существительными (*конь добра лошадь*);
- 3) прилагательным при другом прилагательном (*ясна красна*);
- 4) наречием при глаголе (*долго думая*);
- 5) глаголом при глаголе (*думая - гадая*) [Потебня, 1990].

Лингвистические исследования конца XIX – начала XX веков указывают на необходимость пояснения и углубления понятия эпитет. Возникают два основных подхода к пониманию термина: «узкое» – по сути, отражающее античное употребление эпитета («эпитетом следовало бы назвать... только украшающий эпитет» [Жирмунский, 1977, с. 55, 81]) и «широкое». Следом за усложнением научной теории возникает закономерный, но дискуссионный вопрос о различиях в трактовке и неустойчивости употребления термина, который актуален и сегодня.

Узкого понимания эпитета придерживаются такие ученые, как А.Г. Горнфельд, Б.В. Томашевский, А.Н. Веселовский, В.М. Жирмунский и др.

Представители «узкого» подхода к эпитету основываются на единственной характеристике сущности эпитета – признании того, что эпитет есть аналитическое определение.

А.Г. Горнфельд подчеркивал, что эпитет является аналитическим определением, которое повторяет заключенный в определяемом слове признак: *длиннотенное копье, ясная лазурь* [Горнфельд, 1911, с. 340–342].

Довольно близка к трактовке Горнфельда формулировка другого видного советского ученого Б.В. Томашевского: «От логического определения существенно отличается поэтическое, которое не имеет функции выделения явления из группы ему подобных и не вводит нового признака, не заключающегося в слове определяемом. Поэтическое определение повторяет признак, заключающийся в самом определяемом слове, и имеет целью обращение внимания на данный признак или выражает эмоциональное отношение говорящего к предмету. Так, когда мы говорим «широкая степь», «синее море», то этим самым не отделяем «широкой степи» от какой-нибудь другой (т.е. не мыслим узкой степи) и не противопоставляем «синего моря» – морю другого цвета, а лишь выделяем эти признаки ввиду их важности для данного словосочетания. В большинстве случаев, когда мы говорим об индивидуальных явлениях, определения даются не в логическом,

а в поэтическом порядке. Поэтическое определение называется эпитетом» [Томашевский, 1999, с. 37].

А.Н. Веселовский, в свою очередь, дает следующее определение: «Эпитет – одностороннее определение слова, либо подновляющее его нарицательное значение, либо усиливающее, подчеркивающее какое-нибудь характерное, выдающееся качество предмета», подчеркивая, что «каждый из этапов историко-литературного процесса (смена стилей и направлений) нашел свое отражение в эпитете» [Веселовский, 1989]. По версии ученого эпитет является средством выделения одного единственного признака из числа остальных, более незначительных. Данная теория иллюстрирует культурологический подход к изучению возникновения и функционирования эпитета, рассматривая в историческом развитии, начиная с первобытных времен и эпохи античности и акцентируя его первоначальные функции.

Советский филолог В.М. Жирмунский объясняет понятие эпитет как поэтическое определение, которое обозначает типичный, идеальный частный признак предмета «в данном месте и времени, в определенном аспекте с некоторой индивидуальной точки зрения» [Жирмунский, 1992, с. 55].

Эпитеты *прямые дорожки, молодые яблони* в составе поэтического произведения служат не логической классификации и номинации, а включаются в систему характерных для каждого автора (в данном случае – для Тургенева) описательных приемов в соответствии с принципом отбора поэтических определений, обусловленным общим художественным стилем» автора. Эпитеты *синее море, белый снег* не вносят нового признака предмета речи, в отличие от эпитетов *розоватое море, бурый снег* [Жирмунский, 1977, с. 55].

Жирмунский также отмечает, что эпитет может функционировать и как обязательный, и как оригинальный. Представляя развитие поэтических определений как эволюцию от украшающего эпитета к эпитету редкому, автор считает некорректным употребление термина «эпитет» относительно последнего. Он утверждает, что индивидуально-характеризующее

определение вносит не заключающийся в определяемом предмете признак, сужая его значение, что, в свою очередь, сближает поэтические определения с определениями логическими, выделяющими некий уникальный признак, отличающий этот предмет от другого [Жирмунский, 1977, с. 55, 81].

Представители «широкого» подхода к эпитету (А.П. Евгеньева, И.Р. Гальперин, Ю.М. Скребнев, Б.Е. Лукьяновский, Л.И. Тимофеев) по-разному характеризуют основной признак, положенный в основу определения эпитета.

Например, в работе «О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса» А.П. Евгеньева концентрируется на дескриптивном назначении эпитета и объясняет его как «определение, подчиненное задаче художественного описания объекта» [Евгеньева, 1948, с. 233–257]. Достаточно близка по смыслу дефиниция И.Р. Гальперина, который объясняет эпитет как «слово, сочетание слов, предложение в атрибутивном употреблении, которое выражает субъективно-оценочное отношение говорящего к предмету мысли» [Гальперин, 1974].

Согласно широкому подходу, эпитет – это поэтический прием, подчеркивающий «различные свойства и признаки явлений» [Лукьяновский, 1920, с. 122]. Так, Л.И. Тимофеев полагает, что эпитетом может быть «всякое значащее слово, поскольку оно выступает как определяющее по отношению к другому: существительное (*дева-роза*), прилагательное (*великий, могучий, правдивый и свободный русский язык*), наречие и деепричастие (в том случае, если определяемым словом является глагол: *волны несутся, гремя и сверкая*) [Тимофеев, Тураев, 1978, с. 923].

Ю.М. Скребнев исходит из лингвистического аспекта трактовки эпитета, противопоставляя его литературоведческому, согласно которому под эпитетом понимается любое слово, приносящее образную или эмоциональную характеристику предмета речи. Автор под эпитетом понимает «стилистически значимое слово или словосочетание в синтаксической функции определения или обстоятельства» [Филиппин, 1979].

Ю.М. Скребнев формально подходит к квалификации эпитета, рассматривая его как лингвистическое понятие – при наличии четко выраженной синтаксической функции, или как литературоведческое – при наличии поэтологического прочтения определения.

Таким образом, широкий подход к определению эпитета трактует его в качестве поэтического приема, подчеркивая отдельные типологические черты, но размывая его границы.

Разные подходы к пониманию сущности эпитета, рассматриваемые в сумме, позволяют составить общее представление о данном явлении. Частные представления различных авторов, уравнивая друг друга и конкретизируя отдельные аспекты употребления, послужили причиной появления большого многообразия научных теорий, но при этом их количество и объем значительно затрудняют процесс создания единой, унифицированной дефиниции данного языкового явления.

Необходимо отметить достаточно удачное определение термина, которое находим в работе А.В. Павшук: «Эпитет – художественное определение (определение в эстетической функции) предмета, лица, явления, процесса, ситуации, выделяющее, подчеркивающее, усиливающее существенный, с точки зрения автора, признак, который может повторять или подновлять значение определяемого слова, быть типичным и неотъемлемым для целого класса предметов, индивидуальным признаком конкретного предмета, создавать микро- или макрообраз, придавая ему живописность, содержать скрытые смыслы и оценку, создавать эмоциональный настрой произведения, усиливать впечатление на реципиента, обращаясь к его интеллектуальному, эмоциональному и эстетическому восприятию» [Павшук, 2007, с. 20].

Суммируя описанный выше опыт отечественных и зарубежных ученых, занимавшихся вопросами происхождения и функционирования

эпитета, предложим следующее определение, которым будем оперировать в дальнейшей разработке проблемы исследования:

Эпитет – это функционирующая в рамках текста экспрессивная, оценочная эстетическая характеристика объекта действительности, субъективно выделяющая, подчеркивающая, усиливающая какой-либо его признак или его отсутствие, опционально обладающая образностью. В роли эпитета может выступать слово знаменательной части речи, сочетание слов, предложение в атрибутивном употреблении, которые в соответствующем контексте выполняют основную функцию эпитета – художественную характеристику объекта действительности.

1.1 Основные подходы к типологии эпитетов

В современной лингвистике, если быть точнее – в лингвопоэтике, проблема типологии эпитетов является одной из центральных. Ранее нами были рассмотрены основные подходы к пониманию эпитета, его функциям и роли в текстах, которых за время изучения природы данного языкового явления разработано и накоплено достаточно много. Параллельно с аккумулярованием знаний об эпитете в геометрической прогрессии увеличивалось и количество эмпирического материала по его классификации; при этом единства в типологиях также не наблюдается.

Различия, а порой и диаметрально противоположности в таксономии эпитета обусловлены, прежде всего, отсутствием четко выраженного универсального критерия деления на ту или иную категорию. Согласно соответствующей специфике собственных конкретных исследований, каждый автор выделяет и вводит свою классификацию, устанавливает группы и подгруппы эпитетов, исходя из решаемых им задач (см., например, теорию ассоциаций И.Р. Гальперина [Гальперин, 1974] и др.).

В рамках современных исследований выделяются различные подходы к классификации эпитета: семантический (О.С. Ахманова, И.В. Арнольд,

Б.В. Томашевский), синтаксический (И.Р. Гальперин, А.А. Потебня), культурологический (А.Н. Веселовский, А.А. Потебня), стилистический (В.А. Тырыгина) и др. – в зависимости от подхода, соответственно, варьируется и сама таксономия.

В большинстве исследований расхождения взглядов касаются вопроса о природе постоянных и перенесенных эпитетов, а также выделения иных, более специфических, типов. Каждым ученым, наряду с классическими (постоянный, перенесенный, тавтологический), вводятся собственные типы эпитетов, исходя из специфики каждой конкретной речевой сферы.

1.2 Постоянный эпитет: квалификация и классификация

Пожалуй, наименее дискуссионным вопросом является выделение постоянных эпитетов как особой разновидности. Данной проблематике посвящено относительно небольшое количество работ. Возможно, это связано со сравнительно узким составом таких эпитетов (*добрый молодец, красна девица, белый свет, море синее, степь широкая, поле чистое* и т.п.) и вытекающего отсюда единого представления об их функционировании.

Находим следующее определение постоянного эпитета, которое и будем использовать далее: «Постоянный эпитет – слово-определение, устойчиво сочетающееся с тем или иным словом-определяемым. Обозначает характерный, всегда наличествующий признак» [Русова Н.Ю. Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. От аллегории до ямба. URL: http://literaturologiya.academic.ru/504/постоянный_эпитет (дата обращения: 11.08.2015)].

Одни постоянные эпитеты широко употребляются во всех видах фольклора: *добрый молодец, поле чистое, море синее*. Другие встречаются преимущественно в тех или иных жанрах народной поэзии, выполняя при этом специфические идейно-художественные функции. Например, в сказках

широко употребляются постоянные эпитеты фантастического характера: *золотой дворец, хрустальный мост* [Лазутин, 1981].

Л.Н. Крупчанов в учебнике «Введение в литературоведение» пишет: «К особой группе эпитетов относятся постоянные эпитеты, которые употребляются только в сочетании с одним определенным словом: *живая* или *мертвая вода, добрый молодец, борзый конь* и т.д. Постоянные эпитеты характерны для произведений устного народного творчества. Распространенные попытки разграничить определение «логическое» или «необходимое» и эпитет как «образное определение» малопродуктивны, так как в стилистическом контексте всякое определение может иметь выразительное значение» [Крупчанов, 2005, с. 75].

Ранее Ф.И. Буслаев утверждал, что «признак, по которому предмет получает свое название, именуется эпитетом» [Буслаев, 1959, с. 289–290]. В рамках сравнительно-исторической концепции он полагал, что зачастую предметы получают в языке название по производящему на окружающих впечатлению: например, название весны *яра, ярь* может быть мотивировано эпитетом *ярый*, т.е. *светлый, теплый, яркий* [Даль, 1997]. Чтобы оживить вербализированный образ, по выражению самого Буслаева, – сделать «впечатление живее», необходимо обратиться к эпитету, благодаря которому можно восстановить в воображении то «наглядное представление, которое лежит в названии самого предмета» [Буслаев, 1959, с. 290].

Так называемое «живое воззрение», по мнению автора, хранится в корнях прилагательных, поэтому нередкими являются случаи, когда и определяемый предмет, и эпитет означают одно и то же (*тихие покои*). Таким образом, Буслаев отмечает, что сущность эпитета (в отличие от обыкновенного прилагательного) заключается в украшении речи, при этом он не придает никаких дополнительных оттенков значений определяемому предмету. Согласно такому пониманию, статус эпитета получали только те прилагательные, которые сопровождали обозначение предмета – постоянные эпитеты.

Теория Ф.И. Буслаева находит дальнейшее развитие в концепции А.А. Потебни о внутренней форме слова. В этических выражениях, т.е. сочетаниях существительных и постоянных эпитетов, последние могут актуализировать внутреннюю форму [Потебня, 1993, с. 145]. Тем не менее, некоторые, утратив первоначальный смысл, порой казались даже алогичными. К примеру, говоря об эпитетах в русских былинах, С.Г. Лазутин отмечает, что алогичными являются выражения «*добрый молодец*» по отношению к старому казаку Илье Муромцу и «*красное солнышко*» применительно к князю Владимиру – трусливому, мстительному и несправедливому человеку [Лазутин, 1989, с. 123].

По-настоящему знаковым исследованием эпитета является статья А.А. Потебни в книге «Из записок по теории словесности. Поэзия и проза. Тропы и фигуры», которая впоследствии была переиздана в «Теоретической поэтике». Важное место в своем труде ученый отводит идее о том, что слово изначально мифологично и метаобразно: «без слова невозможен мир мифа» [Потебня, 1905, с. 209].

А.А. Потебня определяет понятие «эпитет» как «форму, общую по отношению к содержанию, то есть фигуру, а не троп. Эпитет является проявлением художественной типичности, или синекдохичности, когда образ становится в мысли началом ряда подобных и однородных образов» [Потебня, 1905, с. 210], в котором выражен какой-либо типичный, обобщенный признак предмета. Популярна теория, гласящая, что первичными были представления «по аналогии», которые реализовывались посредством метонимии и синекдохи. Потебня абсолютизирует определяющую природу эпитета функцию замены, сводя его к набору повторяющихся типичных определений: эпитет не просто замещает признак, но и выдвигает его на передний план, актуализирует.

Ученый также отмечает возможность развития и обогащения существующих формул не только посредством расширения объективных свойств реалий, но и за счет относительно субъективного изображения их в

языке, подчеркивая неоднородность состава эпитетов. «Восстановление внутренней формы есть не безразличная для развития починка старого, а создание новых явлений, свидетельствующее об успехах мысли. Новый акт творчества прибавляет к своим историческим посылкам нечто такое, чего в них не заключалось», потому что «поэзия не есть выражение готового содержания, а, подобно языку, могущественное средство развития мысли», – писал А.А. Потебня [Потебня, 1990, с. 147].

Кроме этого, А.А. Потебня является одним из первых в русской лингвистике, кто рассматривает наречие в качестве эпитета к глаголу, основываясь на сходстве функций определения и обстоятельства образа действия, взаимосвязанности качественных прилагательных и качественных определительных наречий. Необходимо подчеркнуть, что вопрос о статусе обстоятельств в структуре текста остается открытым и сегодня, но сама мысль о расширении круга эпитетов стала значительным достижением в процессе их рассмотрения и анализа.

А.Н. Веселовский, разработавший аргументированную и последовательную теорию эпитета, пишет, что в связи с назначением эпитета (выделением характерной черты предмета), имеет место «его постоянство при известных словах» [Веселовский, 1989, с. 59]. Описывая пояснительный эпитет, он отмечает, что в его основе лежит один признак, который считается существенным в определяемом предмете или характеризует его по отношению к практической цели или идеальному совершенству. Ученый приходит к выводу, что постоянный эпитет – явление в определенной степени относительное, а его употребление обусловлено конкретным временным промежутком, различными культурно-историческими и словесными традициями, специфическими для соответствующего времени. Постоянный эпитет в данном случае выступает как эталонный, «простой и неизменный» [Кожевников, Николаев, 1977, с. 513]. Он статичен, воспроизводится по традиции, обычаю.

По мнению А.Н. Веселовского, эпитет концентрирует в себе не только историю поэтического стиля, но и поэтического сознания в целом, так как выделение признака, заключенного в эпитете, с позиции существенности или несущественности характеризует не только сознание автора, но и поэтическое сознание всей эпохи, мировоззрение и систему ценностей, заложенных в социуме. «Каждый из этапов историко-литературного процесса (смена стилей и направлений) нашел свое отражение в эпитете» [Веселовский, 1989, с. 64]. Данное утверждение приводится во многих исследованиях, поскольку эволюция мышления и форм художественного выражения соответственно ведет за собой обогащение всей системы образных определений.

Ученый не ограничивал систему эпитетов каким-либо количеством постоянных определений (их постоянство можно обнаружить и в других языках славянской группы как минимум), которые, в большей своей части, тавтологичны и в основном свойственны народно-поэтическому стилю. Наряду с тавтологическими, А.Н. Веселовский относил к числу эпитетов пояснительные определения, разделяя их на синкретические эпитеты и эпитеты-метафоры. Данное разделение, по мысли А.Н. Веселовского, целесообразно, поскольку «между ними лежит полоса развития: от безразличия впечатлений к их сознательной раздельности» [Веселовский, 1989, с. 58].

Основываясь на способе связи определения с дистрибутом при учете семантико-стилистических характеристик эпитетов, А.Н. Веселовский выделяет:

А) народно-поэтические, или постоянные, эпитеты, назначение которых – «отметить в предмете черту, казавшуюся для него характерной, существенной, показательной» [Веселовский, 1989, с. 70];

Б) общеязыковые эпитеты, выделяющие объективно присущие (но не типичные) или перенесенные с других реалий посредством психологического

параллелизма черты предмета (эпитеты-метафоры и синкретические эпитеты);

В) индивидуально-авторские эпитеты, отражающие субъективно приписываемое предмету свойство.

В.П. Москвин вводит разделение эпитетов на постоянные и фольклорные, при этом подчеркивая общность их функций и единый источник формирования. Согласно данной теории, фольклорные эпитеты – это определения, свойственные устному народному творчеству, находящиеся за пределами литературного языка и не используемые его носителями (*рожь ужинистая, солнышко восхожее*). Постоянные эпитеты являются более широким понятием по отношению к фольклорным: их употребление выходит за рамки народной поэзии. При этом такие определения образуют с определяемым словом так называемые «фразеологическое клише» (согласно формулировке В.М. Жирмунского). Например: *светлое будущее, туманный Альбион* и т.п. [Москвин, 2001, с. 28–34].

К.С. Горбачевич и Е.П. Хабло выделяют народно-поэтические и индивидуально-авторские, разделяя эти типы эпитетов, основываясь на присутствии или отсутствии новизны в их значении [Горбачевич, 1979, с. 7].

Необходимо упомянуть о статье О.П. Лопутько «Постоянные эпитеты и история прилагательных», в которой автор перечисляет характерные для постоянного эпитета черты:

- распространенность в фольклорных произведениях;
- выражение посредством эпитетов такого рода зрительных впечатлений;
- серийность реализации эпитетов, употребительность в ряду других подобных сочетаний;
- точное воспроизведение формульного микроконтекста;
- закрепленность в мифологии и ритуале [Лопутько, 2004, с. 82].

Автор статьи в качестве примеров постоянных эпитетов приводит достаточно традиционный их состав (*сыра земля, чистое поле, стрелы*

каленные и т.д.) и отмечает, что эпитеты «являются одним из основных стилистических средств различных жанров фольклора» [там же, с. 83]. Данное утверждение значительно ограничивает сферу употребления таких эпитетов и обуславливает факт их выделения в качестве фольклорных.

Исследователь объясняет постоянство и воспроизводимость таких эпитетов представлениями древнего человека о миропорядке – мир осознавался им статичным, неизменным и стабильным. Устойчивость набора и подробность перечисления обозначений предметов действительности в составе микроконтекста объясняется как результат «заботы» человека о сохранении этого порядка. Имя и признак древним человеком представлялись соположенными и равноправными элементами мира и языка, в силу чего в составе постоянных эпитетов используются краткие формы прилагательных.

Категориальная семантика предметного мира в древности вбирала в себя имя предмета и его свойства, а предметный мир был неотделим от слова: «в древности признак мыслился лишь как неотъемлемая принадлежность того или иного предмета, вещи и соответственно передавался в языке через обозначение этой вещи. Древнее имя одновременно могло обозначать и целостный предмет, и один из характерных признаков этого предмета, в морфологическом плане выступая как нерасчлененное наименование предмета и признака» [там же]. Но само представление об абстрактном признаке, отделенном от предмета, при этом отсутствовало, потому сопоставление признаков и предметов было невозможно. Данный факт и послужил причиной постоянства состава имен и определений.

Исследователь связывает становление постоянного эпитета с процессом формирования имени прилагательного как самостоятельной части речи. При этом определяющим процессом называется рост автономности элементов в рамках словосочетаний с постоянным эпитетом. Вместе с этим суммируется образование полных форм прилагательных – присоединение

местоимения к краткой форме прилагательного, что подчеркивало присутствие специфически-индивидуального, известного собеседнику признака (*зелена трава – зеленая трава*). Данные лингвистические процессы катализировали отмирание краткой формы прилагательных и их фиксацию в качестве клише.

Таким образом, в традиционном понимании постоянный эпитет является неким стандартным элементом общей теории эпитета, который характерен для конкретного литературного направления или эпохи. Носителями языка такие эпитеты осознаются как идеал, некая формула, что тесно связывается с понятием «идеализирующий эпитет» в классификации Б.В. Томашевского.

1.2.1 Типология постоянного эпитета

Особо стоит вопрос о типологии постоянного эпитета. И.В. Арнольд указывает на неоднородность постоянных эпитетов, выделяя среди них: тавтологические (*мягкая подушка*), оценочные (*хороший мальчик*) и описательные (*бумажная салфетка – салфетка из бумаги*). В такой трактовке постоянный эпитет понимается предельно широко, поскольку в рамки его понятия включаются некоторые разновидности логических определений, например, как в последнем случае [Арнольд, 1981].

Б.В. Томашевский выделяет следующие разновидности постоянного эпитета:

- а) тавтологические, т.е. повторяющие определяемое слово (*чудо чудное, тьма тьмущая*);
- б) типические (*море синее, земля сырая*);
- в) идеализирующие (*солнце красное*) [Томашевский, 1996, с. 205].

И.Б. Померанец, анализируя язык испанского эпоса, говорит о формульном эпитете. Его отличие от постоянного эпитета состоит в возможности видоизменений в зависимости от контекста. Помимо этого,

основой различения формульного и постоянного эпитета для исследователя стала типология постоянных эпитетов И.Б. Комаровой, которая выделяла:

- а) эпитеты частного характера, взаимозаменяемые;
- б) постоянные эпитеты с ситуационным значением;
- в) постоянные эпитеты, образующие пары с определяемым;
- г) формульные эпитеты, входящие в состав балладных языковых клише

[Померанец, 2004, с. 41].

Неоднозначность и дискуссионность проблемы сущности, состава и типологии эпитетов в целом свойственны и обсуждению постоянных эпитетов в частности. Различные типы постоянных эпитетов, выделяемые учеными (фольклорный, формульный, народно-поэтический и т.д.), не сводятся в единую целостную теорию, хоть и имеют определенную общность и пересечения.

По мнению автора данного исследования, область применения постоянного эпитета не ограничивается народным творчеством и формулами, некогда употребляющимися в поэтическом языке определенной эпохи. Функции постоянного эпитета в современном дискурсе зачастую сводятся к его использованию в качестве средства стилизации, ритмизации текста, своеобразного лексического оформления.

Постоянный эпитет – такой тип эпитета, в котором определение неразрывно сочетается с определяемым словом, образуя при этом устойчивое образно-поэтическое выражение – т.н. «фразеологическое клише».

Среди примеров, иллюстрирующих термин «фразеологическое клише», широко распространен оборот *Туманный Альбион*. Отметим, что такими клише могут являться практически все узуальные образные топонимические перифразы – фразы крайне узнаваемые, ставшие вторым названием, синонимом официального: *Страна восходящего солнца* (Япония), *Страна утренней свежести* (Корея), *Поднебесная империя / Поднебесная* (Китай), *Страна кленового листа* (Канада), *Вечный город* (Рим), *Белокаменная*,

Первопрестольная (о Москве) и т.д. В зависимости от специфики исследования данные словосочетания можно рассмотреть в качестве фразеологизмов, перифраз или эпитетов, причем эпитетов постоянных, поскольку каждое слово в словосочетании является неотъемлемым элементом устойчивого образно-поэтического выражения.

1.3 Антономасия

Антономасия – понятие весьма неоднозначное. В основе этого понятия положен перенос имени, но точки зрения ученых по поводу класса имен, подвергающихся переносу при создании антономасии, не совпадают. Так, например, в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой дается целых три возможных значения этого термина:

1. Обозначение лица словом, имеющим отвлеченное значение свойственного или приписываемого данному лицу качества, например: *нечистый* вместо *чёрт, дьявол, домовой*.

2. Троп, состоящий в метафорическом применении собственного имени для обозначения лица, наделенного свойствами первоначального (широко известного по литературе, истории и т. п.) носителя этого имени, например: *Морфей* вместо *сон*, *Отелло* вместо *ревнивец*, *Дон-Жуан* вместо *сластолюбец* и т. п.

3. Фигура речи, состоящая в описательном обозначении лица, например: *победитель при Аустерлице, побежденный при Ватерлоо* вместо *Наполеон* [Ахманова, 1996].

Данные определения при всей их конкретности не окончательны: в вышеописанных случаях антономасия используется только для обозначения лица, исключая обозначение событий, мест и т. д., без чего дефиницию термина невозможно назвать полной.

Например, И.Р. Гальперин относит антономасию к стилистической группе приемов, выраженных во взаимодействии предметно-логического и

назывного значений: «Антономасия – это один из частных случаев метонимии, в основе которой лежит отношение места, где произошло какое-либо событие, лицо, известное каким-либо поступком, деятельностью, и сам поступок, деятельность. Это отношение проявляется во взаимодействии назывного и предметно-логического значения» [Гальперин, 1965, с. 238].

Таким образом, различные взгляды на антономасию, предположительно, объясняются рассмотрением термина в качестве стилистического приема: в зависимости от рассматриваемых в той или иной работах примеров, термин получал соответствующую узконаправленную характеристику.

1.4 Переносный эпитет и его типология

1.4.1 Метафорический и метонимический эпитеты

Достаточно актуальным сегодня является вопрос о статусе и о возможности выделения переносного (перенесенного) эпитета в качестве самостоятельного разряда. При этом само существование данного явления признаётся большинством исследователей, но его рассмотрение осуществляется с самых разнообразных точек зрения.

Уже в первых памятниках славянской письменности четко распознаются основные тенденции переносного употребления прилагательных. В.В. Колесов в своей статье, посвященной употребляемым в «Слове о полку Игореве» эпитетам, наряду с постоянными эпитетами, отмечает широкое использование метафорических эпитетов (*вещие персты, живые струны, железные полки, жемчужная душа*) [Колесов В.В. Эпитет в «Слове». URL: <http://feb-web.ru/feb/slovenc/es/es5/es5-2522.htm> (дата обращения: 11.01.2016)].

И.З. Серман в статье «О поэтике Ломоносова» обращается к проблеме формирования и развития метафорического значения прилагательного. Автор доказывает, что, благодаря употреблению Ломоносовым эмоционально-

метафорических эпитетов, произошла перестройка системы русского стихосложения, поскольку смысловое наполнение адъективных лексем стало гораздо шире их предметного значения. Поэт комбинирует эпитеты с существительными в таких сочетаниях, которые не употребляются в бытовой речи: «так, *берега* у него могут быть *веселые* и *послушные*» [Серман И.З. О поэтике Ломоносова. URL: <http://feb-web.ru/feb/lomonos/critics/ling/ltl/ltl-101-.htm> (дата обращения: 09.07.2016)].

«Для стиля русской поэзии 1800–1810-х годов <...> свойственно особенное пристрастие к «поэтическим» по самому своему смыслу и звучанию эпитетам, особенно к двум – *сладкий* (*сладостный*) и *златой*. В поэзии Ломоносова эти эпитеты служат тем же целям. Они не столько характеризуют конкретные качества предмета, сколько его эмоционально, поэтически, эстетически характеризуют» [там же]. Эпитеты настолько расширили свойства сочетаемости, что стали отличительной чертой стиля целой эпохи: постепенно теряющие при переносно-метафорическом употреблении свое конкретно-предметное значение и приобретающие некую смысловую зыбкость и эмоциональную неопределенность, они стали отличительной чертой русской словесности этого времени.

Б.В. Томашевский говорит об эпитетах метафорических и идеализирующих, по сути, разделяя переносные эпитеты на две категории. «Метафорический эпитет отличается от обыкновенной метафоры тем, что в нем есть элемент сопоставления. Можно, например, в контексте заменить слово «зубы» словом «жемчужины». Мы получим чистую метафору, весь эффект которой заключается в том, что слово «зубы» не употреблено. Но можно сказать «жемчужные зубы». Здесь эпитет «жемчужные» играет ту же роль, что и слово «жемчужины» в первом случае, но отличие то, что слово «зубы» всё же сказано, и поэтому облегчено понимание предложения. «Жемчужные зубы» или «зубы-жемчужины» дает сопоставление слова, называющего предмет в прямом значении, со словом, называющим его метафорически» [Томашевский, 1999, с. 37]. В рамках метафорических

ученый выделяет эпитеты идеализирующие, т.е. служащие для воссоздания идеализированной картины мира.

А.Н. Веселовский называет переносные эпитеты синкретическими, отмечая тот факт, что такие эпитеты вызываются ассоциациями субъективных чувственных восприятий, выражающихся у первобытного человека одними и теми же лингвистическими показателями [Веселовский, 1989].

О.С. Ахманова выделяет эпитеты украшающие и перенесенные. Перенесенный эпитет понимается предельно узко – это частные случаи эналлаги, т.е. сугубо синтаксический перенос определения с одного существительного на другое: *голубей крепкокрылая стая* (вместо *голубей крепкокрылых стая*), но не семантический.

«Эпитет украшающий – разновидность определения, отличающаяся от обычного экспрессивностью, переносным, тропеическим характером» [Ахманова, 1969, с. 350], например: *шелковые кудри, серебряные седины и т.д.* В своей теории Ахманова не разграничивает наличие переноса, образность и экспрессию.

В основе классификации у Т.Г. Хазагерова положен многоаспектный семантический критерий. Ученый называет следующие типы эпитетов: метафорический; метонимический; контрастный; перифрастический; плеонастический [Хазагеров, 1999, с. 281].

Метафорический и метонимический типы выделяются на основе образной составляющей семантики прилагательного; плеонастический, контрастный и перифрастический – в зависимости от типов соотношения семантики определяемого слова и семантики определения. Метафорические эпитеты, по мнению Хазагерова, являются наиболее распространенными. Автор иллюстрирует их, заимствуя примеры из работ О.С. Ахмановой.

Ученый приравнивает метонимический и метафорический эпитеты к переносному. При этом он уделяет внимание такому явлению как гипаллага, т.е. «сложная гибридная фигура, основанная на перемещении определения от

того слова, к которому оно относится по смыслу, на другое, связанное с первым отношения смежности. Возможность перемещения отражает сходство впечатлений от предметов или явлений, названных данными словами. Таким образом, в гипаллаге сочетается свойство метонимии и метафоры» [Хазагеров, 1999, с. 281].

И.Р. Гальперин выделяет следующие виды эпитетов:

а) эпитеты, которые характеризуют объект и выделяют черты, ему присущие (*шумные улицы*). Словоупотребление *шумные улицы* следует понимать как перенос по смежности;

б) эпитеты, которые характеризуют объект и выделяют черты, не свойственные объекту (*седое утро, безоблачное счастье*). Эти метафорические эпитеты построены по принципу сходства. Гальперин называет их ассоциированными [Гальперин, 1974, с. 108].

В данном случае классификации основной акцент делается на наличии или отсутствии ассоциаций, возникающих при прочтении словосочетаний, содержащих в себе эпитет.

И.В. Арнольд говорит о двух группах эпитетов: без нарушения семантических смыслов (прямо называют признак, присущий предмету) и с их нарушением (аналогично перенесенному эпитету) [Арнольд, 1981, с. 22]. Как и в случае с таксономией, предлагаемой И.Р. Гальпериным, данная классификация видится весьма неясной и довольно субъективной в основополагающем принципе деления, а также не раскрывает природы возникновения таких эпитетов и их сущности.

Когнитивный подход к формированию стилистически маркированной информации, передаваемой эпитетами, приводит К.Д. Голубину к выделению трех типов – ментальных моделей эпитетов:

а) метафорические (*печальное небо*);

б) метонимические (*громкий город*);

в) метафтонимические (*печальные глаза*) [Голубина, 1998, с. 8].

Метафтонимический тип эпитетов предполагает совмещение в себе метафорической и метонимической составляющих переноса: с одной точки зрения, перед нами метафора, с другой – метонимия (*печальные глаза – глаза печального человека*).

Обобщая рассмотренные выше работы, исследующие переносные метафорические и метонимические эпитеты, необходимо отметить, что соответствующие типы сводятся к выполнению одной главной функции – актуализации, т.е. сосредоточении внимания адресата на существенном признаке предмета речи.

Метафорический и метонимический способы образования эпитета являются наиболее распространенными в современной художественной речи. Явление метафорического эпитета рассмотрено достаточно подробно, но однородности и единства в подходе к рассмотрению данного феномена так и не было достигнуто, что специфично для всей теории эпитета в целом. Например, А.П. Квятковский считает эпитетом исключительно метафорическое определение. Метонимический эпитет, в свою очередь, достаточно долго оставался на периферии лингвистических исследований и подвергся аналитическому осмыслению лишь в последние десятилетия.

1.4.2 Адъективная метонимия

Явление адъективной метонимии в науке получило большое количество различных наименований: контекстуальная метонимия, метонимия признака, смещенное определение, отраженная метонимия, динамическая метонимия, дискурсивная метонимия.

О.В. Раевская характеризует понятие дискурсивной метонимии следующим образом: «Дискурсивная метонимия, в отличие от лексической, или лексикализованной, реализуется только в рамках текста и вне его не существует» [Раевская, 2000, с. 50]. Автор развивает мысль о том, что феномен дискурсивной метонимии проявляется на уровне словосочетаний и предложений, а не только на уровне отдельно взятых слов.

Метонимический перенос в реплике-стимуле обычно воплощается в смене модальности: вопрос употребляется вместо просьбы, побуждения и т.д. По мнению Раевской, риторический вопрос – это типичная дискурсивная метонимия.

Рассматривая различия употребления прилагательного в метонимически производном значении, с одной стороны, и дискурсивного прилагательного – с другой, М.В. Сандакова отмечает, что лексическая метонимия существует в языке в готовом виде и не является живым процессом, когда дискурсивная метонимия прилагательного создается в процессе деятельности говорящего. Во втором случае мы говорим о метонимии в действии, которая рождается и существует исключительно в рамках дискурса. Дискурсивной метонимии свойственен относительно нерегулярный характер употребления. Автор считает, что «в результате узуального метонимического переноса прилагательное приобретает вторичное лексическое значение, которое получает словарную фиксацию. Дискурсивная метонимия не приводит к семантической деривации: здесь можно говорить не о новом значении, а лишь об употреблении прилагательного» [Сандакова, 2004, с. 106].

Нестандартное соединение компонентов дискурсивного метонимического словосочетания создает экспрессивность. В отличие от атрибутивного словосочетания с узуальным метонимическим значением прилагательного, дискурсивная метонимия, по мысли М.В. Сандаковой, непонятна в изоляции от контекста. Внеконтекстная связь возможна только в случае отражения каких-либо очевидных фиксированных предметно-логических связей в смысловых отношениях компонентов словосочетания.

Рассмотрим следующий пример:

Полон кровью рот мой черный,

Давит глотку потный страх,

Режет грудь мой конь упорный

О колючки на буграх [Кедрин Д. Погоня. URL: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=13497> (дата обращения: 18.11.2016)].

В словосочетании *потный страх* определяемое имя обозначает причину, прилагательное – следствие, т.к. процесс выделения жидкого секрета (пота) является одним из возможных физиологических проявлений страха.

Основываясь на работах О.В. Раевской, М.В. Сандакова выделяет три различных механизма дискурсивной метонимии качественных прилагательных.

1.4.3 Эллипсис

В данном случае эллиптическое сокращение является уже завершённым процессом – прилагательное приобрело самостоятельное лексическое значение, отличное от исходного значения.

Смелый поступок – это свойство поступка, а не его субъекта; *глупое лицо* – свойство лица и т.д. «Глупое лицо» не всегда подразумевает «лицо глупого человека». О.В. Раевская отмечает, что дискурсивное метонимическое сочетание обычно не столько даёт конкретную постоянную характеристику объекта, сколько описывает частную ситуацию, то есть «отрезок, часть отражаемой в языке действительности» [Раевская, 2000, с. 5].

С помощью дискурсивного метонимического словосочетания говорящий фокусирует внимание на двух участниках ситуации – названного существительным и репрезентируемого через свойство, заимствованное у него и переданное первому. Например: *Чем это объяснить? Откуда это странное смущение – вместо ликующей, говорливой свободы, которую я так, так предвкушал?* [Набоков В.В. Дар. URL: <http://mobooka.ru> (дата обращения 20.08.2016)]. В словосочетании *ликующей, говорливой свободы* определения лица оказываются при имени его состояния.

«Дискурсивное метонимическое словосочетание прилагательного – это смысловой сгусток, представление целого описания в конденсированном виде. Показывая ситуацию с двух сторон, со стороны эксплицированного и

имплицированного участника, оно производит эффект многомерности изображения» [Сандакова, 2004, с. 107].

Обычное атрибутивное словосочетание с прилагательным в роли определения обозначает соответствующие друг другу носителя признака и какие-либо присущие ему свойства. Для дискурсивных метонимических прилагательных характерно семантическое несогласование – предмет речи наделяется неочевидным, нехарактерным свойством.

По мнению М.В. Сандаковой, «о дискурсивных метонимических словосочетаниях прилагательного можно говорить как о результате семантического эллипсиса, при котором смысловая конденсация приводит к структурному сокращению синтаксической единицы» [Сандакова, 2004, с. 109].

1.4.4 Номинативная подмена определяемого

В случае с номинативной подменой определяемого, в отличие от эллипсиса, смежность носит логический характер: определяемое имя заменяется другим именем, выражающим предикативную характеристику объекта, имеющегося в виду.

Такие смещения зачастую могут быть связаны с текстовыми импликациями, смысл которых служит базой для образования метонимического словосочетания: «предикативное отнесение объекту какой-либо характеристики или отнесение его к какому-либо классу обычно составляют пресуппозицию высказывания с дискурсивной метонимией прилагательного» [Сандакова, 2004, с. 108]. М.В. Сандакова отмечает, что подобная номинативная подмена определяемого нередко встречается в современном рекламном дискурсе: *вкусные радости* («радость» – «то, что является источником радости»), *хрустящее счастье* («счастье» – «то, что является источником счастья»).

Словосочетания, возникшие путем подмены определяемого, иногда переходят также в разряд устойчивых. Такой случай автор иллюстрирует на примере словосочетания *белая смерть*, которое употребляется для

обозначения соли или сахара. Чрезмерное употребление данных продуктов, очевидно, может послужить причиной развития опасных смертельных заболеваний, поэтому становится возможным метонимическое смещение прилагательного со значением имманентного свойства: «белая соль» – «белая смерть».

1.4.5 Словообразовательный механизм как способ создания эпитета

Данный способ образования эпитета предполагает создание от имени одного из фигурантов речи прилагательного, служащего определением имени другого. Для русского языка такое представление участников речевой ситуации в атрибутивном словосочетании специфично для сочетаний с относительными прилагательными. Использование качественного прилагательного – явление скорее единичное.

А.А. Коротеев в своих исследованиях выделяет три группы смещенных определений:

1. Смещенные определения, приписывающие части признак целого.

Юноша встряхнул головой, стиснув голодные зубы (М.Горький)

2. Смещенные определения, грамматически подчиненные названию целого, а по смыслу – наименованию части.

а. Обозначающие совокупность однородных предметов: *коней табун игривый* (М.Лермонтов);

б. Обозначающие предметы, состоящие из частей: *липы душистой цветы* (К.Бальмонт).

Чаще всего присваивается признак одной из частей человека в целом: *Из вагона выходят клетчатые американцы* (А. Авдеенко).

3. Смещенные определения, присваивающие признак одного предмета другому, не связанному с первым отношениями части и целого:

а. с действующего на опредмеченное действие:

жадная суета людей (М. Горький);

б. с носителя свойства или состояния на само свойство или состояние:

*в восторге только музы тайном осмелились сей стих
бряцать.* (Г.Державин);

в. с объекта на опредмеченное действие:

тела отдадим раздетому плясу (В.Маяковский);

г. с места действия на опредмеченное действие:

с черным моленьем в зрачках (В.Брюсов);

д. с носителя свойства на выразитель:

Нет, малодушный стон не омрачит той славы (Надсон);

е. с действия на действитель:

*Кипит и чашей вихрь стройный под гул отрывистых
смычков* (Ю.Вяземский);

ж. со следствия на причину:

Ночь – лицо к лицу гнет в счастье бледном (В. Брюсов);

з. с причины на следствие:

Дебелый вол спал в тени зеленой (А.Фет);

и. с действителя на объект:

Смахнул со лба, с усов сонный пот (Авдеенко);

к. с действителя на орудие:

То Гогарта схватив игривый карандаш... (Ю.Вяземский);

л. с одного из сходных предметов на другой (т.н. мальтийский механизм);

м. с действителя или объекта на место действия:

Иди на горячие пути под домны и мартены (Авдеенко);

н. с действителя или объекта на время:

*Сколько суток полусонных он оставил за
собой* (А.Твардовский) [Коротеев, 1964].

А.Х. Мерзлякова приводит, пожалуй, наиболее полную из существующих типологий адъективной метонимии. Она основана не только на смежности предметов, лежащих в основе метонимических переносов, но

также и на смежности признаков этих предметов. В типологии выделяется четыре типа адъективной метонимии прилагательного:

1) каузальная адъективная метонимия, в основе которой положена ассоциативная связь компонентов причинно-следственных отношений: *зеленый человек* – человек, выпивший что-то (алкоголь) или уставший, а потому, как следствие, ставший зеленым (ср. с *зеленый дом*). Здесь различаются семантические переходы, осуществляемые от причины к следствию (см. выше) и от следствия к причине (*ты весь черный*, то есть *грязный*);

2) конверсивной адъективной метонимии, которая базируется на объединении двух взаимодополняющих признаков и имеет следующие виды:

а) каузирующий подтип, при котором перенос происходит с состояния на вызывающую его причину: *грустный человек* – *грустные сумерки*;

б) индикативный подтип, где перенос основан на отношении между состоянием и его внешним проявлением: *боязливый человек* – *боязливый взгляд*;

в) включающий подтип, при котором происходит включение признака, присущего одному предмету, в состав признаков, присущих другому, смежному объекту: *умный человек* – *умная доброта*;

г) метонимия длительности состояния, где перенос основан на смежных отношениях между состоянием и периодом длительности этого состояния: *печальная жизнь*, *печальное детство*;

д) локативный подтип, при котором перенос покоится на отношении смежности между состоянием и местом, где оно переживается: *радостный парк*;

3) вторичной метонимии признака, которая функционирует чаще как синтаксическое смещение и определяется в большей степени природой объекта, а не собственно признаками. Данный тип метонимии адъектива используется при характеристике объекта, предмета, явления, связанных

импликативной связью, ситуацией включения признаков, при котором происходит переподчинение смысла: *молчаливый человек – молчаливые уста*;

4) синекдохе, которая совмещает отношения включения и подчинения: имеющий признак А, включающий В – имеющий признак В; синий цвет – синий человек от холода – синий человек.

Все приведенные типы переносов, по мнению А.Х. Мерзляковой, ограничены возможностями ассоциативных связей имен и обусловлены реальными ситуативными связями, зависят от «общественных пресуппозиций о миропорядке» [Мерзлякова, 2003, с. 244]. При метонимическом типе переноса особенно важно учитывать предметную сферу, ее специфику, тогда как при метафорических преобразованиях на первый план выходит субъективное восприятие признака. Кроме того, именно конверсивный тип адъективной метонимии наиболее антропоцентричен, по мнению автора классификации; сферой-донором здесь выступает поле «эмоции», тогда как вторичная метонимия и синекдоха чаще используются при моделировании экзистенциальных или артефактных понятий.

Метонимия признака, как мы смогли убедиться в этом выше, – неоднозначное явление, получившее в научной литературе большое число интерпретаций. На сегодняшний день сформирован инструментарий, позволяющий детально проанализировать адъективную метонимию в различных дискурсах.

1.5 «Нетрадиционные» типологии эпитетов

Помимо постоянного и переносного эпитетов лингвистами также выделяются некоторые другие, «нетрадиционные» типы, в основу которых положены разнообразные критерии:

- формальный (вопрос о морфологической наполненности понятия *эпитет*);
- семантический (вопрос о выделении тавтологического и плеонастического эпитетов);
- стилистический и др.

1.5.1 Формальная типология

Касательно морфологического состава термина «эпитет» существует несколько точек зрения. В некоторых исследованиях эпитет рассматривается широко: авторы относят к данному понятию прилагательные и наречия (в том числе и слова, подвергающиеся адъективации – причастия, местоимения) [Арнольд, 1981, с. 85]; прилагательные, наречия, причастия и деепричастия [Вольф, 1982, с. 26–54]; существительные и прилагательные [Флорес-Фернандес, 1975, с. 33]. В других исследованиях понятие эпитета сужается – некоторые авторы относят к нему только метафорические прилагательные, заключающие в себе сравнение [Квятковский, 1966, с. 302], украшающий эпитет [Жармунский, 1977, с. 201].

А.А. Потемной разработана формальная классификация эпитетов, в которой автор выделяет эпитеты, выраженные:

- 1) прилагательными в роли определения;
- 2) аппозитивными существительными (*конь добра лошадь*);
- 3) прилагательным при другом прилагательном (*ясна красна*);
- 4) наречием при глаголе (*долго думая*);
- 5) глаголом при глаголе (*думая - гадая*) [Потемня, 1990, с. 124].

М.Ю. Сидорова систематизирует адъективные определения, исходя из семантико-грамматического критерия их оценки, выделяя четыре типа адъективных значений:

- 1) наблюдаемые эмпирические признаки (цвет, форма, материал);
- 2) информативные признаки:
  - признаки определенного рода (*настольная лампа*);

– ситуативные признаки (это ее *единственное* платье);

3) оценочные признаки;

4) эмоциональные признаки:

– эмоционально-статуальные значения (*печален я*);

– эмоционально-экспрессивные значения (*грустный взгляд*);

– эмоционально-каузативные значения (*печальная нива*) [Сидорова, 1994, с. 69–80].

И.С. Глазунова, классифицируя эпитеты по нескольким признакам, отмечает, что «атрибутивные и адвербиально-атрибутивные метафорические конструкции составляют наиболее продуктивную разновидность метафорических переносов, в силу того, что их структура предназначена для реализации самых разнообразных оттенков метафорического значения» [Глазунова, 2000, с. 102].

По мнению цитируемого автора, наиболее распространенной является группа атрибутивных словосочетаний, основу которых составляют прилагательные, предложно-падежные формы существительных и наречия, обладающие метафорическим значением.

Вторую группу атрибутивных конструкций составляют словосочетания с деепричастиями и деепричастными оборотами, обладающими метафорическим значением.

Третья – группа субстантивных словосочетаний, в которую автор включает конструкции с причастиями и причастными оборотами. Особенностью данной группы является то, что носитель признака указывает на реальный предмет сообщения, а лексема с атрибутивным значением используется метафорически.

Другая разновидность метафорических структур – атрибутивные конструкции, в которых вспомогательный субъект представлен существительным-метафорой, выступающим в функции определяемого слова, а объект референции – относительным прилагательным (*звёздная пыль, небесная сфера*). Автор отмечает, что подобные атрибутивные

конструкции заметно уступают в плане частотности употребления конструкциям с метафорически выраженными определениями. Возможность реализации метафорического переноса и на уровне объекта, и на уровне его признака приводит к тому, что в случае вычленения атрибутивной метафорической конструкции из контекста ее смысл не всегда может быть установлен однозначно [Глазунова, 2000, с. 102–104].

Помимо принципиального разграничения субъекта и объекта эпифразы, в вышеприведенной классификации отсутствуют более традиционные типы эпитетов (постоянные, тавтологические и пр.), что и делает её формальной.

1.5.2 Семантическая типология

В упомянутой выше классификации О.С. Ахмановой типы эпитетов выделяются исходя из различных критериев. Например, автор вводит понятие порицательного эпитета, под которым она понимает «слово или словосочетание, выступающее в функции обращения и выражающее отрицательное отношение говорящего к предмету» (*Ты врешь – мерзавец!*) [Ахманова, 1969, с. 191]. Стоит отметить, что в подобных примерах возможна диаметрально противоположная коннотация – в зависимости от контекста.

Проблема выделения тавтологического эпитета решается учеными довольно неоднозначно, несмотря на то, что трактовка этого понятия едина. К выделению тавтологического эпитета применим особый критерий – характер соотношения семантики главного слова и определения: тождество и различие.

О.С. Ахманова под понятием тавтологического эпитета подразумевает «эпитет, возвращающий слову утраченную им экспрессивную образность» [Ахманова, 1969, с. 398]. В данном понимании уместно говорить об этимологической специфике тавтологии, которая обычно не воспринимается современными носителями языка.

Мысль О.С. Ахмановой развивается в дефиниции И.В. Арнольд, которая считает, что тавтологический эпитет – это семантически согласованный эпитет, подчёркивающий какое-либо основное свойство определяемого, то есть повторяющий в своём составе сему, обозначающую неотъемлемое свойство объекта [Арнольд, 1981].

1.5.3 Стилистическая типология

Данный подход с типологии эпитетов проиллюстрирован в работах И.Р. Гальперина, А.А. Потебни (о них уже говорилось ранее), Л.В. Бобылевой и др.

По мысли Л.В. Бобылевой, эпитет является лексико-синтаксическим тропом, который передает отношение автора к предмету, благодаря наличию в нем эмотивных, экспрессивных коннотаций. Сама коннотация соответственно зависит от микро– и макроконтраста. По Л.В. Бобылевой, к эпитету следует относить определения, построенные на метафорическом и метонимическом переносе; логические определения, стилистически маркированные в макроконтрасте (*светлый взор*).

1.6 Многоаспектная классификация

Вероятно, в силу сложности и неоднозначности эпитета и различных подходов исследователей, изучающих данный феномен, попыток разработки универсальной многоаспектной классификации, учитывающей как формальные, так и семантические критерии, предпринято немного.

Наиболее цельной и исчерпывающей среди подобных видится классификация эпитетов В.П. Москвина. Исходя из различных критериев, автор выделяет следующие типы эпитетов:

1. Характер номинации:
  - а) эпитеты с прямым значением (*зеленый лес*);
  - б) метафорические эпитеты (*золотой луч*);
  - в) метонимические эпитеты (*зеленый шум*).
2. Семантический параметр:
  - а) оценочные (*золотой век*);
  - б) цветовые (*лазурное небо*).
3. Структура:
  - а) простые (*дремучий лес*);
  - б) сложные (*пшенично-желтые усы*).
4. Степень освоенности:
  - а) общезыковые (*лазурное море*);
  - б) индивидуально-авторские (*нецензурная погода*).
5. Степень устойчивости:
  - а) свободные (*синие глаза*);
  - б) постоянные (*светлое будущее*);
  - в) фольклорные (*горе горькое*).
6. Стилистическая окраска:
  - а) разговорные (*цветастая радуга*);
  - б) газетные (*прогневший режим*);
  - в) книжные, поэтические (*мятежная душа*).
7. Количественный показатель:
  - а) одиночные (*легкокрылые мечты*);
  - б) двойные, вилка (*золотистые ароматные сосны*);
  - в) тройные (*игольчатый льдистый мелкий снег*).
8. Сочетание с фигурами повтора:
  - а) тавтологический (*горе горькое*);
  - б) сквозной (*застенчивый укор застенчивых лугов*).

В.П. Москвин исходит из понимания эпитета как «определения, подчиненного задаче художественного описания объекта» [Евгеньева, 1948,

с. 33]. Данное определение достаточно широко, поэтому его можно признать своеобразным эталоном для дефиниции данного понятия.

Подводя промежуточные итоги, мы можем сказать, что проблема классифицирования и типологии эпитета, являясь одной из центральных в современной лингвопоэтике, по-прежнему остаётся актуальной. Несмотря на тот факт, что эпитет единогласно рассматривается большинством исследователей как одно из основных средств утверждения индивидуального субъективно-оценочного отношения к описываемому автором явлению, количество фрагментированных и не сводимых к единому «знаменателю» подходов к его типологии стабильно увеличивается.

Руководствуясь соответствующей спецификой и требованиями собственных конкретных исследований, каждый автор выделяет и вводит свою классификацию, устанавливает группы и подгруппы эпитетов, исходя из решаемых им задач. При этом результаты подобных попыток систематизации теоретических подходов между собой соотносятся крайне тяжело, не редко конфликтуя и противореча друг другу. Языковые факты изучаются в зависимости от их семантики и структуры, с точки зрения их функциональных ролей в текстах различной тематики. Подобная разноплановость исследований затрудняет и усложняет классификацию эпитетов, делает крайне неоднородными и противоречивыми дефиниции рассматриваемого феномена. Понятие «эпитет» объединяет различные лексические средства образности, что также усложняет задачу по выстраиванию цельной унифицированной теории.

1.7 Манипулятивный потенциал текста

Американский психолог и писатель, автор книг о самосовершенствовании, навыках успешного общения и ораторском искусстве Д. Карнеги в своё время писал следующее: «На свете есть только один способ побудить кого–либо что–то сделать... И он заключается в том, чтобы заставить другого человека захотеть это сделать. Помните – другого способа нет» [Карнеги Д. Афоризмы. URL: <http://www.orator.ru/carnagey.html> (дата обращения 19.05.2017)]. Формулируя «Девять правил, соблюдение которых позволяет воздействовать на людей не оскорбляя их и не вызывая у них чувства обиды», автор под последним девятым пунктом отмечает: «Добивайтесь, чтобы люди были рады сделать то, что вы предлагаете».

Неоднозначными и малоисчерпывающими представляются попытки номинации, именующие манипулятивное воздействие текстов на читателей, для обозначения которого в различной научной литературе избираются самые разнообразные термины, например: манипуляция, манипулирование, манипулятивные психотехнологии, оруэллизм, речевые манипуляции, «речевое насилие» и т.д. Существующая разнотипность и разнообразие именовании данного явления порождает большое количество дискуссионных моментов, связанных с дефиницией и единообразной научной трактовкой содержательной стороны понятия манипуляции. Основные причины парадокса, когда исследователи описывают одни и те же процессы, используя различную терминологию, судя по всему, кроются в отсутствии общепризнанной фундаментальной теоретической базы. Как правило, изыскания основываются на некоей фрагментарной совокупности научных исследований, удовлетворяющих специфические требования конкретной работы.

С другой стороны, процессы, происходящие в ходе психической деятельности читателя (тем более, если речь идёт о группе людей, массовой аудитории) – итоговое восприятие текста, его «эффектность» и

«эффективность», уровень доверия автору или источнику информации, ситуативные характеристики (где, когда и при каких обстоятельствах был актуализован текст, его адресат и адресант) и другие факторы, видятся крайне затрудняющими теоретическое осмысление в силу неоднородности и субъективности.

Любопытно проанализировать взаимоотношение двух таких крупных понятий как «манипуляция» и «речь». «Язык как система понятий, слов (имен), в которых человек воспринимает мир и общество, есть самое главное средство подчинения... Первоначальной функцией слова на заре человечества было его суггесторное воздействие» [Кара-Мурза, 2000, с. 73]. Подобного мнения придерживаются лингвисты, отмечающие невозможность четкого выделения манипулятивных и «неманипулятивных» речевых актов. Например: «из-за крайней сложности квалификации и проведения черты между просто речевым воздействием, без которого нет и не может быть естественного общения людей (любой речевой акт суггестивен), и манипуляцией» [Голев, 2007, с. 12]; «Любой акт коммуникации, вербальной или невербальной, призван воздействовать на ее участника. Даже фатическое общение имеет целью как минимум возбудить внимание к тому, кто такое общение инициирует. Даже нейтрально-информативный монолог типа научного сообщения имеет целью как минимум побудить слушателей вникнуть в его содержание...» [Осипов, 2007, с. 218]. Исходя из приведенных и многих других подобных суждений, возможно сделать вывод об изначальном присутствии суггестивного потенциала в языке.

С.А. Виноградова в статье «Политический дискурс как коммуникативное явление с манипулятивным потенциалом» пишет: «Современное общество настолько тесно связано и зависимо от информации, что его называют «информационным». Информация в широком смысле слова – это отражение реального мира, но передача информации – это не констатация фактов объективной реальности, а их интерпретация, т.е.

перенос в реальность информационную. Будучи созданной человеком, являясь вербализированной частью его модели ситуации, информация становится интерпретацией» [Виноградова, 2010, с. 45].

Массовое сознание – неоднородный, противоречивый, многоуровневый специфический род общественного сознания, в котором в качестве субъекта коммуникации выступает совокупность индивидов (масса), обладающая определенными характеристиками: гетерогенностью, стохастичностью, ситуативностью и др. Одной из главных форм воплощения массового сознания является общественное мнение, в котором выражается отношение различных групп людей к окружающей действительности, затрагивающей их интересы.

Речь не только выражает мысль, но и обуславливает понимание этой мысли. Каждое предложение состоит из двух слоев: первый представляет факт передачи информации об объекте, а второй является оценкой этой информации субъектом [Дрибнюк, 2012, с. 134].

СМИ играют важную роль в формировании общественного сознания и конструировании социальной реальности. Особенности медийного конструирования реальности детерминированы преобразованиями информационной сферы, а также следующими социокультурными явлениями: конвергенцией, конгломерацией и дигитацией медиаресурсов. Изменение информационного пространства, в свою очередь, ведет к возникновению единой глобальной медиасреды и искусственно созданной социальной реальности. Важную роль в данном процессе играют методы манипулятивного воздействия. Медиавоздействие выступает в качестве инструмента конструирования социальной реальности, в то же время являясь частью этой реальности [Саяпина, 2011, с. 5].

Общественное мнение создается не столько в момент первичного поглощения адресатом сообщений СМИ, сколько на последующем этапе диалога. Информация и, что принципиально, ее осмысление и оценка транслируются вторичному широкому кругу субъектов по линиям

межличностного общения и корректируются «лидерами мнения» – людьми с четкими общественно-политическими взглядами, активной жизненной позицией, потому имеющими авторитет у окружения [Осетрова, 2010, с. 207].

Сегодня средства массовой коммуникации* (в комплексном рассмотрении) становятся центральным, в основном – единственным каналом ведения информационной войны. Подбор лексических единиц для представления того или иного информационного материала, особенно освещающего общественно-политические процессы, непосредственно связан с выражением оценки: а) автором, дающим характеристику тому или иному событию, явлению, группе людей и т.п.; б) которую адресат дает событиям при восприятии данного материала, т.е. интерпретация исходного материала.

Например, в зависимости от политической точки зрения одни и те же события могут быть подведены либо под категорию проявлений *сепаратизма*, либо под категорию *борьбы за национальное самоопределение*. Кроме того, одна и та же ситуация может быть характеризована с разной степенью конкретности/обобщенности. Так, в строительстве нового завода можно увидеть не только ситуацию *строительство завода*, но и ситуации *создание новых рабочих мест*, *решение демографических проблем*, *загрязнение окружающей среды* и т.д. [Кобозева, 2008, с. 89].

В итоге вербализация подразумевает категоризацию отраженного в сознании фрагмента действительности, которая в свою очередь определяет лексический выбор для выражения мысли о том или ином актуальном событии/явлении. Соответствующий лексический выбор активизирует в сознании адресата целостную систему представлений, частью которой это понятие является. Для оказания необходимого воздействия на сознание

---

* Несмотря на некоторые существенные различия, достаточно часто термины «средства массовой коммуникации» (СМК) и «средства массовой информации» (СМИ) употребляются как синонимы. СМК – понятие более широкое, включающее в себя СМИ, средства массового общения и массового взаимодействия, т.н. «обратную связь», межличностное перевоспроизведение информации из СМИ и т.д. В рамках исследования понятия СМК и СМИ отождествляются, выбор того или иного термина обусловлен необходимостью подчеркнуть наличие «обратной связи» или её отсутствие.

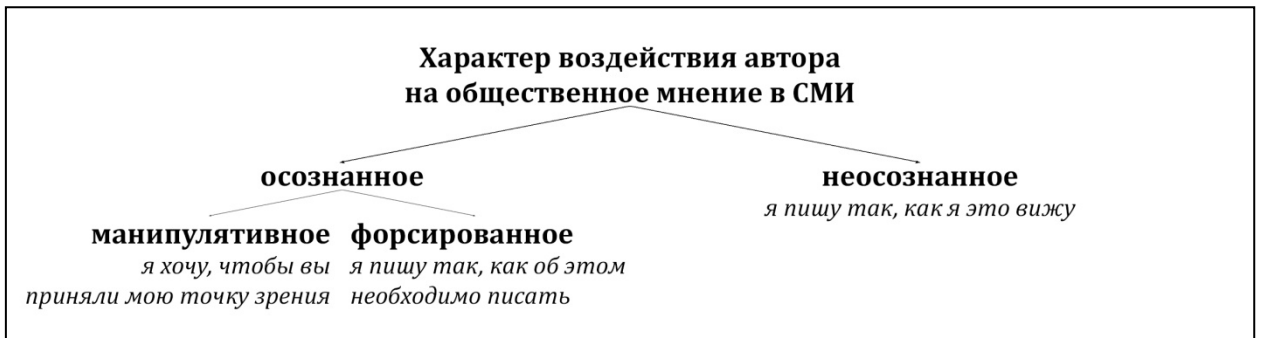
ключевыми становятся *эмоционально-оценочные коннотации*, апеллирующие к эмоциям, интересам и ценностям адресата. В языке часто сосуществуют встроенные в разные парадигмы представлений слова, противопоставленные по оценке: «свой – чужой», «друг – враг», «хороший – плохой» и т.п.

СМИ усиливают информационную связь между людьми, что создаёт чувство национальной общности, единства народной судьбы, порождает мощный импульс для развития т.н. «национального» политического мышления. Закладывая в информационных материалах необходимые для инициатора установки, политический дискурс СМИ «настраивает» сознание тех, кому адресованы сообщения, а это – тысячи и миллионы людей. Ориентация на массового потребителя накладывает отпечаток на язык СМИ. Логичные рассуждения не впечатляют массовую аудиторию – гораздо больший эффект имеют простые, но яркие идеи, чувственные образы, повторения, слова, которые рождают ассоциации, и т.п. [Виноградова, 2010, с. 45]. В то же время «всегда есть разные способы сказать об одном и том же, и выбор никогда не бывает случайным» [Weiler, Barhett, 1992, с. 4], так что использование любой лингвистической единицы в том или ином масс-медийном тексте может иметь определенную мотивацию и наверняка эту мотивацию имеет.

Современные СМИ, освещая те или иные события, участвуют в формировании общественного мнения. Сам процесс формирования можно условно разделить на «осознанное» и «неосознанное» (по умыслу, стратегии автора применительно к необходимому восприятию реципиентом).

Рис. 1. Характер воздействия автора на общественное мнение в СМИ

Процесс воздействия на общественное мнение в СМИ реализуется при помощи богатого арсенала различных вербальных и невербальных приемов и тактик. В рамках данного исследования мы естественно будем придерживаться преимущественно вербального аспекта воздействия.

Специфика воздействия на массовую аудиторию подробно изучена в психологии, социологии и различных смежных науках, которые сходятся в утверждении, что в массовой аудитории исчезает обособленная сознательная личность. Общественное мнение становится средством завоевания и удержания власти; рычагом управления политическими и социальными процессами; инструментом ведения борьбы за сегмент рынка и т.д.

Заметное влияние на экспрессивность языка СМИ оказывают общественно-политические факторы, которые приводят к формированию целого комплекса выразительных слов с социальным звучанием [Шаповалова, 2003, с. 4]. Советские языковеды, изучавшие специфику языка в условиях коммунистической пропаганды, отмечали, что социальная значимость слов, которая является определяющим источником плана их содержания, включает в себя возможность и необходимость управления лексическим значением языковых единиц, установления определенного контроля над семантическим уровнем языка [Жлуктенко, 1981, с. 144].

Р.М. Блакар рассматривает вариативность в выборе слов и выражений как «инструмент власти», так как они позволяют выразить свое отношение к референту. Более того, автор отмечает, что «выразиться "нейтрально" невозможно, поскольку даже неформальный разговор предполагает

"осуществление власти", то есть воздействие на восприятие и структурирование мира другим человеком» [Блакар, 1987, с. 88–91].

Массовое сознание, реагируя на информационную реальность, переносит реакцию на реальность подлинную. Факт начинает функционировать в рамках какой-то интерпретации, лишь затем становясь знанием. Возможно, благодаря такой особенности, информация в последнее время все больше воспринимается как ресурс, что объясняет ее использование в качестве инструмента манипуляции [Виноградова, 2010, с. 45].

Таким образом, феномен манипуляции является одним из главных признаков текстов политической тематики, в то время как различные стилистические приемы, используемые в качестве манипуляционных, дают возможность адресанту влиять на эмоции адресата и через них непосредственно осуществлять перестройку его картины мира [Резникова, 2003].

С.Г. Кара-Мурза выделяет следующие признаки манипуляции:

- манипуляция – это психологическое воздействие, а не физическое;
- манипуляция – это скрытое воздействие; если попытка манипуляции разоблачена, то она считается неудавшейся, поскольку дальнейшие открытые действия со стороны манипулятора могут нанести ему значительный ущерб; особенно важно скрыть главную цель манипуляции, чтобы провал тактики не нарушил целую стратегию;
- манипуляция – это воздействие, которое требует высокого уровня мастерства и определённого багажа знаний. В политическом дискурсе, эти факторы обязательны, и для разработки манипулятивных стратегий привлекаются специалисты или специальные знания [Кара-Мурза, 2000, с. 29].

Рассмотрим толкования понятия «манипуляция». Ученые различных сфер акцентируют внимание на разных деталях и функциях, но сходятся в большинстве из основных моментов. С.Г. Кара-Мурза объясняет понятие

следующим образом: «манипуляция – способ господства путем духовного воздействия на людей через программирование их поведения. Это воздействие направлено на психические структуры человека, осуществляется скрытно и ставит своей задачей изменение мнений, побуждений и целей людей в нужном власти направлении» [Кара-Мурза, 2005, с. 32].

Е.Л. Доценко, основываясь на ряде признаков, выделяемых в процессе анализа сформулированных исследователями определений «манипуляции», предлагает следующую дефиницию: *манипуляция – вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому внедрению в психику адресата намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент* [Доценко, 1997, с. 59].

Манипуляция – способ господства путем духовного воздействия на людей через программирование их поведения. Это воздействие направлено на психические структуры человека, осуществляется скрытно и ставит своей задачей изменение мнений, побуждений и целей людей в нужном власти направлении.

Отличительной от «воздействия» чертой «манипуляции» является наличие: 1) *иллокутивной силы*, т.е. скрытой итоговой интенции манипулятора; 2) *определенной выгоды*, заключающейся в получении соответствующего перлокутивного эффекта. Е.Л. Доценко дополнительно отмечает *мастерство манипулятора*, осуществляющего скрытый замысел [Доценко, 1997].

К.С. Серажим отмечает, что «манипулятивный потенциал политического языка наилучшим образом проявляется в политических мифах и стереотипах, политической рекламе и пропаганде, в функционировании средств массовой информации и в публичной речи политических деятелей. Значительные возможности языка как средства манипулятивного воздействия на общественное сознание находят свое воплощение в различных политических мифах и стереотипах» [Серажим К.С. Современный

украинский политический дискурс. URL: <http://journlib.univ.kiev.ua/index.php?act=article&article=1298> (дата обращения 30.09.2015)]. Рассуждая на тему современного украинского политического дискурса, ученый отмечает факт: одним из центральных элементов в формировании новой стилистической нормы становится оппозиция «новое» – «старое», «своё» – «чужое», где традиционно «старым» и «чужим» является советское прошлое и всё связанное с Россией, «новым» и «своим» – путь евроинтеграции и национальная идентичность Украины.

В некоторых исследованиях, посвященных манипуляции и пропаганде, в качестве идеологических механизмов предлагается рассматривать процессы *эвфемизации* и *деэвфемизации*. Так, в качестве примера данных процессов приводятся понятия «*военное присутствие*» как эвфемизм термину «*интервенция*», который, в свою очередь, рассматривается как его деэвфемизатор. То же в парах: «*регулирование цен*» – «*повышение цен*», «*неполная занятость*» – «*безработица*» [Беркнер, 2001, с. 85–89].

Сталкивание диаметрально противоположных концептов в рамках текста является одним из инструментов манипулирования общественным мнением (примеры данного феномена рассмотрим в следующей главе).

О.В. Дмитрук отмечает, что влияние на массовое сознание осуществляется благодаря сложному и многоступенчатому процессу, в основе которого лежит интенция адресанта. Основываясь на данной интенции, адресант осуществляет подбор соответствующих лексических единиц с присущими им коннотативными значениями, что обуславливает восприятие информации адресатом как позитивной или негативной. Подавая информацию, СМИ одновременно осуществляют функции как информирования, так и идеологического контроля в сферах, представляющих собой интерес для лиц, которые их контролируют [Дмитрук, 2013].

Приемы речевой манипуляции можно условно разделить на три уровня.

1. Логический. На данном уровне языковая манипуляция осуществляется путем незаметного на первый взгляд нарушения законов логики.

2. Собственно языковой. Этот уровень манипуляции является наиболее комплексным, при анализе приемов данного уровня исследование можно проводить лишь выборочно.

3. Фактический. В этом случае процесс воздействия осуществляется путем особой, выгодной манипулятору подачи фактов [Бизюков, 2010, с. 168].

Широкое использование манипулятивных технологий в политических целях порождает угрозу преобразования общества в пассивную массу. Информация транслируется и внедряется в сознание людей посредством СМИ, лишая людей способности критически мыслить, подавляя их волю и индивидуальность. Весь этот поток информации принимается за чистую монету, а политики используют искусственно созданное «общественное мнение», чтобы «развязать себе руки» и беспрепятственно достигать своих целей, которые в действительности не отвечают нуждам общества как такового [Демьяненко, 2012].

Манипулятивность – одна из основных особенностей политического дискурса, в рамках которого манипуляция приобретает дополнительную функцию – влияние на общественное сознание с целью программирования определённых мнений и желаний общества. Конечной целью таких манипуляций является обретение власти над обществом, способности управлять им и подчинять его [Хазагеров, 2014, с. 42–52].

1.8 Политический дискурс

Развитие исследований дискурса относится к середине XX века. Вполне вероятно, что окончание Второй мировой войны и дальнейшее развитие общемировой политики, экономики и других сфер поставило перед наукой ряд узкоспециализированных задач, которые прежде рассматривались под другим углом или не рассматривались вовсе. Основной причиной разработки проблемы дискурса вообще, политического дискурса в частности, можно назвать необходимость поиска единицы более емкой и крупной, чем предложение и текст.

Дискурс (от фр. *discourse* – речь) – в широком смысле слова представляет собой сложное единство языковой практики и экстралингвистических факторов (значимое поведение, манифестирующееся в доступных чувственному восприятию формах), необходимых для понимания текста, т.е. дающих представление об участниках коммуникации, их установках и целях, условиях производства и восприятия сообщения. Дискурс выступает вербальной формой объективации содержания сознания, регулируемой доминирующим в наличной социокультурной традиции типом рациональности. Анализ дискурса представляет собой междисциплинарную область знания; теория дискурса развивается в социологии, лингвистике текста, психолингвистике, семиотике, риторике и т.д. [Грицанов, 2003, с. 158].

Труды, посвященные данной проблематике, появились в 50–60 г.г. в США (Д. Болинджер, В.Ф. Дэвисон, П. Лайнбарджер), Германии (В. Клемперер), Великобритании (Дж. Оруэлл), Франции (А. Пеше, Р. Барт, П. Серио, П. Анри, М. Фуко) и представляли исследования смежных дискурсов и общие положения.

Отечественная лингвистика обратилась к проблеме политического дискурса значительно позднее. Исследования преимущественно проводились в двух направлениях: анализ политдискурса тоталитарного строя (Б.А. Зильберт, С.С. Ермоленко, Ю.И. Левин) и изучение новаций языка в постперестроечный период (Е.Г. Казакевич, А.Н. Баранов, О.П. Ермакова).

В распространенной концепции Т.А. ван Дейка акцентируется языковая природа дискурса и его тесная связь с коммуникацией. По мнению ученого, дискурс – это сложное единство языковой формы, значения и действия, которое соответствует понятию «коммуникативное событие» [Дейк, 1989, с. 46]. В данной концепции понятие дискурс не ограничивается и не отождествляется с понятием текста, включая в себя лингвистический и экстралингвистический аспекты коммуникации.

П.В. Белянин объясняет дискурс как «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, экстралингвистические факторы – знания о мире, мнения, установки, цели адресанта, необходимые для понимания текста» [Белянин, 2009, с. 193].

Н.Д. Арутюнова приводит сразу несколько дефиниций дискурса, раскрывающие данное явление с разных сторон:

- 1) связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами;
- 2) текст, взятый в событийном аспекте;
- 3) речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания;
- 4) дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [Арутюнова, 2002].

Существование дискурса квалифицируется конкретной ситуацией общения, где участники обладают определенными социальными ролями, стремятся достичь определенных целей, благодаря которым организуется дискурс.

Выделяется два типа дискурса – персональный (личностно-ориентированный) и институциональный (статусно-ориентированный), т.е. коммуникация в рамках, заданных статусно-ролевыми отношениями [Карасик, 2000]. К институциональным типам дискурса относятся экономический, научный, **политический** и пр.

Классифицирование дискурса как политического объясняется главным образом политизированными целями и задачами участников коммуникации, т.е. не только и не столько содержательной стороной, сколько прагматически таргетированным аспектом.

Основной функцией политического дискурса при этом является *осуществление власти* в обществе или использование его в качестве *инструмента борьбы за власть*. Необходимо выделить еще одну немаловажную функцию политдискурса – функцию социального контроля, предполагающую создание предпосылок для унификации поведения, мыслей, чувств и желаний большого числа индивидуумов, т.е. *манипуляцию общественным сознанием* [Шейгал, 2004, с. 34–35].

Адресат политического дискурса, его целевая аудитория – самые широкие слои населения. Функционирование политического дискурса в рамках средств массовой коммуникации (СМК) позволяет говорить о значительном уровне публичности, ориентированности политического дискурса на широкие массы. Данное обстоятельство существенно отличает политдискурс от большинства других институциональных видов дискурса.

За счет значительной схожести дискурса масс-медиа и политического дискурса в местах пересечения их областей применения, уместно говорить о частичном тождестве данных двух понятий. В дискурсе масс-медиа журналисты выступают в качестве посредников между политиками и массовой аудиторией, таким образом, становясь «рассказчиками, формирующими общественное мнение [Mihás E. Non-Literal Language in Political Discourse. URL: <http://ling.wisc.edu/lso/wpl/5.1/LSOWP5.1-10-Mihás.pdf> (дата обращения 30.09.2015)]. К примеру, текст закона относится к политическому дискурсу, а новостная заметка о его принятии или разъяснение его действия в авторской колонке – политический дискурс средств массовой информации. Таким образом, политический дискурс СМИ возникает в области пересечения политического дискурса и дискурса СМИ, которые обладают рядом схожих черт [Никитин, 2006].

Политический масс-медийный дискурс – достаточно сложное коммуникативное явление с огромным манипулятивным потенциалом, который направлен на достижение текущих или перспективных политических целей, решение соответствующих задач. Политический дискурс включает в себя многочисленные дискурсивные практики, каждая из которых «раскрывает существующие на данный момент тенденции использования сходных по функции альтернативных языковых средств для выражения определённого смысла и замысла» [Романов, 2002, с. 5].

К отличительным особенностям политического дискурса принято относить пропаганду и манипуляцию, рассматриваемые в качестве содержательной и инструментальной стороны политического процесса в целом [Lasswell, 1969, с. 12]. Основоположником научного изучения и объяснения явлений манипуляции и пропаганды считается американский социолог и политолог Г. Лассуэлл [Lasswell, 1977, с. 49].

О.Н. Хроменко говорит о мифологичности и искажении реальности как неотъемлемой характеристике политдискурса [Хроменко, 2009, с. 180–181]. Видится уместным подчеркнуть, что включение в коммуникацию иррациональных установок и в разной степени искажение объективной реальности (т.е. манипуляция на лексическом и фактическом уровнях) является основополагающим признаком политического дискурса.

Содержащаяся в текстах политической тематики информация может также быть разделена на *эксплицитную* (явно выраженную) и *имплицитную* (выводимую).

А.П. Чудинов выделяет восемь типовых свойств политического дискурса:

1. ритуальность и информативность;
2. институциональность и личностный характер;
3. эзотеричность и общедоступность;
4. редукционизм и полнота информации в политическом дискурсе;
5. стандартность и экспрессивность;

6. диалогичность и монологичность;
7. явная и скрытая оценочность (категория квалитативности);
8. агрессивность и толерантность [Чудинов, 2007].

Политический дискурс включает в себе вербализованную картину политического мира, включая в себя совокупность образов действительности, существующую в коммуникативной деятельности, индивидуальном и массовом сознании.

Языковая картина политического мира представляет собой сложное объединение ментальных единиц, относящихся к политической сфере коммуникации и политическому дискурсу. Данные единицы придают политическому дискурсу определенные особенности. А.П. Чудинов указывает на следующие составляющие языковой картины политического мира:

- политические концепты (понятийный, культурно-исторический, образный, ценностный, эмоциональный компоненты);
- ментальные сферы (ментальные поля);
- стереотипы;
- ценности и антиценности [Чудинов, 2007].

Современная лингвистика поднимает проблему взаимодействия адресанта и адресата, дискурса и власти, пытается ответить на вопросы о роли языка, в том числе языка СМИ, в постоянной борьбе за власть и влияние.

Е.И. Шейгал отмечает, что исследование политического дискурса в настоящее время касается таких проблем, как определение механизмов порождения и восприятия текстов политики, анализ политических метафор как отражения мира политики, изучение вербальных и риторических стратегий [Шейгал, 2004].

1.9 Информационные войны: лингвистический аспект

С заметной частотой в СМИ стали появляться материалы о якобы возникновении нового типа военных действий – информационных войн (ИВ), сменяющих войны ядерные. Подобные упоминания можно обнаружить не только в трудах российских ученых и публицистов, тему информационных войн можно смело охарактеризовать как вопрос международного и даже глобального масштаба, о чем свидетельствуют многочисленные документы крупных международных организаций, например ОБСЕ: «В контексте конфликта в Украине и вокруг неё термины *пропаганда, контрпропаганда, информационные войны и гибридные войны*^{*} стали частью нашей повседневной речи» [Миятович Д. Пропаганда и свобода массовой информации. URL: <http://www.osce.org/ru/fom/219726> (дата обращения: 23.11.2016)]. Поскольку научных теорий, объясняющих сущность ИВ, не так много, а современная журналистика не преследует цель аналитического осмысления и разъяснения имеющегося феномена, формируется т.н. «информационный вакуум», который, в свою очередь, создает атмосферу таинственности и почву для ложных выводов и умозаключений, не имеющих с реальностью и научным знанием ничего общего.

При этом нельзя не отметить, что, несмотря на отсутствие соответствующей терминологии, процессы, именуемые сегодня информационной войной, происходили гораздо раньше. Так 37-й президент США Ричард Никсон (1969–1974 гг.) в своё время отмечал: «Выгоднее вложить один доллар в прессу, чем десять долларов в оружие: оружие вряд ли заговорит вообще, а пресса с утра до ночи не закрывает рта» (цит. по: [Векшин, 2003, с. 119]). Результатом научно-технического прогресса становятся (в том числе) всё более технологически совершенствуемые каналы распространения информации, при этом главным методом ведения

---

^{*} Гибридная война (англ. hybrid warfare) – термин, появившийся в конце XX века в США, который обозначает ведение войны против какого-либо государства как традиционными (т.е. с участием регулярных воинских подразделений, разведки и т. д.), так и нетрадиционными способами: политическим давлением на международной арене; экономическим давлением (санкции); ведением информационной войны (искажение информационного поля, вербовка журналистов государства-неприятеля); подрывной деятельностью спецслужб на территории государства-неприятеля; спонсированием оппозиции, сепаратистов и террористических сил на территории государства-неприятеля.

наступательных либо оборонительных действий является широкая трансляция определенных текстов (то есть речевых актов), направленных на манипулирование сознанием аудитории: конструирование её симпатий по отношению к каким-либо объектам. Со временем данный тезис становится всё более очевидным и уже отмечается не только специалистами и представителями высших государственных должностей. К примеру, Шамиль Басаев в интервью британской компании «BBC» говорит: «Мир переходит в третье тысячелетие, мир переходит в новую формацию, и у людей должно быть новое мышление. Всё меняется. Век прогресса. Сегодня один бандит может сесть к компьютеру, столько натворить, что целая армия не сделает. Сегодня численность ничего не решает, сегодня всё должна решать добрая воля» [BBC four. Shamil Basaev. The legendary bandit. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IFGC5sSM618> (дата обращения 18.05.2017)].

Далее попытаемся раскрыть понятие информационной войны исключительно с научной точки зрения, выделить его основные функции и свойства, определить точки соприкосновения термина с лингвистическими теориями.

В обществе XXI века СМИ оказывают огромное влияние на сознание и поступки человека, являются источником и одновременно поставщиком важнейшего в современном мире ресурса – информации. С одной стороны, СМИ публикуют вызывающую интерес аудитории информацию. С другой – транслируют различные ценностные установки, стереотипы, формируют общественное мнение, являясь главным средством изменения массового сознания [Васильев, 2010].

Манипуляции общественным мнением можно рассматривать как пример подавления воли граждан путём программирования их поведения, т.н. «промывки мозгов». Данный вид манипуляции направлен не на отдельного индивида, а на общество в целом. Целью манипулятора является навязывание коллективных ценностей, изменение мнений, целей, сознания

людей для создания масс, поддерживающих правящую элиту. Воздействие на сознание людей происходит не напрямую при непосредственном контакте, а через средства массовой информации, которые создают иллюзию объективной подачи информации и потому обладают высокой степенью убедительности [Демьяненко, 2012].

За последние годы понятие информационной войны (ИВ) приобрело достаточно широкое распространение: стабильно растущая политическая и экономическая напряженность в мире, катализируемая подробным освещением (так или иначе – субъективным, порой даже до откровенного лицемерия) в средствах массовой информации, сделало ИВ предметом как публицистически-обывательского, так и научного рассмотрения. Следуя за фразеологизмом французского литератора Ж. Пеше «Всё новое – это хорошо забытое старое», сто́ит отметить, что явление информационной войны для человеческой истории абсолютно не ново. В свое время античные авторы во всех красках описывали агитационные кампании, деморализующие и таким образом ослабляющие противника, либо наоборот – поднимающие боевой дух соотечественников. В этой связи крылатые слова «красна и сладка смерть за отечество», как и другие произведения Горация, написанные во время нравственного упадка римлян под влиянием Востока, приобретают вполне ясный пропагандистский подтекст.

С течением времени менялись каналы коммуникации, появлялись новые термины и целые науки, но основные принципы информационной войны всегда оставались неизменными.

Спустя две тысячи лет после «Од» Горация американский философ, социолог и футуролог Элвин Тоффлер стал одним из авторов концепции информационного (постиндустриального) общества как третьего (после аграрного и индустриального) типа организации общества.

Развивая идеи теории Тоффлера, Т. Червински, ссылаясь на Джорджа Стейна, отмечает: «Войны «первой волны» велись за земли, «второй волны» – за способность физической продуктивности; возникающие войны «третьей

волны» будут вестись за доступ к знаниям и контроль над ними. Поскольку «формы боевых действий» любого общества следуют за «формами создания благосостояния» этого общества, то войны будущего будут в основном, но не только, «информационными» [Червински, 1996].

Информационная война стала сегодня в центре политики, экономики и военного дела. «Мирные» применения этого инструментария давно вышли за пределы его военного использования. Принятие решений существует во всех областях, и в случае конкурентного столкновения начинается борьба за единственность одного решения и против решений альтернативных [Почепцов, 2014].

А.Б. Борисов – автор и составитель «Большого юридического словаря» определяет понятие информационной войны следующим образом: «Информационная война – действия, направленные на достижение информационного превосходства, поддержку национальной военной стратегии посредством воздействия на информацию и информационные системы противника при одновременном обеспечении безопасности и защиты собственника информации» [Борисов, 2011, с. 216].

Информационная война является в настоящее время самым перспективным способом «продолжения политики иными средствами». Информационную войну правомерно трактовать как составляющую часть информационной борьбы. В свою очередь, особенность информационной борьбы заключается в том, что она ведется постоянно – и в мирное, и в военное время [Кравченко, 2011, с. 145]. Не случайно среди основных военных опасностей, отраженных в утвержденной в конце 2014 года действующей редакции Военной доктрины Российской Федерации, числится «использование информационных и коммуникационных технологий в военно-политических целях» и «деятельность по информационному воздействию на население, <...> имеющая целью подрыв исторических, духовных и патриотических традиций» [Петров, 2014, с. 1].

А. Зиновьев отмечает причины, которые сделали возможным повсеместное применение информационных методов противодействия:

- 1) прогресс средств сбора, обработки и передачи информации;
- 2) прогресс средств коммуникаций;
- 3) прогресс средств манипулирования людьми, надзора за ними, пресечения массовых движений;
- 4) влияние массовой культуры на стандартизацию образа жизни людей [Зиновьев, 1995].

Попробуем дать определение понятию «информационная война» с позиций языкознания таким образом, чтобы оно не противоречило вышеописанному опыту исследователей, но раскрывало сущность явления с позиций науки о языке:

***Информационная война** – совокупность массовых коммуникативных практик, целью которых является воздействие (или противодействие) посредством специфического употребления единиц языка на общность людей (географическую, этнографическую, конфессиональную, политическую, экономическую и т.д.) при одновременном обеспечении безопасности и защиты актора для достижения информационного превосходства в стратегических целях.*

Интерес современной лингвистики к явлению информационной войны может быть реализован минимум в двух основных направлениях:

1) Структурно-методологическое. В рамках данного направления лингвистическому изучению подвергается общность информационных воздействий, структура и методология существующей и возможной коммуникации, дискурс-анализ, контент-анализ.

2) Семантическое. Воздействие в политическом дискурсе обусловлено его когнитивной природой и реализуется через специфическое функционирование языковых средств [Чинарова, 2009, с. 150–151]. Актор информационной войны использует разнообразные языковые приемы для кодирования своих информационных сообщений, позволяющие придать им

сильный суггестивный и манипулятивный потенциал. В рамках данного аспекта лингвистика дает возможность классифицировать выявленные языковые приемы, проанализировать вероятные речевые стратегии актора, декодировать сообщения.

Первым шагом кампании по информационному воздействию (противодействию) является **дискредитация**. Основная задача данного этапа – подорвать доверие к самой цели (государству, группе лиц, компании или конкретно взятому человеку) и её сообщениям: создать прецедент или обнародовать уже состоявшийся факт, проливающий свет на новые обстоятельства и ставящий под сомнение авторитет цели в глазах широкой общественности.

Подорвав лояльность и доверие общественности к объекту воздействия, агрессор приступает к следующему этапу, специфика которого состоит в культивировании (как правило – заведомо ложной) информации, причиняющей цели репутационный ущерб, во всех средствах массовой коммуникации. Немаловажно заметить, что подорванная репутация, создавая благоприятный предлог, позволяет инициатору вводить против цели политические и экономические санкции, принимать против неё меры и видоизменять межгосударственную риторику. Представляется достаточно уместным также назвать этот этап «аугментацией» или «эскалацией», поскольку он преимущественно характеризуется приростом и разворачиванием информационных атак на почве подорванного в ходе первого этапа доверия к объекту (один из наиболее наглядных и исторически недавних примеров – информационное обеспечение так называемой перестройки в Советском Союзе и последовавших за нею реформ [см.: Васильев, 2013, с. 93, 186–187]). Необходимо отметить, что информация на этом этапе может быть и достоверной (но: ангажированной, акцентированной пропагандистски; ср.: «зал наполовину пуст», когда он наполовину полон – и наоборот), поэтому, чтобы избежать противоречий, будем называть этот этап **аугментацией (эскалацией)**.

Эффективность защитных мероприятий мишени обратно пропорционально эффективности дискредитации. Подорванный авторитет объекта затрудняет, а иногда – делает и вовсе невозможной минимизацию ущерба, прежде всего – репутационного.

Итоговой целью следует назвать **демонизацию** противника, которую мы выделим в третий последний этап информационной кампании. Под демонизацией следует понимать отождествление у аудитории (как правило, это широкая общественность) объекта воздействия с осуществляемым негативным посылом, причем теперь это происходит уже автоматически, вирально (т.е. вирусобразно), без специального модерирования инициатором, т.е. создается определенный стереотип.

Для удобства представим этапы информационной кампании в виде таблицы:

Табл. 1. Этапы информационной кампании

Этап	Описание	Результат
Дискредитация	Подрыв доверия к цели воздействия и её сообщениям	Прецедент
Эскалация	Культивирование информационных сообщений	Тенденция
Демонизация	Автоматическое отождествление у общественности предмета сообщений с целью кампании	Стереотип

Современная история богата примерами подобных информационных конфликтов, которые при соответствующей эксплицированной модерации (или её видимом отсутствии) вносили определенные коррективы в жизнь социальных групп, народов, государств и целых поколений людей. В результате проводимой государством или некими организациями информационной политики происходят как незначительные, так и весьма

существенные изменения, которые мы можем условно выделить в следующие группы.

1) **Аксиологические** – т.е. установление (провозглашение) новых ценностей, модификация и устранение прежних с использованием пропаганды (лат. *propaganda* дословно – «подлежащая распространению (вера)», от лат. *propago* – «распространяю»), агитации (лат. *agitatio* – приведение в движение), манипуляции общественным мнением и массовым сознанием. Грамотно организованная целенаправленная информационная деятельность позволяет видоизменять не просто отдельно взятые ценностные ориентиры, но всю парадигму ценностей государства.

Наиболее масштабный пример – произошедшие в России в начале XX века события, когда была провозглашена советская доктрина (со своими идеологическими установками, на разных стадиях развития государства видоизменявшимися), взамен прежней монархической (условно: «Православие, самодержавие, народность»). «О том, насколько фанатично советское руководство стремилось подавить память об Императорской России, можно судить хотя бы по тому, что в советский период было официально осуществлено свыше 400 тысяч переименований» [Русская народная линия: информационно-аналитическая служба. URL: ruskline.ru/news_rl/2014/08/21/vsyakoe_pereimenovanie_oznachaet_obretenie_vo_sstanovlenie_ili_smenu_identichnosti/ (дата обращения: 22.11.2016)].

2) **Социально-политические** изменения, являющиеся, как правило, одним из подвидов более глобальных аксиологических модификаций. Данная группа затрагивает различные социально-политические объекты, включая некоторые ономастические категории. К примеру, в ходе Первой мировой войны (1914–1918 гг.) в рамках антинемецкой риторики, царившей в СМИ стран Антанты, повсеместно стали устраняться немецкие именованья. Своих фамилий стали стесняться даже сами немцы, жившие за рубежом: многие семьи в эти годы пожелали заменить их на более британизированные варианты: Шмидт – Смит, Шнайдер – Тэйлор, Мюллер – Миллер и т.д. Резко

сократили употребление немецкого языка, а в некоторых странах и вовсе запретили его изучение и публичное использование (хотя, к примеру, в США выходцев из Германии насчитывается достаточно большое количество; существует даже мнение, что заметное большинство). Переименованию подверглись названия заведений, улицы и города. Подобная практика присутствовала в Великобритании, США, Италии (в меньшей степени) и России.

«Экстренный выпуск газеты «Биржевые новости»: «Мы легли спать в Петербурге и проснулись в Петрограде!.. Кончился петербургский период нашей истории с его немецким оттенком... Ура, господа!» [Борисов, 2014, с. 274] (любопытен следующий пример далее: «Петроградским комитетом Российской социал-демократической рабочей партии <...> выпущены листовки **против войны** и с призывом к рабочим **запасаться оружием**» [там же] – при удачной формулировке аудитория в подобных тезисах противоречий не обнаруживает и встречает с одобрением).

Заметим также, что название «Петроград», являющееся русской калькой с немецкого (на самом деле – скорее голландского) «Петербург», было хорошо известно образованным россиянам благодаря стихотворным строкам А.С.Пушкина из «Медного всадника»:

«Над омраченным Петроградом
 Дышал ноябрь осенним хладом.
 Плеская шумною волной
 В края своей ограды стройной,
 Нева металась, как больной
 В своей постели беспокойной...»

[Пушкин, 1986, с. 175].

Во многих периодических изданиях авторы с радостью восприняли весть об «освобождении» от «немецкого засилья»: так, поэт Сергей Копыткин откликнулся на это событие стихотворением «Петроград!»:

«С каким восторгом это слово

Русь приняла из Царских рук!
И сброшен с детища Петрова
Немецкий выцветший сюртук.

***

Пусть новорожденное имя
Услышат вражие полки!
Оно закружится над ними,
Как вихрь досады и тоски.

<...>

Долой германскую отраву!
Долой германские слова!
Отныне Русскую Державу
Венчает Русская глава!»

[Калугин, 2006, с. 391].

По справедливому замечанию К.М. Королева, «топоним – это всегда идеология, так как в нем отражается отношение общества к своей национальной идентичности. Поэтому всякое переименование означает обретение, восстановление или смену идентичности» [Русская народная линия: информационно-аналитическая служба. URL: ruskline.ru/news_rl/2014/08/21/vsyakoe_pereimenovanie_oznachaet_obretenie_vo_sstanovlenie_ili_smenu_identichnosti/ (дата обращения: 22.11.2016)].

3) **Лингвокультурные.** Масштабно обсуждаемые события не могут не повлечь за собой изменений в словарном составе языка – наиболее открытой и подвижной сфере языка. Яркий пример тому – недавние события на Украине.

В свете украинских событий широкое употребление приобрели такие слова и идиомы, как «*укроп*» (т.е. «граждане Украины, поддерживающие так называемый «курс евроинтеграции», новую власть и антироссийскую риторику [Васильев, Подсохин, 2016, с. 13]), «*Даунбасс*» (Донбасс),

«Луганда» (Луганск), «вежливые люди», «диванные войска» и «диванная сотня» и пр.

Являясь достаточно актуальным для россиян событием, т.н. «Евромайдан» уже породил большое количество неологизмов, коннотаций, коннотативных характеристик и иных новообразований, которые пополнили активный словарный запас носителей русского языка. Подобные языковые новообразования нередко теряют актуальность прямо пропорционально актуальности самого дискурса, утрачивая свою яркость, необычность и злободневность, но в некоторых случаях неологизмы прочно оседают в лексиконе, приобретая узуальное употребление.

Сегодня достаточно трудно удивить собеседника употреблением таких слов, как *гастарбайтер*, *монетизация*, *чайник* (т.е. неспециалист); *кооператор*, *гэкачепист* и т.д. Этимология таких неологизмов безусловно различна, но их «виральный» характер распространения через различные каналы коммуникации очевиден.

Вполне уместно также упомянуть здесь о вербальных продуктах научно-технического прогресса – *эсэмэска*, *дисплей* и т.д.

4) **Морально-межличностные:** разжигание розни между различными демографическими группами, либо (увы, значительно реже) их примирение.

В Хельсинкском Заключительном акте (1975 г.), заложившем основу Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), государства-участники обязались поддерживать в отношениях друг с другом «атмосферу доверия и уважения между народами, отвечающую их обязанности воздерживаться от пропаганды агрессивных войн» против другого государства-участника.

«Впервые эти обещания были нарушены накануне и во время войны в бывшей Югославии в 1990-е годы. Опасные стереотипы, преобладавшие в югославских государственных СМИ с начала кризиса, в большой мере

способствовали развитию атмосферы нетерпимости и повлияли на убеждения людей, усилив ощущение национальных и религиозных различий.

Создание атмосферы опасности и тревоги с постоянным навешиванием ярлыка врага – политика, унаследованная от старого режима, в котором преследовались идеологические конкуренты, – теперь распространилось на национальности. Этническая нетерпимость как итог хорошо продуманной пропаганды в средствах массовой информации привела к практически всеобщей поддержке жестокой войны. Многочисленные исследования роли СМИ в конфликте в бывшей Югославии показали, что СМИ на службе у режима способствовали разжиганию войны и ненависти» [Миятович Д. Пропаганда и свобода массовой информации. URL: <http://www.osce.org/ru/fom/219726> (дата обращения: 23.11.2016)].

Как ни парадоксально, но XXI век, предполагая глобальное распространение свобод человека (в т.ч. – свободы слова), наглядно демонстрирует зависимость авторов от политических, экономических, культурных, религиозных реалий, которые в рамках того или иного информационного противостояния диктуют те или иные ценностные установки, облаченные в текст. В итоге мы имеем то, что изобретения, призванные и, казалось бы, предназначенные объединять людей посредством обмена информацией – сеют споры, разногласия и (как выяснилось в последние годы) даже используются для организации вооруженных конфликтов.

В современном масс-медийном дискурсе термин «информационная война» фигурирует очень часто, а вот подвергается научному исследованию и рефлексии значительно реже. При этом возможные «вторичные» («побочные») эффекты информационного воздействия рассматриваются еще реже, что подчеркивает значимость, необходимость и актуальность изучения данного вопроса.

Украинский политолог А. Якубин, рассуждая о возведении отдельных персонажей в культ и его последующее развенчание, отмечает, что это «приучает людей к тому, что в мире нет полутонов, есть только черное и белое. Общество теряет способность мыслить критически. Оно может или восхищаться, или ненавидеть. Этакая инфантильная, детская оценка обстоятельств: я тебя люблю потому, что ты хороший, или я тебя ненавижу потому, что ты плохой» [Лукьянов А. Из России с любовью. URL: www.kp.ru/daily/26582.4/3597661 (дата обращения: 12.01.2017)].

При этом автор особенно отмечает роль современных средств массовой коммуникации (особенно – СМИ и социальных сетей), которые способствуют развитию такого мышления: «У многих создается иллюзия, что в соцсетях доминирует так называемое общественное мнение. На самом же деле оно искусственно подменяется мнением определенной группы интересов. Людей отучают критически относиться к информации и приучают следовать точке зрения большинства» [там же]. Таким образом, благодаря современным средствам коммуникации, значительно упрощается процесс вознесения какого-либо персонажа до всеобщего обожания или, наоборот, до полной дискредитации.

Подобным образом может модифицироваться и настроение общества в целом, когда проблемы более насущные и, возможно, более актуальные заменяются некоторыми аморфными раздражителями, отвлекая тем самым внимание граждан: «Скорее бы побии японцев, а то как-то странно и в газетах, и в обществе; вранья много, курс упал, интерес ко всему, кроме войны, иссяк у общества» [Чехов, 1982, с. 21–22].

Сегодня Россия вовлечена в ряд международных информационных конфликтов. Главными нашими противниками являются (или, во всяком случае, – имплицитно преподносятся в таком статусе большинством российских средств массовой информации) так называемые «страны Запада», из которых следует особо выделить США, Великобританию и Германию. Помимо собственных СМИ и специальных организаций, в своей

информационной борьбе с Россией эти страны в последние десятилетия активно используют как спонсируемые ими силы внутри России («несистемную оппозицию», русофобские СМИ), так и антироссийски настроенные элиты и СМИ некоторых соседних с Россией стран (Польши, Украины, Эстонии, Латвии, Литвы, Грузии).

«В условиях интенсивно организованной информационной войны происходит «раскручивание спирали» событий, возрастает степень неконтролируемой информационной вариативности. Одна интерпретация влечет за собой другую, поддерживающую или опровергающую предыдущую. Увеличение объема интерпретаций одного и то же события при одновременном снижении ответственности за объективность неизбежно повышает уровень провокативности в «ленте событий» [Синельникова, 2014, с. 95–101]. Различного рода провокации, пусть и вербальные по своей природе, в случае активного информационного воздействия как раз и являются импульсом, при котором отдельно взятое утверждение стимулирует социум или его отдельные элементы к каким-либо действиям с физическим, вещественным результатом.

В случае со странами-соседями, например, значительно участились слухи о якобы готовящихся со стороны России актах агрессии, что создало почву для многочисленных дискуссий, громких заявлений, периодически переходящих в откровенную панику и массовую истерию. В итоге проведение крупных армейских учений, создание новых военных баз в Восточной Европе, разработка новых и продление прежних антироссийских санкций в большинстве случаев местным населением воспринимается очень тепло и активно поддерживается. Следует отметить, что, в свою очередь, описание российскими журналистами тенденций и настроений в соседних странах нередко подаётся несправедливо однобоко.

Представляется довольно очевидным умозаключение, что подогреваемые средствами массовой информации тревожные настроения общества и последующие за такой реакцией политические решения являются

разными этапами манипуляционной кампании, проводимой неким актором. Основной инструментальной единицей такой манипуляционной кампании необходимо считать **слово**: его семантику, имиджеобразующую, аксиологическую и культурную функции, основным объектом воздействия – *общественное мнение*.

Процесс воздействия на общественное мнение в СМИ реализуется при помощи богатого арсенала различных вербальных и невербальных приемов и тактик. Сталкивание диаметрально противоположных концептов в рамках текста является одним из инструментов манипулирования общественным мнением.

Специфика воздействия на массовую аудиторию довольно подробно изучена в психологии, социологии и различных смежных науках, которые сходятся в утверждении, что в массовой аудитории исчезает обособленная сознательная личность. Общественное мнение становится средством завоевания и удержания власти; рычагом управления политическими и социальными процессами; инструментом ведения борьбы за сегмент рынка и т.д.

Пожалуй, наиболее яркий за последнее время пример информационного противостояния – так называемые события «Евромайдана» на Украине, вылившиеся впоследствии в масштабные боевые действия, естественно именуемые разными сторонами конфликта по-разному.

Явление информационной войны, имеющей место в связи с украинскими событиями, особенно в практическом аспекте и приобретенном масштабе, представляет огромный интерес и даёт обширный материал для изучения филологам, социологам, политологам, конфликтологам, журналистам, специалистам по связям с общественностью и т.д.

Выводы по первой главе

Законченной и общепринятой теории эпитета пока не существует. Эпитет – важное и необходимое средство создания образности речи. Являясь своеобразным центром качественной доминанты текста, он сосредоточивает на себе внимание читателя. Через эпитет адресант реализует свое отношение к предмету речи, передает свое авторское видение мира.

Подбор эпитетов, их расстановка в предложении, их звуковая окраска, экономия или обилие в их употреблении – всё это обусловлено литературной школой, эпохой, социальными корнями автора, задачами, которые он себе ставит.

Эпитет, метафора, метонимия, определение – явления во многом схожие и даже смежные, но не тождественные. Так, например, эпитет можно считать частной разновидностью определения, функционирующей в пределах экспрессивно-эмоционального, эстетически маркированного дискурса (в отличие от логических определений), которая осложнена субъективным авторским отношением в рамках текста или предложения.

Эпитет рассматривается многими исследователями как одно из основных средств утверждения индивидуального, субъективно-оценочного отношения к описываемому автором явлению. Языковые факты изучаются в зависимости от их семантики и структуры, с точки зрения их функциональных ролей в текстах различной тематики. Подобная разноплановость исследований затрудняет и усложняет классификацию эпитетов, делает крайне неоднородными и противоречивыми дефиниции рассматриваемого феномена. Понятие «эпитет» объединяет различные лексические средства образности, что также усложняет задачу по выстраиванию цельной унифицированной теории.

Основной сферой употребления эпитета является стиль художественной речи – здесь он почти безраздельно господствует.

Уместно утверждать об изначальном присутствии суггестивного потенциала в речи в целом, равно как и в различных сферах его применения: феномен манипуляции является одним из главных признаков текстов политической тематики, в то время как различные стилистические приемы, используемые в качестве манипуляционных, дают возможность адресанту влиять на эмоции адресата и через них непосредственно осуществлять перестройку его картины мира. Манипулятивность – одна из основных особенностей политического дискурса, в рамках которого манипуляция приобретает дополнительную функцию – влияние на общественное сознание с целью программирования определённых мнений и желаний общества.

Употребление эпитетов в текстах политической тематики публицистического стиля обусловлено интенцией автора, стилистикой издания/ресурса, темой материала. Нередко образность речи в политических текстах не уступает текстам художественного характера. В ином случае, при более «сухом», формальном отображении явлений или объектов реальности, важность средств языковой выразительности увеличивается обратно пропорционально их количеству, поскольку последние транслируют авторское отношение к объекту речи, которое адресант предполагает навязать адресату.

Подогреваемые средствами массовой информации тревожные (гораздо реже – оптимистическими) настроения общества и последующие за такой реакцией политические решения являются разными этапами манипуляционной кампании, проводимой неким актором. Основной инструментальной единицей такой манипуляционной кампании необходимо считать **слово**: его семантику, имиджеобразующую, аксиологическую и культурную функции, основным объектом воздействия – *общественное мнение*.

ГЛАВА 2. ЧАСТНЫЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЭПИТЕТОВ В ТЕКСТАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ: ИХ ХАРАКТЕРИСТИКА И КЛАССИФИКАЦИЯ

Значительные объемы информации, чрезвычайно интенсивно подаваемые российскими СМИ в связи с украинскими событиями, не могли не повлечь за собой изменений в характере употребления лексико-фразеологических единиц и в самом лексиконе как таковом. Особенно любопытны для изучения неологизмы и произведенные от них эпитеты, благодаря которым можно сделать выводы об особенностях употребления того или иного слова.

Выше нами были подробно рассмотрены подходы к классификации эпитетов с точки зрения различных лингвистических течений, был сделан вывод о крайней неоднородности изучаемого феномена и зависимости его типологии от конкретных задач исследования. Представленные подходы к классификации основываются на различных стилистических, структурно-морфологических, семантических и других принципах деления на категории, что соответствует логике развития лингвистических исследований.

Политическая лингвистика в гораздо меньшей степени преследует своей целью выделение сугубо лингвистических закономерностей языковых фактов, поскольку гораздо больший интерес в данном случае представляют *экстралингвистические* аспекты, т.е. аспекты языка, непосредственно связанные с функционированием говорящего человека в обществе. Таким образом, для реализации установленных задач исследования видится более целесообразным при классификации установленных языковых фактов не руководствоваться всецело уже существующей парадигмой, созданной в рамках конкретных изысканий. Для более показательной картины исследования предполагаем выявить наиболее общие тематические

закономерности – концепты, вокруг которых в свою очередь сосредоточиваются установленные эпитеты.

Концепт в таком понимании может объединять в себе языковые факты как на основе семантической корреляции, так и на других основаниях (например – употребление постоянных эпитетов в текстах), но при этом не нарушая общей логики классификации.

2.1 Бинарная оппозиция «свой»/«чужой»

«О чем бы мы ни раскрыли книгу, о войне или коллективизации... везде мы обнаружим одну и ту же сетку бинарных оппозиций: свой – враг, родина – чужбина, хаос – порядок...» [Надточий, 1989, с. 343]. Видится вполне закономерным суждение об изначальном существовании некоего механизма в человеческом естестве, позволяющего выделять некоторые бинарные оппозиции (от элементарных: «я» и «ты», «мы» и «они», «свой» и «чужой» и далее, в порядке усложнения принципа разделения) для разного рода задач; прежде всего – для защиты себя самого и своих близких. «Насколько генетически древним является это переживание, можно судить по психике ребенка. У маленьких детей налицо очень четкое отличие всех “чужих”, причем, разумеется, весьма случайное, без различия чужих опасных и неопасных и т.п. Но включается сразу очень сильный психический механизм: на “чужого” при попытке контакта возникает комплекс специфических реакций, включая плач, рев – призыв к “своим”» [Поршнева, 1979].

Наиболее вероятен тот факт, что первопричиной и основным инициатором разделения мира на бинарные оппозиции является не столько характеристика общности «мы» (т.е. «свои»), которая зачастую может оказаться достаточно аморфной в силу объективного разнообразия качеств или вовсе – отсутствовать, сколько сам факт существования «их» («чужих») порождает желание самоопределиваться и отмежеваться. Отражение данного суждения находим в работе Б.Ф. Поршнева: «“Они” на первых порах куда

конкретнее, реальнее, несут с собой те или иные определенные свойства – бедствия от вторжений “их” орд, непонимание “ими” “человеческой” речи (“немые”, “немцы”). <...>. “Мы” стало универсальной психологической формой самосознания всякой общности людей. Но “мы” все-таки всегда подразумевает противопоставление каким-либо – то определенным, то неопределенным – “они”» [Поршнева, 1979].

В рамках информационного противодействия в российских СМИ характерны бинарные оппозиции, противопоставления «своих» (в данном случае – жители Донецкой народной республики и Луганской народной республики, ополченцы) и «чужих» (сторонники евромайдана, нынешние сторонники киевских властей, «каратели» – армейские подразделения, проводящие т.н. «карательную операцию», украинские националисты и пр.).

В современном российском политическом и масс-медийном дискурсах, тесно связанных между собой, эпитеты, описывающие условную категорию «своих» позволяют сделать вывод, что российские средства массовой информации при описании событий на Украине, скорее всего, ставят перед собой несколько целей (иначе говоря, актуализируют несколько семантических ядер).

Одна из таких целей – изображение **бедственного положения мирных жителей** в зоне конфликта: такая картина событий наверняка вызывает у аудитории сострадание, сопереживание, сочувствие, поддержку и т.д., тем самым соответствуя основному курсу внешней политики РФ по отношению к происходящим на Украине событиям. В данном контексте *«Свои»* – *мирные жители* – категория, сосредоточившая в себе яркие описания ужаса и трагичности войны и её последствий:

«Морги забиты трупами *нечаянных жертв* этой дурацкой войны, простых людей» [Овчинников А. Главное — не дать им головы поднять. Иначе весь город снарядами засыпят... URL: <http://www.krsk.kp.ru/daily/26289/3166891> (дата обращения 07.04.2017)];

«Донецк, район ж/д вокзала. Еще одна *безвинная жертва кровавых разборок* произошла на глазах корреспондента...» [Александров, 2014, с. 6];

«В документе, охватывающем период с 17 сентября по 31 октября, предполагается, что в трёх братских могилах захоронены жертвы внесудебных расправ» [Чинкова, 2014, с. 3];

«Очередная волна испуганных, потерявших кров, снова переживших ужасы бомбежек людей бежит в «страну-оккупант» [Коц, 2015, с. 7].

Эпитеты, изображающие положение оказавшихся в зоне боевых действий жителей, апеллируют к чисто человеческим чувствам читателей, побуждая последних к состраданию и сопереживанию. Теоретически вышеупомянутые чувства могут стать хорошим эмоциональным аргументом в пользу силового разрешения конфликта, поддержки неких «ответных мер», оправдания тех или иных действий (например, в глобальном понимании: самого вооруженного конфликта как такового).

Отважные, самоотверженные действия ополченцев – описание и характеристика бойцов ДНР и ЛНР («защитников мирного населения»): в данном случае даже для именованной этой категории неизбежен выбор между понятиями, крайне разнообразно окрашенными стилистически, ср.: *ополченец, защитник, боец, сепаратист, мятежник, террорист* и т.д. Общий лейтмотив проиллюстрируем цитатой: «А как можно относиться к людям, которые защищают свою землю, своих близких, и, по сути, являются *героями-антифашистами?*» [Овчинников, 2014, с. 7].

Позиция большинства российских СМИ касательно данной стороны конфликта – отчетлива: если командир – то *прославленный*, ополченцы – *бравые (мужественные/жертвенные и т.д.)*, а противостояние с противником – *принципиальное*:

«К радости публики, к Охлобыстину вышел уже *легендарный командир ополченцев Моторола с женой*» [там же];

«По городу парадной колонной проехали *бравые ополченцы* на бронетехнике и выстроили машины на центральной площади» [Варсегов Н.

Давай за них, давай за нас, и за Луганск, и за Донбасс! URL: <http://www.kp.ru/daily/26282.5/3159910> (дата обращения 21.02.2017)];

«Несмотря на *бедственное положение* – нехватку продовольствия, медикаментов и разгар зимы, – *защитники Донецкой и Луганской народных республик* отступать не собираются» [Кязимова, 2015, с. 9];

«Мы едем в аэропорт Донецка, где последние месяцы шло *принципиальное противостояние ополченцев*, занимавших старый терминал, и украинских солдат, окопавшихся в новом терминале» [Коц, 2015, с. 8].

Достаточно любопытно в информационных материалах реализован концепт «*непокорности*» (ср.: *мятежный; буйный, строптивый* и пр. – наглядный пример избирательности формулировок в политических текстах):

«В частности, эта тема [Голодомор] активно использовалась в связи с торговой блокадой Донбасса и Крыма – по мнению её организаторов, голод должен заставить *непокорные регионы* вернуться в состав страны» [Веснянко Р. Родина украинского голодомора — в США. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2016/11/25/ruslan-vesnyanko-rodina-ukrainskogo-golodomora-v-ssha> (дата обращения 15.01.2017)];

«В тот день силы АТО выбили небольшую группу ополчения с высоты Карачун под Славянском. И попытались продвинуться ближе к *непокорному городу*» [Коц, 2015, с. 3];

«Петр Порошенко объявил очередной этап мобилизации – мало кто сомневался, что за ширмой перемирия шла подготовка к очередной попытке силой оружия подчинить *непокорный Донбасс*» [Коц, Стешин, 2015, с. 7].

Стилистически окрашено в большей степени нейтрально, даже с некоей долей негатива (в зависимости от читательской интерпретации) понятие *мятеж (мятежный)*, например:

«А налоги *мятежные районы* не платят уже более полугода» [Балан, 2015, с. 7].

С такой точки зрения действующая сторона (ДНР и ЛНР) характеризуется по-новому, а выводы, содержащиеся в тексте, могут быть

диаметрально противоположными существующему в современном российском политическом дискурсе вектору.

Наименьший в количественном отношении вид «чужих» – «чужие-свои», или концепт **братства и дружбы народов**:

«Многие не понимают, хотя всё просто: приехал помочь *братскому славянскому народу*» [Овчинников, 2014, с. 7].

«Вдвойне непонятно, на какие именно средства будет при упоминавшихся огромных прорехах в бюджете возводиться *«великая украинская стена»*, которая призвана разделить *братскую страну* с Россией» [Макарычев, 2014, с. 3].

Диаметрально противоположная картина наблюдается при описании в российских СМИ категории «чужие». Здесь также возможно выделить несколько тематических групп.

Украинские патриоты, сторонники «Евромайдана» и т.д.

В таких эпитетах наблюдается даже не столько осуждение или недовольство какими-либо действиями, а достаточно откровенная неприязнь и ненависть к объектам дискурса:

«И этому *расчеловеченному, обезумевшему стаду* [радикально настроенные украинские патриоты] можно будет предъявлять любые требования: ради одобрения своих хозяев они с радостью будут не только отдавать последнее, но и *заживо жрать друг друга*» [Климов, 2014, с. 7].

«И в этом *адском веселье озлобленных тыловых крыс*, все было уже понятно, предсказано и заповедовано...» [Стешин, 2015, с. 4].

Нередко случается, что для придания эмоциональности авторами статей применяется даже «туалетная» лексика, находящаяся на грани цензуры: «*Поэтому в случае захвата Центральной Украины Кремль не получит ничего, кроме двадцати миллионов двуногого говна. Говна перевозбуждённого, дебильного и агрессивного*» [Украинцы омайданены до полной неадекватности. URL: <http://pda.eg.ru/index.php?view=xhtml&cases=online&aid=3057392> (дата обращения 11.04.2015)]. Подобные конструкции

зачастую можно наблюдать на страницах так называемых таблоидов («желтая» пресса).

С несколько других позиций характеризуется категория **«украинские военные/украинские силовики»**, т.е. это люди, в подавляющем большинстве исполняющие свои должностные обязанности, связанные с прохождением военной службы (в отличие от предыдущей категории), либо фактически отождествляемые с ними «активисты» т.н. «патриотических» подразделений. У украинских силовиков в российском информационном пространстве откровенно дурная репутация:

«Фонд развития гражданского общества на Украине имеет на руках 32 документа о бесчинствах *одиозного батальона «Айдар»* на территории Новороссии: от захвата заложников и *зверских избиений* до похищения автомобилей и бытовой техники» [Васильев, 2014, с. 4].

«Когда на кону и так *потасканная репутация* стратегов от АТО и верховного главнокомандующего, не грех и к «стране-агрессору» обратиться» [Коц, Стешин, 2015, с. 7].

Далее рассмотрим образ украинских силовиков более детально. Объекты речевой деятельности, вне зависимости от существующих реалий, сравниваются либо отождествляются с *ворами, отморозками, уголовниками* и т.д. – представителями девиантных социальных групп. Безусловно, такая характеристика не способствует ни доверию, ни даже элементарным попыткам понять мотивации действующих лиц, попутно способствуя желанию читателей в той или иной степени жестко разрешить разразившийся конфликт, как минимум в духе: «Вор должен сидеть в тюрьме», как говорится в известном советском телефильме.

«*Обвешанные амуницией воры* передают друг другу авоськи с провизией, бытовую технику, кучу всякого добра, завернутого в одеяло. <...>. *Охамевшие силовики* действуют, как *уголовники-домушники...*» [Мародёры из нацгвардии обчищают квартиры. URL: <http://www.eg.ru/society/44299> (дата обращения 10.11.2016)].

«Самая «отмороженная» репутация в этой компании, пожалуй, у «Белого молота», активисты которого слывут *профессиональными погромщиками*» [Коц, Стешин, 2014, с. 8].

«После проведения карательной операции на востоке Украины число *агрессивных мужчин с подвижной психикой* в стране резко возросло. Это связано и с нервными нагрузками, и с *немереным употреблением спиртного*. Пьянство среди карателей носит *повальный характер*. К примеру, <...> поражение под Иловайском всецело на совести *вдрызг нализавшихся бойцов 5-го батальона «Прикарпатье»*. <...>. Они перекрыли дорогу – *пьяные, босые, вооруженные до зубов... <...>. Упившихся до белой горячки бойцов отправляют в тыл целыми подразделениями*» [Б.А. Психбольницы ожидают бойцов АТО. URL: <http://www.eg.ru/society/44350> (дата обращения 04.03.2017)].

Тем не менее, обнаруживаются характеристики украинских силовиков, описывающие последних с позиций сострадания и жалости, поддерживающие «своих» за счет уничтожения «чужих»:

«Ведь он [украинский капитан-десантник] вывел без потерь с позиций полсотни *смертельно уставших от ежедневных боев бойцов*» [Коц, 2015, с. 4].

«... к Донбассу подтянут *очередное «пушечное мясо»* из уже четвертой мобилизационной волны» [Макарычев, 2014, с. 3].

Отмечается также подневольность этих самых бойцов, делается акцент на воздействии пропаганды и возникших в результате пережитых событий «психологических проблем»:

«Десятки тысяч вооруженных людей по всей территории страны, никому кроме «атаманов» *неподконтрольные* и уже с *тяжелейшими психологическими проблемами*» [Лукьяненко, 2015, с. 7].

«Поля, на которых могла бы колоситься рожь, станут последним пристанищем для 160 тыс. *оболваненных украинской пропагандой вояк* – такую *гигантскую цифру потерь* закладывают власти» [Укровоякам роют

могилы. URL: <http://www.eg.ru/daily/politics/45119> (дата обращения 21.06.2016)].

Безусловно, особое место в характеристике украинских силовиков также занимает концепт *фашист (нацист)*, например: «На Украине вы сотрудничаете с режимом, в котором важные функции полиции и служб безопасности исполняются *достоверно засвидетельствованными нацистами*» [там же]. Поскольку частота употребления подобных конструкций крайне высока, а аксиологически-психологическая функция значительно отличается от представленных в данной категории примеров, данный концепт выделен в отдельную категорию и рассмотрен обособленно далее.

Необходимо также упомянуть о еще одной группе эпитетов, характеризующих **украинских военнопленных**, к которым большинство авторов относится с гуманным милосердием и сочувствием, при этом подчеркивая их удручающее физическое и психологическое состояние.

«[О пленных украинской армии] Пленные никак не отреагировали, вообще они производили вид *смертельно усталых* и каких-то *надломленных людей*» [Коц, Стешин, 2019, с. 9].

«Зрелище откровенно *жалкое*. *Рваные тельняшки, грязные камуфляжи* всевозможных расцветок и фасонов. *Стоптаные* еще в прошлом году *берцы*. Это «черных человечков» из батальонов Нацгвардии спонсоры одевают с иголки, единообразно» [Коц, Стешин, 2014, с. 7].

Уместно отметить, что в подобного рода сообщениях контекстуально подчеркивается безопасность пребывания украинских солдат в плену – т.е. гуманное отношение ополченцев к военнопленным, что может отразиться, например, в заголовке: «Люба, не волнуйся, я в плену» [там же].

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод, что дискурс в масс-медийном пространстве, получивший мощный импульс от украинских событий, достаточно четко выделяет бинарные оппозиции свой/чужой, добро/зло, жизнь/смерть. «Баланс между присутствием в пространстве СМИ

«своих» и «чужих» перестает соблюдаться – возникает когнитивный диссонанс как отсутствие «точки согласия» хотя бы в варианте обсуждения возможностей. В пространстве «свои/чужие», «мы/они» увеличивается степень эксплицированной речевой агрессии в виде инвектив, выходящих за пределы политкорректности. <...>. Бинарная оппозиция оказывается стимулом и принципом расширения дискурса информационной войны» [Синельникова, 2014, с. 95–101], что, вполне вероятно, может являться одной из задач инициатора при достижении более глобальной цели – разделения общества в зависимости от отношения к происходящим событиям и побуждение некоторых групп или их совокупности к определенным действиям экономического и политического характера.

Достаточно отчетливо также прослеживаются тенденции стандартизации словоупотреблений и клиширования характеристик в современных российских текстах политической тематики, особенно в рамках оппозиции свой/чужой, где «свои» – «бравые защитники», а «чужие» – «агрессивные оболваненные вояки».

2.2 «Приметы войны»

Тему происходящих на Украине событий, пожалуй, невозможно представить без жанра «военных сводок» – описания военных действий и их последствий. Подобные материалы значительно отличаются от рядовых информационно-аналитических заметок: это совершенно иной функционально-смысловой тип речи, обладающий, соответственно, своими специфическими стилистическими приёмами и функциональной задачей в целом.

Информационно-аналитические статьи в данном ракурсе мы рассматриваем как повествование с элементами рассуждения (т.е. во главе ставится рациональная компонента), которое нередко снабжено средствами художественной выразительности (справедливости ради необходимо лишний

раз отметить, что в идеале подобная экспрессивность не предполагается в текстах политических и масс-медийных жанров). В свою очередь, в описательных текстах наиболее важны используемые приёмы изобразительности и образности, без которых описание не будет являться таковым, а главная задача – описать увиденную автором картину или событие, передать его ощущения в конкретный момент (эмоционально-образительный компонент).

«Приметы войны» – категория достаточно обширная, поэтому для удобства восприятия представляемых выводов также выделим внутри неё несколько семантических концептов. Основной и наиболее крупный из них – концепт царящего в охваченных конфликтом поселениях **хаоса**, непрекращающегося **страха** за свою жизнь и **ужаса** от окружающего рассказчика пейзажа.

«Донецк подвергся массированному огню и снова превратился в *город-призрак*». <...>. Мчимся по *вымершим улицам*, и понимаем – Донецк опять вернулся в *свой проклятый август*, хотя в ноябре мы оставили оживший город» [Коц, Стешин, 2015, с. 7].

«Донецк на линии огня, город сотрясает *непрекращающаяся канонада*» [Александрова, 2015].

«Донецкий аэропорт, за который до сих пор идут *ожесточенные бои*, – *самое беспокойное место города*. А возможно, всей Украины» [Шинкаренко, 2014, с. 6].

«Заходим в разбитый подъезд и поднимаемся на верхние этажи. <...> Из окон *расстрелянного здания* – весь аэропорт, как на ладони. <...> В аэропорту горят склады и терминалы. Картина апокалипсиса дополняется *закопченным пороховой гарью солнцем*, на которое теперь можно смотреть без защитных очков» [Овчинников, 2015, с. 6].

«... в Макеевку мы ехали через Иловайск, где еще месяца два назад шли *жестокие бои*. Теперь здесь – разбитая военная техника украинских силовиков, *изуродованные дома горожан* и *израненные деревья* парков и

скверов. Но самое страшное... Было уже около полудня, а на улицах - ни души» [Александров, 2015, с. 6–7].

«Ежели их правительство и какой-то урок усвоило, то многие люди на той стороне, как мне видится из их СМИ, еще до конца не поняли всю бессмысленность и *неоправданную жертвенность* этой войны» [Варсегов Н. Давай за них, давай за нас, и за Луганск, и за Донбасс! URL: <http://www.kp.ru/daily/26282.5/3159910> (дата обращения 21.02.2017)].

«Среди битого кирпича *странный ком, похожий на обугленную подушку*. Вблизи становится понятно – это всё, что осталось от деда Бондарева. *Чудовищный обугленный «бюст» без рук, без черепа с пригоревшим к шее мозгом*» [Шурыгин, 2015, с. 3].

Атмосферу напряженной безысходности находящегося неподалёку от места ведения боевых действий дополняют описания разрушений и потерь, которыми, судя по информации из источников, усеяны все населенные пункты.

«*Взметнувшаяся от разрывов пыль* оседает на лицах погибших. *Кровавые лужи* растекаются по асфальту. Десятки раненых – многих с оторванными руками и ногами – доставляют в *переполненные больницы*» [Александров, 2015, с. 6–7].

«На поле брани остались быстро разлагающиеся на жаре тела, в воздухе стоял удушливый запах. <...>. По словам ополченцев с передовой, *людоедский расстрел безоружных* настолько потряс даже бойцов украинского спецназа, что те сами начали обстрел снайперских позиций» [Александров, 2014, с. 6].

Нередко в рассматриваемых текстах при формировании эмоционального фона вокруг человека, организации, события и т.д. встречается приём заимствования уже имеющегося образа из истории (более подробно – см. п. «фашист, нацист, каратель»). Никакие эпитеты, пожалуй, не заменят сравнения одного из донбасских зданий с блокадным Ленинградом периода Великой Отечественной войны: «*Это странное и*

жуткое зрелище – панорамные окна пентхауса, заклеенные бумажками крест на крест, как в блокадном Ленинграде» [Коц, Стешин, 2015, с. 7].

Очень любопытен подтекст, сообщающий о достаточно очевидном для войны факте – внезапная смерть может застать каждого в любой момент (например – за рулём собственного автомобиля), но конкретно эта мысль ни разу нигде напрямую не фигурирует.

«А затем на полях под Изварином и Рассыпным растут *кладбища сожженных гражданских машин. Сожженных вместе с хозяевами*» [Коц, 2014, с. 1].

«Выгоревшая легковушка еще дымит – в салоне, на водительском сиденье *невообразимое месиво обгоревших человеческих останков*» [Коц, Стешин, с. 9].

Из такого подтекста можно выделить еще один концепт – **«нечаянной жертвы»**: ведь абсолютно логично предположить, что целью военных операций должны являться соответствующие вооруженные силы противника или его стратегически важные объекты. Но, тем не менее, число гражданских потерь растет крайне интенсивно, о чем свидетельствуют показания и международных наблюдателей, и большинства журналистов из исследуемых СМИ.

«Поднялись на пригорок и, перевалив его, ужаснулись: поле было заставлено сгоревшими машинами. <...>. Над полем стоял приторный трупный запах... Мы медленно ехали вдоль этого *скорбного кладбища* <...>. В выгоревшем остове действительно угадывался силуэт самого распространенного «Рено». Вокруг него – воронки от разрывов ракет «Градов». Но сама машина изрешечена автоматными и пулеметными очередями. В выгоревших внутренностях мы сразу разглядели человеческие останки...» [Коц, Стешин, 2014, с. 6].

«Из густого тумана, опустившегося на фронтовой город, возникает *жуткая картина*: ветер качает разорванные провода, троллейбус с

разбитыми стёклами немного не доехал до остановки. Спешившие к нему люди так и остались лежать на земле» [Александров, 2015, с. 6–7].

«Эксперт напомнил, что в зоне досягаемости от района боевых действий находится Запорожская АЭС, реакторы которой не имеют специальной защиты даже от *случайных попаданий снарядов и ракет*, не говоря уже о *преднамеренном обстреле*» [Емельяненко, 2014, с. 1].

«Всего в подразделении Валдая 9 бойцов, сил которых явно не хватает на столь большую, усеянную *смертельными подарками*, территорию» [Овчинников, 2014, с. 4].

Хочется отметить, что сами слова *нечаянно*, *нечаянный*, *случайный* в контексте масштабных вооруженных конфликтов выглядят как минимум странно, что, впрочем, порой позволяет авторам использовать данные слова как весьма своеобразный и специфичный каламбур.

Еще один мощный по своему воздействию на читателя концепт – **дети войны**, всегда в наименьшей степени виновные в военных конфликтах, но платящие за них громадную цену – детство, психику, здоровье и, порой, свою жизнь.

«Вот во дворе многоэтажки воронка от разрыва аккурат под *развороченной качелькой на детской площадке*» [Коц, Стешин, 2015, с. 5].

«Снаряд попал в последний, 17-й этаж дома. *Покрытый копотью снеговик* смотрит на это все пустыми красными глазами, сделанными из ягод рябины. Наверное, такие же глаза были у *сумасшедшего артиллериста*, который выбрал эту точку на карте города и дал по ней залп» [Коц, Стешин, 2015, с. 7].

«Чавкая грязью, ковыляем на другой конец села, там выжила еще одна женщина. По пути нам показывают *исклеванный снарядами детский сад* с табличкой-названием «Мир». Табличка все-таки оправдала себя, несколько недель в подвалах садика жили никишинцы. Там было суше и теплее, чем в погребках» [Коц, Стешин, 2015, с. 8].

«Российский флешмоб #ЯВаня – это и поддержка, и протест. Поддержка всех *детей* Донбасса, *пострадавших от чудовищных бомбардировок* украинскими военными. Протест против слепоты и равнодушия европейского общества, не желающего замечать преступления, которые творит армия *незалежной* против мирных жителей на востоке Украины» [Александрова, 2015, с. 3].

Встречаются также примеры, когда автор рассматривает тему детей войны, но больший акцент делает на виновнике: «[Об обстрелянной артиллерией школе] Поблизости нет ни укреплений, ни блиндажей, ни штабов, ни складов ополчения. Школу накрывали прицельно из каких-то *своих изощренных побуждений*. Мотивацию *безвестного украинского артиллериста* узнать невозможно» [Коц, Стешин, 2015, с. 7].

Концепт **привычности войны** говорит читателю о том, что уцелевшие жители зоны украинского конфликта в некоторой (скорее – максимально возможной) степени привыкли к вышеописанным ужасам войны и её последствий, что, безусловно, рядовому мирному читателю за много километров от зоны столкновения кажется диким и, соответственно, создает достаточно сильное впечатление.

«... речь не только о *ставших привычными обстрелах* населенных пунктов Донецкой и Луганской республик украинскими силовиками... [Шестаков, 2015, с. 8].

«Люди выходят поутру и бегут домой варить кашу, разгрести завалы, а по пути они видят *потоки раненых украинцев*, их везут, несут, тащат в единственную уцелевшую больницу, там их уже *невероятное количество*» [Сазонов, 2014, с. 8].

«*Убитых укровоаяк* где-то хоронят в городе. Убитых жителей хоронят на заброшенном кладбище быстро, пока нет обстрела» [там же].

«Война не закончилась, все с оружием, и время от времени звучат *поминальные залпы*» [Коц, Стешин, 2014, с. 6].

«В городе работают предприятия, транспорт. Обстановка относительно спокойная. Хотя украинское ТВ с утра до ночи крутит «картинку» с *пылающими танками* и мужиками в масках-балаклавах, идущими в бой» [Александров, Мирная, Балан, 2014, с. 3].

2.3 Эпитеты, характеризующие войну

Безусловно, описание происходящих на Украине событий было бы неполным без характеристик самой войны. Анализируя эпитеты, характеризующие войну, можно сделать вывод о влиянии бинарной оппозиции *свой/чужой* – эпитеты разделяются на две категории, в которых: а) «*свои* воюют против *своих*» (гражданская война, братоубийственная война и т.д.); б) «*чужие* воюют против *своих*» (характеристика чужих оказывает влияние на характеристику самих боевых действий – *неконтролируемые боевые действия, карательная война* и пр.).

Категория «свои против своих», безусловно, призывает к аналитическому осмыслению происходящих событий и скорейшему разрешению противоречий мирным путём. Подобные выводы возможны благодаря избирательному употреблению авторами концепта *братства*, в которых возможно обнаружить попытку найти точки соприкосновения, т.е. нечто объединяющее стороны конфликта:

«Если бы не ежедневно растущие потери с обеих сторон и жертвы среди мирного населения, ситуация в *охваченном братоубийственным конфликтом* регионе могла бы напомнить сцены из фильмов «Свадьба в Малиновке» и «Бумбараш» [Александров, 2014, с. 7].

«Идёт *междоусобная война, братоубийственное противостояние*, и люди одного народа, одной веры смотрят друг на друга через оружейный прицел» [Тутина, 2015, с. 9].

«Мы были здесь в апреле, когда еще мирный протест в Донбассе не перерос в *кровавое гражданское противостояние*» [Коц, Стешин, 2015, с. 8].

«Акции протеста против очередной мобилизации прокатились и по населенным пунктам на Западной Украине: желающих ехать воевать со своими согражданами на юго-восток Украины с каждым днём *кровавой бойни* всё меньше» [Колесниченко, 2014, с. 6].

В свою очередь, категория «свои против чужих» (или «чужие против своих» – в зависимости от контекста) достаточно заметно разделяет стороны конфликта, характеризуя их по-разному:

«Хотя четвертый по счету призыв на *карательную войну* уже дышит в нестриженные затылки этих *новых европейцев*, почему-то не спешащих на фронт, в край рукотворных гор» [Стешин, 2015, с. 6].

«При этом ряд украинских экспертов в начале этой недели прямо заявили, что *неконтролируемые боевые действия* в Донбассе украинской власти скорее на руку...» [Балан, 2015, с. 8].

2.4 Эпитеты, характеризующие политических деятелей Украины

В последние несколько лет политические (и околополитические, т.е. люди, не участвующие в политическом процессе напрямую, но косвенно влияющие на те или иные решения) деятели Украины, так или иначе поддерживающие антироссийскую риторику, получили роль главных антагонистов в российских средствах массовой информации.

Центральными фигурами в текстах политической тематики стали действующий президент Украины П.А. Порошенко, бывший председатель Днепропетровской областной государственной администрации И.В. Коломойский, премьер-министры, чиновники и другие заметные общественно-политические деятели. Ниже приведем результаты случайной выборки эмпирического материала, в котором встречаются эпитеты, характеризующие политических деятелей Украины.

П.А. Порошенко – украинский государственный и политический деятель, предприниматель и миллиардер, 5-й Президент Украины.

Порошенко владеет несколькими кондитерскими предприятиями, объединёнными в группу «Рошен» (крупнейший производитель кондитерских изделий на Украине), за что собственно и получил в СМИ прозвище «шоколадный король» еще до своего избрания в президенты. Вместе с актуализацией «украинской темы» в российских СМИ, увеличилась и частота упоминаний П.А. Порошенко, а словосочетание «*шоколадный король*» стало фразеологическим клише.

«Сейчас его зовут *шоколадным королём*, и это при том, что сам Порошенко конфетами не злоупотребляет – сахарный диабет» [Мирная, 2014, с. 6].

«... впрочем, *украинского шоколадного короля* понять можно. Сейчас на Украине шатко всё. И «мир» на юго-востоке. И внешнее спокойствие в рядах карательных батальонов. И его собственное президентское кресло. Впрочем, как учит история, усидеть на двух, а тем более *на трех «политических» стульях*, попросту невозможно» [Макарычев, 2014, с. 2].

«Утром вместо «*шоколадного короля*» на пресс-конференцию пришел *король «котлетный»* [Сапожникова, 2014, с. 3].

Фамилия Порошенко нередко употребляется в связке с постоянными эпитетами и фразеологическими оборотами, которые характеризуют президента как опытного, бывалого и прозорливого человека.

«Порошенко – *хитрый лис* на политическом поле Украины» [Черных, 2014, с. 2–3].

«По оценке Форбс, состояние Порошенко – 1,3 млрд. долл. В политике, как и в бизнесе, он тоже *тёртый калач*» [Юрьев, 2014, с. 6].

Широкое распространение в средствах массовой информации приобрели различные комические, неловкие и откровенно несуразные ситуации, в которые Порошенко попадает стабильно часто.

Например, во время очередного визита в США президент Украины предстал перед объективами фотокамер в измятом костюме, вывернутым наружу карманом пиджака и другими деталями, говорящими о крайней

неопрятности первого лица государства. Безусловно, в дипломатической этике столь высокого уровня подобный внешний вид абсолютно недопустим. Различные СМИ отреагировали на это событие с разной степенью ехидства, ср.: «Однако внимание пользователей соцсетей привлек не политический жест, а *мятый костюм*, в котором Порошенко пришел на встречу с Обамой» [Пользователи соцсетей обсуждают мятый костюм Порошенко. URL: ria.ru/world/20160401/1401077206.html (дата обращения 04.04.2016)]; «Петр Порошенко поразил всех своим помятым во всех смыслах видом, который, видимо, должен был разжалобить американского кредитора» [Христенко А. Порошенко и Эрдоган стали антигероями вашингтонского саммита. URL: <http://vesti.ru/doc.html?id=2738403> (дата обращения 04.04.2016)]; «...украинский лидер, видимо, не успел подготовиться к этому радостному событию. *Его костюм был неглажен, а туфли – нечищены*. А может, была и другая причина, учитывая, что *помятой была не только одежда Петра Алексеевича, но и его лицо*» [Афанасьев М. Вокруг Украины: мятый Порошенко, США «заказали» Яценюка, покорение Индии. URL: <https://riafan.ru/513351-vokrug-ukrainy-myatyi-poroshenko-ssha-zakazali-yacenuka-rokorenje-indii> (дата обращения 04.04.2016)].

Подобный инцидент можно посчитать незначительным и объяснить чисто житейскими обстоятельствами (например: долгий перелёт или плохое самочувствие), но отрицать значение таких понятий, как впечатление, имидж и репутация на таком высоком уровне публичности достаточно сложно. Российские СМИ достаточно изящно и оперативно отреагировали на описанную выше историю (и многие другие подобные), перенесли характеристику украинского президента на облик всей страны, её политические тенденции и т.д. Так широкое распространение получили эпитеты *помятая политика, мятый президент, помятая страна* и т.п.

Необходимо отметить, что далеко не все источники характеризуют политических деятелей Украины более-менее конструктивно. Периодически встречаются статьи, в которых мы можем обнаружить откровенную

неприятель, а употребленные эпитеты посчитать вполне оскорбительными: «Некоторые считают Порошенко *коварным злодеем*, но он всего лишь *злой неудачник*» [Украинцы омайданены до полной неадекватности. URL: <http://pda.eg.ru/index.php?view=xhtml&cases=online&aid=3057392> (дата обращения 11.04.2015)]. Безусловно, в данном случае мы можем лишь сделать вывод о формате конкретного издания и этике журналиста, которая, пожалуй, отсутствует. Но при этом стоит отметить также очевидную эффективность и эффективность подобных формулировок, что на сегодняшний день нередко ставится выше профессионализма.

Нередко в российских СМИ, особенно на стадии, когда конфликт утратил свою «новизну» и, как кажется, актуальность в обывательском плане, и перерос в информационный шум (2017 г.), стали фигурировать идеи о скверном и дурном политическом будущем президента Украины, например: «Порошенко – это *живой политический труп*, но удостоверение о смерти ему ещё не послали» [Барова, 2017, с. 3]. Впрочем, подобные суждения становятся возможным легко объяснить, если отметить огромное количество противоречий и конфликтов, существующих в политической ситуации на Украине – это отмечается и российскими, и украинскими специалистами.

Украинский бизнесмен, миллионер, политический и общественный деятель **И.В. Коломойский** в СМИ имеет гораздо более скверную репутацию как в морально-этическом плане, так и в уголовном. 21 июня 2014 г. Коломойский и глава МВД Украины А. Аваков объявлены Следственным Комитетом РФ в международный розыск по подозрению в организации ряда серьезных правонарушений в ходе вооружённого противостояния на востоке Украины [Козлова, 2014, с. 7].

«Один из самых *одиозных* украинских олигархов Игорь Коломойский уже объявлен в розыск российскими правоохранителями за свои *кровавые преступления*» [Б.А., 2014, с. 2].

«Удастся ли *известному аферисту* [Коломойскому] подобная комбинация – большой вопрос» [там же].

«Даже иностранные наблюдатели были неприятно удивлены, когда около урн для голосования увидели боевиков из батальона *олигарха-фашиста Коломойского*» [Б.А., 2014, с. 2].

«В Москве Портнов не только швыряется деньгами, но и работает на *миллиардера-кровопийцу Игоря Коломойского*» [Кишкин, 2015, с. 12].

Ю.В. Тимошенко – премьер-министр Украины (2005 и 2007–2010 гг.), видный политический и государственный деятель Украины. На момент завершения написания работы упоминания Ю.В. Тимошенко в политических сводках заметно сократились. Связан этот факт либо со слабым здоровьем самой Тимошенко, либо с её желанием абстрагироваться от происходящих событий с расчетом того, чтобы её имя не отождествлялось с усиливающимся кризисом в стране, чередой крупных скандалов и уголовных разбирательств, чем остальные фигуранты данного параграфа похвастаться уже не смогут. Тем не менее, имя бывшего премьер-министра Украины всё же встречается в статьях, написанных еще в период разворачивания конфликта (2014 г.).

«В кабинет президента забежал Порошенко – весь в слезах...» – глумилась *оранжевая принцесса* над проигравшим конкурентом» [Мирная, 2014, с. 6].

«*Оранжевая революционерка с косой <...> пламенная Юля*» [Черных, 2014, с. 2–3].

«Собственно, в «конкурсе невест» уже определились два фаворита – «*Оранжевая принцесса*» и «*Галстучный гурман*» [М.Н. Саакашвили]» [Кто победит в борьбе за Украину. URL: <http://rian.com.ua/columnist/20161116/1018767796.html> (дата обращения 21.09.2016)].

«После евромайдана и провала на выборах «*оранжевая принцесса*» благоразумно ушла в тень и сейчас может похвастаться самым высоким рейтингом среди политиков Украины» [Единственным победителем был Янукович и... русские . URL: http://www.riv.ru/world_polit135781.html (дата обращения 20.08.2016)].

А.В. Турчинов – секретарь Совета национальной безопасности и обороны Украины (с 16 декабря 2014 года), в социальных сетях прозванный *кровавым пастырем* (в другом варианте: *пастором*). Позднее российские и украинские СМИ охотно позаимствовали прозвище.

«Опубликованное 15 июня 2016 года на сайте СНБО Украины интервью Александра Турчинова можно кратко озаглавить так: «*Кровавый Пастор* во всем сознался!» [Захарченко С. «Кровавый Пастор» Турчинов сдаёт подельников – зачем? – URL: <http://ruspravda.info/Krovaviy-Pastor-Turchinov-sdaet-podelnikov--zachem-21947.html> (дата обращения 20.08.2016)].

«*Хунта* декоммунизировала военпром, и в результате стала испытывать дефицит боеприпасов советского производства, а в «*незалежных*» боеприпасах дефицита не испытывает по причине их полного отсутствия. Об этом на днях поведал *кровавый пастор Турчинов*» [Ростовцев А. А. Турчинов-то голый: Что скрывает «кровавый пастор». URL: <http://www.politnavigator.net/a-turchinov-to-golyjj-hto-skryvaet-krovavyjj-pastor.html> (дата обращения 20.08.2016)].

Сам Турчинов крайне любопытно отзывается о своём прозвище и его истории, переворачивая её в свою пользу: «Так меня назвали *русские пропагандисты*, но в интернете это прозвище зажило собственной жизнью. <...>. Я помню, как невыносимо тяжело было в начале 2014-го. Российские войска концентрируются вдоль границы, готовится вторжение, а армии и силовых структур нет. Среди силовиков в Крыму две трети – предатели. <...>. И приходилось говорить о мужестве наших защитников, а весь негатив брать на себя» [Бутченко М. Сводки с фронта. Секретарь Совбеза рассказывает о превращении Донбасса в полигон Кремля. URL: <http://nv.ua/publications/svodki-s-fronta-aleksandr-turchinov-rasskazyvaet-o-prevrashchenii-donbassa-v-poligon-kremlja-153633.html> (дата обращения 20.06.2016)].

Парадоксально, но **В.Ф. Янукович** – бывший президент Украины, упоминается в СМИ нечасто. А если и упоминается, то вскользь. В

собранном фактическом материале Янукович характеризуется лишь однажды: «... начиная с Кравчука, и со второго президента Кучмы, и с третьего президента Ющенко, и с четвертого президента, этого *несчастливого* и *бездарного* Януковича, шла тотальная проукраинская пропаганда на всей территории Украины...» [Гамов, А. Александр Проханов: Предсказал и майдан, и возвращение Крыма. – URL: <http://www.kp.ru/daily/26282.5/3160066> (дата обращения 21.09.2014)].

Отметим также некоторые другие политические фигуры Украины и обобщенные номинации.

«Глава МВД Украины **Арсен Аваков** уже даже не пытается надевать маску руководителя «с человеческим лицом». <...> это была бы *грустная, кровавая страница*» [Аваков сожалел, что не устроил теракт в Донецкой областной администрации] [Бакканский, Светлов, 2014, с. 3].

Надежда Савченко – военнослужащая Вооружённых сил Украины, капитан. Депутат Верховной Рады Украины VIII созыва от партии «Батькивщина». «Что такое Надежда Савченко? *Честная фашистка*. Она фашистка. Но честная» [Особое мнение [Электронный ресурс]. – URL: <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1862236-echo> (дата обращения 21.06.2016)]

Заголовок в одной из газет: «Украина сменила *ядерного Гелетея* на *карательного Полторака*» [Гришин А. Украина сменила ядерного Гелетея на карательного Полторака. – URL: <http://www.kp.ru/daily/26294.5/3172160> (дата обращения 21.02.2017)]. (**В.В. Гелетей** – министр обороны Украины (2014), нынешний Начальник Управления государственной охраны Украины (с 15.10.14), заявивший, что «российские войска нанесли два удара ядерными боеприпасами с самоходного миномета <...> по луганскому аэропорту. Удары были такой мощи, что разрушили здания от пятого этажа до подвала» [Говорящая каска. Топ-5 заявлений министра обороны Украины Валерия Гелетея. URL: <http://www.aif.ru/politics/world/1343018> (дата обращения 15.04.2016)]. Данное заявление, естественно, является фальсификацией, что

выглядит крайне комично, т.к. министр обороны, по всей видимости, не имеет ни малейшего представления о потенциях ядерного оружия).

«Мы заявляем, что *преступная хунта* готовит масштабную провокацию. В то время как комиссия работает над очередным докладом, эти *циничные лжецы* из Министерства обороны пытаются переложить с себя ответственность за совершённое преступление, жертвами которого стали 300 ни в чём не повинных пассажиров...» [Киберберкут: Киев тайно получает материалы о расследовании крушения Boeing на Украине. URL: <https://russian.rt.com/article/53911> (дата обращения 15.04.2016)].

«Но *власть* в Киеве с *маниакальным упорством* продолжает говорить с мятежными регионами *языком «Градов» и гаубиц*» [Колесниченко, 2014, с. 6].

«Эту войну развязали *горе-политики*» [Зятьков, 2014, с. 10–12].

«... поэтический комментатор Сергей Пономарев немедленно откликнулся балладой о трех *не очень умных украинских депутатах-милитаристах*» [Пономарев, 2014, с. 7].

«Единственное, за что я чувствую ответственность, – что не смог воспрепятствовать *политическим авантюристам* с помощью внешних сил совершить государственный переворот» [Зятьков, 2014, с. 10–12].

2.5 Эпитеты, происходящие от неологизмов

Неоспорим тот факт, что пополнение словарного состава языка – закономерный процесс, поскольку в каждом языке изначально заложен потенциал для его совершенствования и обогащения. В этом плане наиболее подвижным и гибким с точки зрения способности к развитию является лексический уровень, представляющий из себя крайне многомерное подвижное образование.

«... В развитых языках количество неологизмов, зафиксированных в газетах и журналах в течение одного года, составляет десятки тысяч. Это

обусловлено социальной потребностью в наименовании всего нового и в его **осмыслении**, внутриязыковыми факторами – тенденциями к экономии, унификации, системности языковых средств, варьированию номинаций с разной внутренней формой, этимологией, **задачами экспрессивно-эмоциональной, стилистической выразительности**» [Котелова, 1998, с. 331].

Появление новых слов обусловлено не только потребностью в номинации какого-либо явления окружающей действительности или его отдельно взятого элемента, но и непрерывным развитием языка, его стремлением к объятию ранее не существовавших или не актуальных экспрессивно-эмоциональных нюансов. При этом устойчивость или недолговечность подобных новообразований различна, но в момент своего появления они в той или иной степени отражают факты перемен, отмечаемых и фиксируемых таким образом в языке. Следовательно, *неологизмы, занимающие особое место в семиотическом пространстве социума, можно считать актуализирующими фактами, поскольку они служат не только и не столько средством номинации нового знания, сколько выражают прагматическое отношение к познаваемому миру.*

Ранее уже отмечалось, что значительные объемы информации, подаваемые российскими средствами массовой информации в связи с событиями на Украине, не могли не повлечь за собой изменений в прагматике языка. Далее подробно проанализируем зафиксированные в современном российском политическом дискурсе языковые новообразования, появившиеся на фоне украинских событий, рассмотрим их значения и этимологию.

Широкое употребление в русской речи приобрело слово «*укроп*». Под ним, видимо, подразумеваются граждане Украины, поддерживающие т.н. «курс евроинтеграции», новую власть и антироссийскую риторику. Сами же украинцы объясняют, что *укроп* – это сокращение от словосочетания

«украинский патриот». В более широком смысле *укроп* – житель Украины, своеобразное сокращение от слова *украинец*.

«Если Порошенко признает военное поражение и остановит операцию, правосеки проволокут его по Банковой за его собственные кишки, намотанные на шею. Если не остановит, ополчение домолотит оставшиеся *укропские части*» [Украинцы омайданены до полной неадекватности. URL: <http://pda.eg.ru/index.php?view=xhtml&cases=online&aid=3057392> (дата обращения 11.04.2015)].

«Поэтому, полагаю, Москва задала себе вопрос: если мы руками ополчения разобьем *укропскую армию* и возьмем Киев, что дальше с ним будем делать?» [там же].

«И вот снаряд попадает в башню *укропского* танка, а танк стоит в линию еще с пятью» [Глушик, 2015, с. 7]

«Уже спустя 20 минут после гибели автобуса на фальшивых «сайтах-вонючках» с адресами *novoross* появились сообщения якобы от ополченцев: «только что накрыли *укроповский* блок под Волновахой!» [Стешин, 2015, с. 7].

Словом «колорады» с недавних пор в СМИ начали именовать пророссийски настроенных украинцев. Стоит отметить, что зародился неологизм на Украине, когда накануне празднований Дня Победы несогласные с новой властью и проводимой ею политикой украинцы стали носить георгиевские ленты в знак протеста, которые желто-оранжевым цветом похожи на окрас колорадского жука. Тем не менее, «колорады» успешно интегрировались в активе лексикона россиян, а словосочетание «колорадская ленточка» видится вполне даже устойчивым.

«Следственный комитет по Оренбургской области, уполномоченный по правам ребенка в России Павел Астахов и значительная часть обитателей соцсетей Рунета увидели в танце тинейджеров нелепость, безнравственность, пошлость, оскорбление, совращение, растление, разврат, насилие, и... намек

на пришедшие с украинской войны «*колорадские ассоциации*» [Фанайлова, 2015].

«По его словам, причиной увольнения стали «непатриотизм и непонимание того, что на Украине гибнут люди от рук других людей, для которых *колорадская ленточка* – любимый цвет и сигнал для сбора стаи» [там же].

Словом «ватник» в русскоязычном масс-медиа также называют всех пророссийски настроенных украинцев и противников евромайдана. Происхождение переносного значения слова, скорее всего, связано с некогда популярным предметом одежды во времена СССР.

«На первомайский «*ватниковский митинг*» пришли участники немногочисленных шествий из разных концов города, но львиная доля собравшихся – люди, приехавшие в центр общественным транспортом...» [Бурков И. URL: <http://www.citynews.net.ua/news/33493-krasnaya-vat-luganskiy-pervomay-proshel-pod-dulami-avtomatov-i-kriki-rossiya.html> (дата обращения: 11.04.2015)].

Украинское понятие «*національна свідомість*» (т.е. «национальная сознательность») породило такие неологизмы, как «*свидомый*», «*свидомит*», «*свидомитский*». «Эта национальная сознательность, по сути, означает только соответствие некоему представлению о настоящем украинце: говорит только на украинском, ненавидит русских (извечных врагов и оккупантов), свято чтит национальные праздники, верит в тысячелетнюю историю Украины и ее принадлежность к светлой европейской семье народов» [Панков 2015].

«Интересно, что же теперь скажут *свидомые СМИ?*» [Чинкова, 2015, с. 8–9].

«Достаточно неосторожного слова, чтобы получить ярлык «сепаратиста» и оказаться в руках *свидомых отморожков*» [Васильев, 2014, с. 4].

«Имя знаменитого французского философа XVIII века [Вольтера] *свидомые* используют в контексте его труда «История Карла XII, Короля шведского». Не все знают, что известный философ-просветитель <...> публиковал еще и исторические работы. <...> Пользуются этим и *свидомые пропагандисты...*» [Чинкова, 2015, с. 8–9].

Большое количество эпитетов в российских СМИ связаны с именем идеолога и теоретика украинского национализма Степана Бандеры: *бандеровский стиль, нечеловеческие бандеровские идеи, бандеровская биомасса, бандеровское мировоззрение, бандеровские недобитки, бандеровские каратели.*

«... посыл, *выдержанный в «бандеровском стиле»*. Дескать, будет флаг, будут деньги!» [Макарычев, 2014, с. 3].

«Немцев ужасали зверства их соотечественников, хохлов они лишь возбуждают. Таким образом, купить лояльность *бандеровской биомассы* невозможно» [Диванные войска штурмуют Донбасс. URL: <https://news.rambler.ru/articles/34738258> (дата обращения 18.09.2016)].

«Из-за потерянных нами 23 лет там выросло потерянное *пробандеровское поколение*, и нужно или быть готовым физически избавиться от этого поколения – имея на то и волю, и возможности – или принять реальность его существования» [там же].

«Нужно также отбросить идею-химеру про «уравновесить *бандеровские регионы* пророссийскими». <...>. Отдадим им должное: они доказали, что способны эффективно *обандеривать* молодежь в *небандеровских регионах*. Потому что *бандеровское мировоззрение* просто, как любой фашизм. <...>. Оставьте русскоязычные регионы еще на одно поколение в одном государстве с *бандеровцами* – и в них уже не нужно будет импортировать *бандеровскую идеологию*: она начнет вырабатываться «на месте» [там же].

«Монументы Леонида Быкова и молодогвардейцев не дают спать спокойно *бандеровским недобиткам*» [Васильев, 2014, с. 6].

«Я считаю: надо идти до Збруча – речки, которая исторически разделяла Украину и *бандеровскую клоаку*» [Голубь, 2014, с. 7].

Имя Степана Бандеры также индуцировало еще такое слово, как «бендерлоги», т.е. последователи идей Бандеры. Более правильным, пожалуй, было бы написание «*бандар-логи*» – обезьяний народ, вымышленный английским писателем Редьярдом Киплингом в его «Книге джунглей» и который принято считать олицетворением тонкой сатиры на английскую либеральную интеллигенцию. В 2011 году Владимир Путин во время «Прямой линии», процитировав фразу из снятого по книге Киплинга мультфильма («Идите ко мне, бандар-логи»), подарил слову новую жизнь. Подхваченная российскими блогерами фраза сначала была широко растиражирована в Сети, став популярной шуткой, а затем, в свете украинских событий, приобрела новую актуальную коннотацию.

Венцом российского современного словотворчества стало слово «*майдан*» и образованные от него «*майданский*», «*майдановский*», «*майданный*», «*майдаунский*» и т.д. Вот что пишет журналист газеты «Завтра» Андрей Фефелов в своей статье «200 олухов Майдана»: «Москальско-ордынский ученый датского происхождения, уроженец города Луганска Владимир Даль в «Словаре живого великорусского языка» дал определение словам «майданить», «майданничать». Согласно Далю – это означает «мошенничать, промышлять игрою, мотать, прогуливать и проигрывать своё». «Майданник» или «майданщик» – это «мошенник, шатающийся по базарам, обыгрывающий людей в кости, в орлянку, в карты». Далее приводятся пословицы: «На всякого майданщика по десяти олухов»; «Не будь олухов, не стало б и майданщиков» [Фефелов, 2015, с. 8].

В статье Фефелов в качестве введения цитирует частное, второстепенное значение слова «Майдан» и его словообразований, в то время как первостепенное значение – «площадь», т.е. место, где проводились праздничные ярмарки и устраивались базары, на которых, в свою очередь, промышляли различные мошенники. Поэтому возникает вполне резонный,

скорее риторический вопрос: является ли это остроумным, находчивым решением при написании статьи или же имеет место своего рода избирательное цитирование словарной статьи во вполне прозрачных целях негативной оценки событий на современном Майдане? Так или иначе, в рамках ведения информационной войны в сумме с конкретными журналистскими задачами подобный прием видится вполне уместным и удачным.

«26 октября на Украине голосовали за новую, *«постмайданную» Верховную раду»* [Мирная, Ульянова, 2014, с. 7].

«Голубой зал «Комсомолки» в среду утром был забит, как столичная подземка, – здесь встречали бывшего премьер-министра Украины Николая Азарова, который год назад покинул *майданный Киев* и с тех пор хранил молчание» [Чинкова, 2015, с. 8–9].

Эпитеты, произведенные от слова «майдан», довольно многочисленны, но относительно нейтральны сами по себе. Роль эмоционального окрашивания в данных случаях возложена на контекст употребления эпитета.

«Число гробов, идущих с Донбасса на *майданную Украину*, растет день ото дня» [Незалежная откупається от смерті. URL: <http://www.eg.ru/politics/43542/> (дата обращения 18.09.2016)].

«Теперь же, когда документ был обнародован и *майданная публика* забурлила от негодования, Яценюк вновь пытается сохранить лицо» [Васин, 2015, с. 4].

«Но все эти нацбатальоны – это такая *майдановская пена*, которая имеет свойство быстро рассасываться» [Варсегов, 2015, с. 5].

«Новая *постмайданная власть* за полгода умудрилась набрать долгов больше, чем все предыдущие правительства за 10 лет!» [Осипов, Позднякова, Цепляев, Шигарева, 2014, с. 6].

Достаточно популярен результат контаминации слов «майдан» и «даун» (разг. человек, страдающий врождённым слабоумием, синдромом

Дауна), т.е. «майдаун», нашедший применение, например, в названии одной из статей: «*Майдаунская коалиция поделила власть*».

Словосочетание «*диванные войска*» и его многочисленные производные (диванный эксперт, диванный советник, «диванная сотня» и т.д.) распространилось весной 2014 года на фоне нарастания конфликта на Украине и обсуждений его в Интернете. Диванный (эксперт) – наименование активных пользователей сети Интернет, выдающих советы и рекомендации властям, политическим деятелям и политическим объединениям, исходя из своего (как правило, крайне обывательского) понимания сути проблемы и фактически ничего не предпринимающих для осуществления собственного же плана. Таким образом, это в буквальном смысле сидящие на диване (принципиальное отличие от иных понятий, например – зевака) комментаторы; как правило, анонимные; с менторским видом выдающие советы по государственному устройству и международным отношениям.

Констатируя продолжающуюся медиатизацию большинства сфер современной человеческой жизни, необходимо отметить несомненные перспективы прочного закрепления данного оборота в русской речи и языке.

«Но украинское общество заклеямило его [украинского капитана-десантника] «предателем». А он не нашел в себе мужества пойти против «*диванного*» большинства» [Коц, 2014, с. 1].

Заголовок: «*Диванные войска* штурмуют Донбасс» [Диванные войска штурмуют Донбасс. URL: <https://news.rambler.ru/articles/34738258> (дата обращения 18.09.2016)].

«Что ж, *диванные войска* могут вами гордиться, Марк Семенович, но табличками бронепробиваемости, скажу по секрету, расчеты «сорокапятки» в 1941 году не воевали...» [Заинчивский В. Как Солонин пролетариат просвещал. URL: <https://topwar.ru/104162-kak-solonin-proletariat-prosveschal-chast-4.html> (дата обращения 18.09.2016)].

«Как известно, один из фронтов войны в Новороссии проходит в социальных сетях. И не все *«диванные аналитики»* и эксперты пишут в Интернет из *плюшевых окопов»* [Коц, Стешин, 2014, с.6].

«Это исключительно виртуальное возмущение, *диванный активизм*, выстраивание возмущающего контура внешних событий, чтобы не замечать ужаса повседневности» [Романов, Р. Диванные войска на защите России. URL: <http://life.ru/t/мнения/920148> (дата обращения 18.09.2016)].

«До помощи ли ближнему – пост в «Фейсбуке» не написан, виртуальный окоп остывает. Плеер в уши – и помчался на войну. Мчится обыватель на метро, мчится депутат на служебной машине. *Диванная война* не ждёт» [там же].

«На юго-восточном фронте без перемен: *диванные войска* каждый день героически отражают атаки вражьих полчищ. Киборги пьют, контрабасят и понемногу мародерствуют. Но всегда готовы встать плечом к плечу» [Шипилин, П. Диванные войска Украины на марше. URL: <http://news-front.info/2016/10/01> (дата обращения 18.09.2016)].

«Правый сектор» – неформальное объединение активистов украинских националистических (т.н. «национально ориентированных») радикальных организаций с явным террористическим уклоном, образовавшееся в ходе протестных акций в Киеве (2013–2014 гг.). На данный момент позиционирует себя как самостоятельная общественно-политическая сила. Сокращенное наименование *правосеки* (т.е. активисты «правого сектора») – одно из самых одиозных антагонистических понятий в русскоязычных СМИ.

«Такие они *принципиальные* – эти самые *правосеки*... Тем и живут: вечером где-нибудь погром устроят, борясь с «оккупационным режимом», а утром бегут к «режиму» за наградами [Корнилов, В. Принципиальные правосеки. URL: <http://news-front.info/2016/11/22> (дата обращения 18.09.2016)].

«Порошенко практически обречен. Военной победы над Новороссией ему не видать, как ушей без зеркала, а без этой победы его растерзают... О,

желающие выстроится в очередь! От выживших *правосеков, разъяренных «зрадою генералів», до окончательно сбрендивших майдаунов»* [Украинцы омайданены до полной неадекватности. URL: <http://pda.eg.ru/index.php?view=xhtml&cases=online&aid=3057392> (дата обращения 11.04.2015)].

«Когда в *фашистской Украине* наступит Сомали, из нее во все стороны попрут потоки беженцев. В том числе в Россию. Твари, ликовавшие от вида «горелой ваты», «дохлой самки колорада» и называвшие Россию «*наРашкой*», приедут в Россию и предъявят претензии на российскую помощь» [там же].

Ряд украинских и российских СМИ, упоминая в своих материалах имя президента РФ В.В. Путина, намеренно искажают её до варианта «*Путлер*» (от сложения фамилий Путин и Гитлер). Соответственно строятся и прилагательные – *путлерский, путлеровский* и пр.

«Так что *Путлер* по поводу Геническа жестоко заврался. Пусть он на своем газе себе сухари готовит. Ему их – после приговора трибунала, много понадобится» [Шак, В. Технология лжи. URL: <http://www.mig.com.ua/zaporozhe/item/22068> (дата обращения 18.09.2016)].

«Лидер *путлеровских боевиков* террористической «ДНР» некий Захарченко собирается провести 8 июня прямую линию с жителями Запорожья» [Шак, В. Путлеровский главбандит Захарченко собирается пообщаться с жителями Запорожья. URL: <http://www.mig.com.ua/zaporozhe/item/17198> (дата обращения 18.09.2016)].

Достаточно часто встречается именование сторонников современного внешнеполитического курса России – *путиноид*, нередко отождествляющееся с понятиями *россиянин, русский*. Суффикс *-оид* – (от гр. *eidos* внешность) «словообразовательная единица, образующая имена существительные мужского рода со значением лица, которое подобно тому, что названо мотивирующим именем существительным (негроид и т.п.)» [Ефремова, 2000]

«Новые путиноиды – движения «Антимайдан», «НОД» и SERB – устроены иначе: схемы финансирования стали сложнее, а любовь к президенту – сильнее» [Новые путиноиды снова в бою: кто пришел на смену Нашим. URL: <http://www.mk.ru/politics/2015/11/26/novye-putinoidy-snova-v-boyu-kto-prishel-na-smenu-nashim.html> (дата обращения 12.04.2016)].

«В какой-то момент между митингующими и *путиноидами* началась словесная перебранка, нодовец стал размахивать ногами и выбил из рук у журналиста планшет, который и разбил голову Веснину» [там же].

«Опять стрельба. Снова взрывы. Снова гибнут наши солдаты... *Путиноиды* продержались аж две недели. К сожалению, я был прав, когда говорил: бандитам веры не имею!» [Путиноиды продержались аж две недели. URL: <http://www.unian.net/war/1183791-putinoidyi-proderjalis-aj-dve-nedeli-tuka-prognoziruuet-konets-proekta-minsk.html> (дата обращения 12.04.2016)].

«Как стало известно, Гром заявил, что «*путиноиды* сгорели — туда им и дорога» [там же].

В свете украинских событий широкое употребление также приобрели такие слова и идиомы как: «Даунбасс» (Донбасс), «Луганда» (Луганск), «псакнуть» (т.е. сказать глупость, чепуху), «вежливые люди», «Крымчанка, дочь офицера», «няш-мяш» и др.

В научном сообществе не прекращаются дискуссии о долгосрочности подобных явлений. Возможно выделить два принципиальных подхода к оценке представленных выше неологизмов: 1) актуальность новообразований находится в прямой зависимости с актуальностью дискурса, т.е. по мере урегулирования конфликта на Украине частотность употребления подобных фраз будет снижаться и в итоге они будут вытеснены из речи другими, соответствующими более актуальной тематике; 2) с течением времени некоторые новообразования могут закрепиться в качестве нормы, остальные перейдут в условный лексический пассив.

Необходимо отметить, что многочисленные примеры, иллюстрирующие подобное тематическое словотворчество и его

тиражируемые результаты, представленные в научной литературе, как правило, обращаются к дискурсивному опыту прежних лет. В этом состоит значимое качественное отличие от описываемого ранее материала. Сегодня, в век компьютерных технологий и повсеместного распространения сети Интернет в совокупности с различными технологиями и устройствами, абсолютно любые текстовые материалы быстро фиксируются и становятся доступными всему миру. Следовательно, при поисковом запросе о событиях так или иначе связанных с происходящим на Украине описываемая лексика будет автоматически актуализироваться, что делает практически невозможным её забвение. Таким образом, изучаемые объекты могут и не зафиксироваться официально в качестве языковой нормы, но будут постоянно присутствовать в русской речи, т.е. в узусе.

2.6 Существительное-приложение

Информативны для рассмотрения эпитеты, выраженные существительным-приложением, которые выделим в отдельную группу.

Приложение – это определение, которое выражено существительным. Приложение по-новому характеризует предмет, дает ему другое название или указывает на степень родства, национальность, звание, профессию и т. д. Приложение всегда употребляется в том же падеже, что и существительное, к которому оно относится [Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ. URL: http://www.gramota.ru/class/coach/punct/45_176 (дата обращения 13.06.2015)].

Существительным-приложением (в рамках рассматриваемого в настоящем исследовании конфликта) русскоязычными СМИ, как правило, характеризуются отрицательные персонажи. В числе исключений лишь бойцы ДНР и ЛНР. По всей видимости, категория «свои» в дополнительной характеристике не нуждается (применительно к данному языковому явлению) – предполагается, что о ней всё известно изначально.

Обнаруженные в текстах политической тематики вербализации модели существительного-приложения можно разделить по объекту речи.

– **Условный «союзный Запад» – страны ЕС и США:**

«Тут же было объявлено о мирном плане Порошенко, поддержанном его свитой и западными *союзниками-соучастниками*» [Никотин, 2014, с. 1].

– **Украина:**

«*Страна-банкрот* не думает о гибнущих мирных жителях или даже военных. Она занята подсчетом «уничтоженных» российских спецназовцев» [Коц, 2014, с. 2].

– **жители Украины, поддерживающие текущий политический курс в стране; украинцы в целом:**

«Не хватит человеческих сил, не хватит даже русской мощи, чтобы спасти *народ-дебил*, который этого не хочет» [Украинцы омайданены до полной неадекватности. URL: <http://pda.eg.ru/index.php?view=xhtml&cases=online&aid=3057392> (дата обращения 11.04.2015)].

«Вам хотелось до Европы, так ползите же туда! А то, что Европа не примет миллионы *тварей-нищевродов*, то личное дело меж Европой и тварями» [там же].

«О чем думают на юго-востоке Украины люди, оказавшиеся под огнем своих *соотечественников-карателей*» [Сазонов, 2014, с. 8].

– **Украинские политики:**

«Эту войну развязали *горе-политики*» [Зяцьков, 2014, с. 10].

«Работу могильщиков щедро оплачивает *губернатор-бандеровец* Каломойский» [Укровоякам роют могилы / Экспресс-газета. URL: <http://www.eg.ru/daily/politics/45119> (дата обращения 20.02.2106)].

– **Ополченцы ДНР и ЛНР:**

«А как можно относиться к людям, которые защищают свою землю, своих близких, и, по сути, являются *героями-антифашистами?*» [Овчинников, 2014, с. 7].

2.7 Эпитеты, связанные с понятиями «фашист», «нацист», «каратель»

Фашизм (итал. *fascismo* от *fascio* «союз, пучок, связка, объединение») – обобщённое название крайне правых политических движений, идеологий и соответствующая им форма правления диктаторского типа [Милза, 1995, с. 2]. В качестве характерных признаков различными учёными выделяются милитаризм, антикоммунизм и антилиберализм, ксенофобия, шовинизм и т.д. [Рауне, 1995: 106]. Национал-социализм, более известный как **нацизм**, – официальная политическая идеология в Третьем рейхе.

Механизм информационного противодействия достаточно тривиален: создавать резко негативный образ довольно сложно, долго и не так эффективно. Гораздо проще этот образ заимствовать из истории или литературы и культивировать в строго определенных целях, тогда весь неблагоприятный фон, порождаемый лексемой, может автоматически отождествиться с сегодняшними событиями и действующими лицами, т.е. породить стереотип или его модернизировать.

Так, события на Украине именуется большинством российских СМИ как *нормальный антироссийский фашизм, реальный фашизм*, где главные «герои» – *фашистские ублюдки, фашистская мерзость и пр.* Безусловно, Великая Отечественная война оставила глубочайший отпечаток в истории страны (в т.ч. и в русском языке), сделав понятие «фашизм» и его производные, пожалуй, выражением наивысшей степени негативной оценки.

В ответ украинские источники называют русских и россиян *«шовинистами»* и *«настоящими фашистами»*. Взывая к чувствам национальной гордости и независимости, средства массовой информации Украины оперируют такими эпитетами как *оккупантские силы, русские оккупанты, безжалостная русская имперская машина и т.п.* (более подробно – см. п. 2.12).

Российские СМИ, описывая политическую обстановку на Украине, нередко упоминают не просто о *фашизме*, а о *реальном фашизме*,

настоящем фашизме, по-видимому отличая эти понятия от отдельных явлений и напускного, нарочитого проявления утраправых идеологий, реанимируя ассоциации с прошлым, но при этом подчеркивая сугубо современный характер событий.

«После 9-ти дневной поездки по Украине российский оппозиционер Алексей Сахнин поделился своими впечатлениями в письме к Алексею Гаскарову: «Ты как знаешь, Леша, но это *реальный фашизм*. Без опереточных клоунов со свастиками. И таких ребят и в Одессе и в других городах — тьма». <...> Ну понятно, все каналы, газеты и сайты разжигают *дикую национал-патриотическую истерию*. <...> ... массовое движение не противостоит насилию, произволу, национализму, а усиливает их всех. Не несет большую демократию и плюрализм, а сводит общественную повестку к *националистической истерике*» [Сахнин А. Бывший «узник болотного дела» рассказал о фашизме на Украине. URL: <https://ruposters.ru/news/29-09-2014/byvshij-uznik-bolotnogo-dela-rasskazal-o-fashizme-na-ukraine> (дата обращения 12.07.2016)].

«При этом, однако, организаторы майдана очень активно использовали в качестве главной ударной силы (а иногда – пушечного мяса) *откровенных нацистов*. Явно *нацистские, антирусские и антироссийские мотивы* составляют основу *официальной украинской пропаганды*, которую ведут *олигархические СМИ* (а других на Украине нет). И время от времени *нечто откровенно нацистское* проскакивает и в высказываниях официальных лиц» [Вечный, 2014, с. 5].

«На Украине вы сотрудничаете с режимом, в котором важные функции полиции и служб безопасности исполняются *достоверно засвидетельствованными нацистами!*» [Б.А., 2014, с. 14].

Достаточно неоднородна в плане эмоциональности контекстуальная оболочка обнаруженных эпитетов. Некоторые авторы довольствуются употреблением конструкции *фашистский/нацистский* в связке с

существительным, претендуя на относительно нейтральную оценку повествования.

«*Фашистский снайпер* с известного аэропорта в Донецке каждый день убивал по несколько мирных жителей...» [Максимович, 2014, с. 4].

«Отдавать наши земли, политые русской кровью, под контроль последователей нацистов – это предательство» [Чинкова, 2014, с. 3].

«Правоохранителям и боевикам нацистских организаций поступило указание отлавливать и передавать СБУ всех, кто поддерживает ополчение и Новороссию, или просто недостаточно лоялен *киевской хунте*» [Васильев, 2014, с. 4].

«Инициативу захватили *крайне реакционные*, по сути, *нацистские* силы, что и привело к взрыву внутри Украины» [Осипов, Позднякова, Цепляев, Шигарева, 2014, с. 6].

«Политиков, которые могли бы представлять интересы недовольных, либо избивают *неонацистские банды*, либо не пускают на ТВ» [там же].

В иных случаях журналисты отмечают некоторые дополнительные черты, также отрицательно характеризующие объект речи.

«*Украинский национал-фашизм*, похоже, принимает все более *людоедские формы*» [Созонтов, 2014, с. 5].

«Просто не могу представить себя сидящим в теплой комнате и играющим на компьютере, когда пробуждается *вампирский фашизм в своем худшем облике*» [Максимович, 2014, с. 4].

Нередко авторы употребляют и радикально негативные оценочные выражения вплоть до неприкрытых оскорблений.

«Группа *негодяев-нацистов* бесчинствует на Лесном кладбище в Киеве» [Васильев, 2014, с. 6].

«Сказал, что, если даже не сможет остановить эту орду, поедет во Львов и будет там поджигать дома и взрывать машины *фашистских ублюдков*» [Александров, 2014, с. 5].

Нередко в текстах встречаются упоминания о геноциде, являющемся неотъемлемым элементом нацистской идеологии и имеющим в очевидной форме негативную оценку.

«Разве возможен мир, *замешанный на геноциде?*» [там же].

Понятия *каратель* и *карательная операция* – достаточно неоднозначны. По существу любая карательная акция является средством официально регламентированного террора. Государство (или отдельные высокопоставленные политические силы) таким образом, как правило, вуалирует собственно террористический компонент своей насильственной деятельности [Антонов, 2004, 76 – 82].

Карательные мероприятия изначально предполагают репрессии против мирного населения с целью наказания и устрашения за неповиновение, публичные (в т.ч. и массовые) казни, уничтожения жилищ и депортацию, взятие заложников и даже геноцид. Вне зависимости от исторических рамок, любая карательная операция отождествляется с негативными последствиями для обеих конфликтующих сторон: Первая опиумная война (1840–1842 г.г.), «белый террор», «красный террор», массовое убийство в Сонгми (Вьетнам, 1968 г.) и пр. Примечательно, что подобные карательные меры в наибольшей степени применялись в годы Второй мировой войны (фашистами): Лидице (1942 г.), Хатынь (1943 г.), Орадур-сюр-Глан (1944 г.) и мн. др.

В массовой культуре тема карательных операций ярко описывается в кинофильмах «Сомнительная слава» (1944 г.), «Иди и смотри» (1985 г.), «Взвод» (1986 г.). Не будет лишним упомянуть популярные американские криминальные боевики «Каратель» по мотивам одноименного графического романа (выпускается с 1974 г.), где центральный персонаж – человек, который решил самостоятельно вершить правосудие с помощью убийств, похищений, угроз, пыток и т.д.

Всё это позволяет причислять слово «*карательный*» (вместе с его производными) к категории эпитетов, поскольку в данном случае на первый план выходит образно-эмоциональная характеристика слова.

«Бывшие командиры *самостийных карательных батальонов*, а ныне депутаты Верховной Рады *свидомо-незалежной* <...> не только публично поддержали недавнюю террористическую вылазку в Грозном, но и в грубой форме оскорбили главу Чеченской Республики Рамзана Кадырова» [Пономарев, 2014, с. 4].

«Но в Россию он едет не из пацифистских побуждений, а из идеологических – как можно служить в *карательных частях фашистской хунты?*» [Коц, Стешин, 2015, с. 7].

«Он [Руслан с позывным «Лочин»] только что вернулся в Донецк из Пантелеймоновки, откуда недавно вышибли *украинских карателей*» [Овчинников, 2014, с. 7].

«На предстоящих в конце октября выборах в Верховную раду баллотируются те, кто сегодня, будучи в *карательных батальонах*, расстреливает мирное население Донбасса, призывает к *этническим чисткам*» [Шестаков, 2014, с. 8].

Официальное именование властями Украины вооружённого конфликта на востоке Украины – «Антитеррористическая операция» (АТО), т.е. фраза *атошный каратель* – результат сложения понятий АТО и каратель.

«Надо Зеленскому для полного соответствия дать звание народного артиста России и орден «За заслуги перед Отечеством». Пусть еще «деревянных» налопатит, переведет в гривны и купит для *атошных карателей* качественных снайперских винтовок, чтобы им было удобнее детей и стариков на Донбассе убивать» [Васильев, 2016, с. 8].

2.8 Превосходная степень прилагательных в эпитетах

За время функционирования достаточно крупных конфликтов в период 2013–2017 гг. создается впечатление о трансформации современного человеческого мышления. Ранее уже упоминалось о том, что суждения стали в некоторой степени инфантильными, черно-белыми, «из крайности в

крайность». Выделить причины подобной трансформации довольно непросто, но в качестве одной из главных и, что более важно, логически исходной можно назвать крайнее пресыщение информацией в современном обществе. Чтобы выделить сообщение среди массы других, авторы прибегают к гиперболизации оценок – чем «раздражительнее» эффект описываемого события, тем более значительным и важным оно покажется аудитории.

Любые информационные материалы сегодня изобилуют крайностями: если между государствами возникли противоречия – необходимо готовиться к войне, если в ходе какого-либо мероприятия были выявлены нарушения – то грубейшие, если выборы – то самые-самые... Гиперболизация в данном случае обеспечивает реакцию массовой аудитории, повышая вероятность текста быть воспринятым: «информационному шуму способствуют сенсации, изготовление которых поставлено на поток» [Синельникова, 2014, с. 97].

Характеристика выборов на Украине предсказуемо разнится в зависимости от гражданской (политической) принадлежности рассказчика.

«В то же время эксперт признаёт, что сами по себе эти выборы [президента Украины] были диким фарсом на фоне событий на юго-востоке страны, «прошли с *грубейшими нарушениями* норм демократии» [Юрьев, 2014, с. 5].

«26 октября на Украине голосовали за новую, *«постмайданную» Верховную раду*. <...>. Эти *разрекламированные на весь мир выборы* станут *самыми грязными в истории*. <...>. Выборы-2014 – самые туманные в истории Украины» [Мирная, Ульянова, 2014, с. 7].

«Всё равно наши *выборы – самые демократичные в мире*, пусть Россия обзавидуется и подавится. Слава Украине!» [там же].

Политическая обстановка на Украине глазами российских политических обозревателей также изобилует эпитетами, зачастую выраженных в форме прилагательного в превосходной степени.

«Сейчас правящую коалицию объединяют только ненависть к России и стремление к власти. После выборов в условиях *жесточайшего экономического кризиса* и неспособности к системному управлению их борьба друг с другом только усилится» [Юрьев, 2014, с. 5].

«Что будет дальше с Украиной? <...> Это сегодня *самый труднопредсказуемый субъект*» [Надеждин Д. Что нас ждет в 2015 году. URL: <http://www.kp.ru/daily/26330.7/3213001> (дата обращения 15.02.2017)].

Безусловно, гиперболизировано описываются и боевые действия. Как уже отмечалось, войну можно расценивать как некий абсолют человеческой деструктивной деятельности.

«Другое дело, что в городе *запредельная концентрация военных и боевиков из добровольческих батальонов, в частности «Азова»* [Александров, Мирная, Балан, 2014, с. 5–6].

«[Ополченец] вспоминает, что прошлое перемирие закончилось *наиболее жаркими боями*» [Бои за перемирие. Смогут ли жители Донбасса существовать под властью Киева? URL: <http://www.aif.ru/euromaidan/report/1449279> (дата обращения 11.02.2016)].

«... здесь формировалась мощная группировка украинских войск численностью до восьми тысяч человек, опиравшаяся на линию укрепрайонов, оборудованных в инженерном плане по самым современным требованиям фортификации, к тому же – с *мощнейшим артиллерийским прикрытием*, для чего сюда и в прилегающие районы была стянута масштабная артиллерийская группировка» [Шурыгин В. Донбасс. Февраль. Победа! URL: <http://zavtra.ru/blogs/donbass-fevral-pobeda> (22.05.2016)].

2.9 Постоянный эпитет

Основной функцией рассмотренного в первой главе постоянного эпитета как образно-поэтического выражения является украшение речи. По большому счету, употребление подобной конструкции не является

обязательным в публицистике, но позволяет метко, чётко и ясно охарактеризовать объект высказывания. Так, например, вместо слов *отделенный, потерянный, отсоединившийся* уместно употребление фрагмента пословицы: *отрезанный ломоть (к хлебу не приставишь)*. Таким образом авторы характеризуют Украину, Донбасс и пр.

«А мы бросили её [Украину за последние 25 лет], как *отрезанный ломоть*» [Шаблинская, 2014, с. 3].

«Если на линии разграничения встанут чужие войска, президенту Украины будет проще объяснить гражданам, почему Донбасс после стольких жертв и победных заявлений – это «*отрезанный ломоть*» [Колесниченко, А. Запросили подмогу. Зачем Порошенко была нужна операция в Дебальцево? URL: <http://www.aif.ru/euromaidan/prediction/1454171> (22.05.2016)].

В процессе изучения языкового материала были обнаружены постоянные эпитеты *каленным железом* и *тёртый калач*, основной функцией которых также является образное украшение речи автора:

«Именно поэтому мы должны *каленным железом выжечь* в Украине все москальское, от Невского до Достоевского, от пельменей до языка, чтобы подорвать ассоциативную базу москальской пропаганды. На войне, как на войне» [там же].

«По оценке Форбс, состояние Порошенко – 1,3 млрд долл. В политике, как и в бизнесе, он тоже *тёртый калач*» [Юрьев, 2014, с. 6].

2.10 Эпитеты, употребляемые с концептами «Украина», «украинцы», «украинский»

Вне зависимости от многочисленных неоднозначных заявлений политических деятелей разных стран, массовой пропаганды и контрпропаганды, невероятного информационного и дезинформационного давления на европейские народы (особенно – украинцев и русских), главная задача инициаторов череды трагических в глобальных масштабах событий –

дестабилизация обстановки в Восточной Европе. Крайне маловероятно, особенно с помощью лингвистических средств анализа, установить конкретную цель и организаторов (инициаторов) данной кампании, но при этом абсолютно очевидны следствия, одно из которых – крайняя взаимная неприязнь двух соседских и некогда «братских» наций, нередко находящая вербальное выражение в средствах массовой информации.

«После майданизации это уже другой народ. <...>. Хохлы были ироничными упрямыми, людьми с хитринкой, но также со склонностью к самокритичному юмору и ленивому добродушию. <...>. Всё это сменило *киевское хамство, одесское зверство, геббельсовская ложь телебачения про «русские авиаудары»*. В общем, на всеобщее обозрение вылупился *народ-сволочь*» [Галковский, 2014, с. 7].

«На Украине проведены *нелепые, <...> сюрреальные «выборы»*. <...> Тем не менее в *упрямых хохляцких мозгах* всё «ок». Сейчас выбрали законного президента, закрепив успех майдана, теперь начнут *по-взрослому* расправляться с Донбассом» [Галковский, 2014, с. 5].

«Но этими *кощунственными актами* *нелюди* ограничиваться не намерены» [Васильев, 2014, с. 6].

«Причина <...> *странной волны насилия* <...> – скорые выборы в Верховную раду. <...>. Происходит переход от *политического экстаза* к *псевдореволюционному насилию*. Разогревают народ! Кто-то придумал *жесткую технологию* купать соперников в дерьме и тем создавать *негативный имидж* людям, связанным с прежним режимом» [Балан, 2014, с. 6].

«Украина продолжает с *патологической настырностью* загонять себя в одни и те же ловушки, пытаясь выбраться из них через унижительные договоренности с «террористами» [Коц, Стешин, 2015, с. 9].

«В майдане было отвратительно всё. Хамство и хулиганство толпы; поразительная, прямо-таки *садистская жестокость* и тут же ещё более *страшное равнодушие* к чужой боли и страданиям (вплоть до того, что люди

радовались *горящим заживо милиционерам*, а рядом *гугнивые телекомментаторы* обсуждали тихие радости предстоящей евроинтеграции); <...> ложь и лицемерие орущих со сцены политиков, время от времени *вымученно изображающих «любовь к населению; <...> окровавленные клоуны...»* [Галковский Д. Деревенская философия Майдана. URL: <http://www.politonline.ru/provocation/15954.html> (дата обращения 22.04.2014)].

«В Одессе же миллион с лишним жителей! *Трусливый народ – одесситы. Я их хорошо знаю*» [Шаблинская, 2014, с. 3].

«Нация [украинцы], *стоящая на надувных китах*, которую без конца шатает и для которой русофобия не сорняк, привнесенный ветерком, а форма существования» [Сапожникова, 2014, с. 6].

Очевидно, что основная идеологическая составляющая ряда конфликтов и иных прецедентов состоит в вопросе выбора вектора развития международных отношений, который по объективно достаточно странным обстоятельствам ставится ребром: либо «Запад» – т.н. евроинтеграция, членство в НАТО и т.д.; либо «Восток» – выстраивание взаимовыгодных отношений с Россией и странами бывшего СССР, ныне – СНГ. Третий вариант, более взаимовыгодный и, казалось бы, наиболее продуктивный, в силу разного рода обстоятельств даже не рассматривается. В этой связи в политическом дискурсе наметилось четкое разграничение диаметрально противоположных сторон: «наш Восток» и «их Запад».

Таким образом, аналитике и негативной оценке подвергаются как абстрактный «Запад», так и западенцы – т.е. люди, пропагандирующие соответствующий вектор развития.

«Западенцы не понимают, что разжигают у народа *лютую ненависть*, которая аукнется им уже скоро» [Александров, 2014, с. 5].

«Запад должен поддерживать этот процесс [диалог между официальным Киевом и ополченцами], а не стремиться поддерживать все, что делает «партия войны» в Киеве, закрывая глаза на *вопиющие нарушения*

прав человека, откровенное беззаконие и военные преступления» [Кривякина, 2014, с. 2].

«США и Евросоюзу надо, наконец, прислушаться к голосу разума и прервать этот *бессмысленный порочный* круг действий по принципу «око за око», начало которому они сами и положили...» [Шестаков, 2014, с. 8].

Западные (как негласно принято считать – американские) модераторы событий и их активное участие в политической жизни Восточной Европы (т.н. «невидимая рука Запада (госдепа)», Вашингтон и пр.) упоминаются в текстах со стабильной регулярностью. При этом постоянно отмечается манипулятивное подчинение (с точки зрения авторов) местных властей вышеупомянутым силам.

«Что же будет, когда *нагулявшие жирок* кукловоды окончательно потеряют контроль над *опаленными солнцем* жителями? А тогда, разобравшись с ними, разные этнические группы Украины начнут разбираться друг с другом. Сейчас даже месилово в Славянске – это *договорные боестолкновения*» [Галковский, 2014, с. 5].

«Когда же американские ставленники *своим безудержным национализмом* настроили против себя значительную часть Украины и, по сути дела, ввергли страну в гражданскую войну, Вашингтон переключился на *тотальное обвинение Москвы во всех возможных грехах*, включил на полные обороты *машину санкционного прессинга*, включил механизм, инструментарий организации антироссийского фронта в международном масштабе» [США не скрывают, что целью санкций является смена власти в России. URL: <http://tass.ru/politika/1630351> (дата обращения 08.12.2014)].

«Ставка по указу *американских кукловодов* делается лишь на силу и оружие» [Александров, 2014, с. 5].

«Сегодняшняя Украина на самом деле от той России [90-х годов] не сильно отличается. *Пустая казна, забугорные кредиты*, западные «*дружья*»-советчики» [Коц, 2014, с. 3].

«Сторонники жесткой линии в отношениях с Россией в администрации США, по сути дела, получили карт-бланш на поддержку *антиконституционного вооруженного переворота в Киеве*, причем, в соответствии с логикой «цель оправдывает средства», сделали главной ударной силой национал-радикалов и *откровенных неонацистов*» [США не скрывают, что целью санкций является смена власти в России. URL: <http://tass.ru/politika/1630351> (дата обращения 08.12.2014)].

«Многие из собравшихся на Манежной площади вспоминали и ставшие *одним из символов «цветных технологий»* пресловутые «пирожки на майдане» от представителей американского госдепа» [Владимиров, 2015, с. 6].

«В поисках денег и оружия Семенченко пытается играть на *«ястребиных» настроениях* американских конгрессменов, требующих от Барака Обамы поставлять Киеву вооружения и «дожимать» ополченцев» [Дунаевский, 2014, с. 8].

«Правда о происходящем пробивает себе путь даже в *ангажированных западных СМИ*» [Кривякина, 2014, с. 2].

Тем не менее, очевидно, далеко не все россияне, а как показатель тому – далеко не все журналисты, разделяют те чувства презрения и ненависти, которые в них пытаются пробудить организаторы и пособники информационной кампании. Несмотря на череду громких международных скандалов, проводимую Западом санкционную политику и изрядно избитую в СМИ тему политических изменений на Украине, во многих текстах мы можем обнаружить слова сожаления, сочувствия и пожелания в скорейшем разрешении всех имеющихся противоречий, пусть иногда и несколько резкие.

«Похоже, если Украина не посмотрит на ситуацию в своей экономике не через *русофобские очки*, а *незамутненным взором*, то ее разорение – вопрос уже не такой уж отдаленной перспективы» [Гришин, 2014, с. 3].

«России совсем не нужно *расколотое аморфное государство-банкрот* у своих границ, к тому же *охваченное глобальной смутой*» [Черных, 2014, с. 5].

«Украина – наш *ближайший сосед*. Что бы украинцы сейчас ни придумывали с их *нечеловеческими бандеровскими и национал-социалистическими идеями*, всё равно это и по крови, и по языку, и по географическому расположению абсолютно нам *близкие люди*» [Устинова, 2014, с. 5].

«Украина экономически может существовать только в *теснейшей кооперации с Россией*. Но для *украинской правящей тусовки* интеграция с Россией – смерть. Ведь абсолютное большинство страны говорит по-русски, и экономическая интеграция сама собой воссоединит *искусственно разделенные народы*» [Черных, 2014, с. 5].

«Начиная с Кравчука, и со второго президента Кучмы, и с третьего президента Ющенко, и с четвертого президента, этого *несчастливого и бездарного Януковича*, шла тотальная проукраинская пропаганда на всей территории Украины. Был скрытый или явный *русофобский синдром*. <...>. А потом в ход ввели вот этот *мощнейший бандеровский компонент*» [амов А. Александр Проханов: Предсказал и майдан, и возвращение Крыма // Комсомольская правда. URL: <http://www.kp.ru/daily/26282.5/3160066> (дата обращения 12.05.2016).].

Помимо прочего, авторы анализируют украинские экономические и социально-демографические показатели, описывая ситуацию в стране как весьма плачевную. По мнению автора, такой информации стоит доверять с должным уровнем осторожности хотя бы потому, что украинские СМИ полностью повторяют подобную риторику, но в применении к РФ. Следовательно, мы, возможно, сталкиваемся с одинаковым манипуляционным приёмом – созданием образа деморализованного, зачастую маргинализованного, врага в глазах соотечественников.

К примеру, после вхождения Республики Крым в состав Российской Федерации множество украинских ресурсов опубликовали статьи с общей темой – голод в России, санкции доказывают свою эффективность: «Ну что, путинята, вы рады? В Москве пропали крупы, мучные изделия, а так же мясо и рыба, о фруктах и говорить нечего, они пропали с прилавков после «присоединения» Крыма» [URL: <http://ykristianna.livejournal.com/1832976.html> (дата обращения 17.10.2016)]. Безусловно, ничего общего с реальностью подобные «информационные вбросы» не имеют.

С другой стороны, сугубо логической, – экономические возможности Украины гораздо скромнее российских, а внутригосударственные противоречия гораздо острее. Таким образом, можно сделать вывод, что среднестатистическому потребителю текстов политической тематики (читателю) необходимо придерживаться русской пословицы «доверяй, но проверяй», хотя некоторые утверждения всё же, даже исходя из академического интереса, оспорить представляется невозможным.

«Сейчас Украину ждут огромные беды, огромные проблемы, потому что Украина *пустая, нищая, разодранная противоречиями, с разрушенной промышленностью и сельским хозяйством*» [Хожателева, 2014, с. 4–5].

«... посыл, выдержанный в «бандеровском стиле». Дескать, будет флаг, будут деньги! <...> ... президент фактически открестился от *непосильной для «дырявого украинского бюджета»* ноши – необходимости полностью восстанавливать разрушенный карателями Донбасс» [Макарычев, 2014, с. 5].

«Взять Донецк и Луганск *ура-патриотическим штурмом*, наверное, можно. Но уличные бои заберут десятки тысяч жизней лучших из нас. А ещё это приведёт к полному коллапсу и так *едва живой экономики*» [Александров, Мирная, Балан, 2014, с. 7–8].

«Пока министр и трехзвездный генерал Валерий Гелетей демонстративно пугает мир претензиями Киева на ядерное оружие, внутри *раздираемой противоречиями страны* зреют угрозы и провоцируются риски, еще не воспринимаемые нашим сознанием» [Емельяненко, 2014, с. 1].

«Самым миролюбивым политиком в Киеве является, пожалуй, президент Пётр Порошенко – у него просто нет иного выбора. «Продолжать военные действия в Донбассе нам невыгодно: деньги нужны на реформы, *ситуация в стране угрожающая...*» [Осипов, Балан, Юрьев, 2014, с. 7].

Политическая обстановка внутри самой Украины – крайне непредсказуема и нестабильна. «Вообще ещё в феврале к власти на Украине пришла, по сути, *террористическая группировка*. А как ещё назвать тех, кто посылает одних своих граждан убивать других?» [Юрьев, 2014, с. 2].

Формулировка «атмосфера психоза» – пожалуй, является наиболее удачным описанием общего лейтмотива при описании современной украинской политической жизни, вернее – её образа в российских СМИ.

«Коммунистов, регионалов, независимых депутатов, которые смели говорить с трибуны что-то неприятное власти и голосовать «не так», предполагалось выместить из парламента на волне *милитаристского и националистического психоза* на Украине. <...>. Главный проигравший, несомненно, народ Украины, который на волне случившегося буквально на ровном месте получил *агрессивный, ультранационалистический парламента*» [Надеждин, 2014, с. 2].

«Можно было бы считать эти слова *бреднями бывших полевых командиров, травмированных войной*, но *тревожные сдвиги в политическом сознании* стали мейнстримом в украинском истеблишменте» [Хованская, 2015, с. 4].

Так или иначе, невозможно отрицать тот факт, что Украина как государство претерпела значительные изменения во многих сферах общественной деятельности. Один из авторов очень ёмко и уместно условно разделил Украину на *бывшую* и *нынешнюю*: «Основная часть населения оккупированной нацистами *бывшей Украины* погружена в искусственно созданную для него виртуальную реальность и искусственно удерживается в ней» [Макарычев, 2014, с. 5].

2.11 Прочие эпитеты

Достаточно многочисленны эпитеты, не попадающие под условную классификацию, предложенную в данной главе, но, несомненно, заслуживающие обращенного на них внимания и выполняющие определенные функции. Для удобства навигации и анализа они также были разбиты на небольшие подгруппы.

2.11.1 Характеристика политической обстановки

Эпитеты при характеристике украинских событий отмечают сложность и запутанность ситуации, сравнивая её с шахматами.

«Хотя она [встреча в Астане] необходима, так как минские соглашения не выполняются, а ситуация в Донбассе сейчас *тупиковая*, даже *патовая*» [Балан, 2015, с. 8].

«Впрочем, сегодня вокруг слишком много желающих поставить мат, а то и дать «доской по голове» – нынче в *политических шахматах* особых правил нет» [Мирная, 2014, с. 6].

Характеристики даются также различным украинским политическим деятелям, их законопроектам и инициативам. Особенно часто отмечаются кощунство и лукавость принимаемых ими решений.

«Однако даже этот принятый Радой с *лукавыми оговорками* закон, как выяснилось, не стоит ломаного гроша» [Шестаков, 2014, с. 8].

«Киев, до этого обвинявший в обстреле «террористов», после доклада обесешников приуныл. И траур по погибшим объявлять не стал. Слишком *неудобная трагедия*, чтобы делать на ней пиар. Можно и проколоться» [Коц, Стешин, 2015, с. 6].

«... и это несмотря на промывку мозгов в СМИ, преследование инакомыслия, «*неправильных политиков*»... [Пока в Киеве делят власть..., 2014, с. 6].

«... те, кто отдаёт такие *преступные приказы* <...> должны знать, что никакого другого способа решения подобных конфликтов, кроме мирных

переговоров и средств политического характера, не существует [Мирная, 2015, с. 7].

«Еще с «*кровавой Пасхи*», по сути, первого дня этой войны, украинская армия полюбила приурочивать свои обострения к религиозным праздникам. Объяснить эти совпадения невозможно без помощи дьявола, особенно на фоне показной религиозности нынешних киевских властей» [Коц, Стешин, 2015, с. 7].

Любопытно отметить, что своеобразный эпитет может содержаться даже в названии закона: «Принят закон [на Украине] о *временно оккупированных территориях*, границы страны никто пересматривать не собирается» [Юрьев, 2014, с. 2]. Речь идёт о законе Украины «Об обеспечении прав и свобод граждан и правовом режиме на **временно оккупированной территории** Украины» (укр. «Про забезпечення прав і свобод громадян та правовий режим на тимчасово окупованій території України» № 1207-VII).

Оккупация – насильственный захват чужой государственной территории военной силой [Евремова, 2000, с. 370]. Таким образом, украинские законотворцы, видимо, отмечают «факт» оккупации своей территории российскими вооруженными силами. При этом, Украина продолжает поддерживать дипломатические отношения с Россией и не реагирует на «вторжение» соответствующим образом – т.е. не объявляет войну, что наталкивает на вывод об инсценировке и заведомом нагнетании русофобской истерии. Второй момент – наречие «временно», указывающее на непродолжительность или тенденцию к завершению подобного статуса. По всей видимости, в данном случае имеет место быть попытка сохранить лицо перед собственным электоратом.

2.11.2 Пропаганда

Ранее уже отмечалось, что пропаганда как общественно-политическое явление имеет место при любом политическом строе в любом государстве. Вопрос состоит лишь в её интенсивности и конечном результате. Ниже

приведем соответствующие эпитеты, касающиеся данного феномена, его целей и задач.

«Руками *оболваненных националистической пропагандой «українських патріотів»* госдеп пытается вынудить Москву ввязаться в открытый военный конфликт...» [Самохин, 2014, с. 2].

«Как представляется, именно эти – абсолютно реальные риски, а не *пропагандистские угрозы* обретения Украиной ядерного оружия...» [Емельяненко, 2014, с. 1].

«Везде, кроме Донецка и Луганска, люди слушают *страшную пропаганду*, согласно которой Россия – *ужасный агрессор*» [Шарбатян, 2014, с. 4].

«Понятно, почему [Центризбирком Украины] тянули время и не торопились подводить итоги: не хотелось признавать, что единство страны и всеобщий *«патриотический» порыв воевать* – не более чем миф официальной пропаганды» [Пока в Киеве делят власть..., 2014, с.6].

«Сегодня мы уже пытаемся создать собственный телеканал, чтобы транслировать происходящие у нас события. Чтобы люди могли сравнить реальное положение вещей с той *чудовищной ложью*, которую показывает украинское телевидение» [Шарбатян, 2014, с. 4].

2.11.3 Мировое сообщество, международные наблюдатели

В исследуемом массиве текстов политической тематики средства экспрессивности также распространяются и на международные организации и абстрактное мировое сообщество в целом. Среди основных характеристик – лицемерие и безразличие.

«Мировое сообщество <...> поделило *жертв на достойных сочувствия и не очень*» [Александров, 2015, с. 6–7].

«Мировое сообщество опять отреагировало на *большую трагедию маленьких людей* на этой гражданской войне дежурными фразами» [там же].

«Последними на место трагедии приезжает джип ОБСЕ, благообразный мужчина что-то записывает в блокнот. На лице у него – *маска скорбного бесчувствия*» [Коц, Стешин, 2015, с. 9].

2.11.4 Характеристика жителей ДНР, ЛНР

Главными героями (буквально) в текстах российских СМИ, безусловно, являются жители Восточной Украины, ведущие принципиальное противостояние с вооруженными силами Украины: «... [Донецк] сейчас *самое яркое место на планете*, потому что оно является *эпицентром сопротивления мировому злу...*» [Овчинников, 2014, с. 7].

Некоторые авторы всё-таки называют ДНР и ЛНР мятежными регионами. Понятие мятежа достаточно неоднородно и противоречиво. С одной стороны, мятеж в любом случае – это **заговор** против государственной власти, действие, противоречащее закону. С другой – особенно, учитывая контекст событий и их освещение в СМИ, имеется в виду протест против угнетения, борьба за свободу, некий романтический образ в духе советской популяризации восстания Спартака. Ср.: «Так что все полномочия, которые Киев на основании минских соглашений обещал *мятежным регионам*, законодатели с легкостью заберут в будущем, как только ситуация успокоится» [Шестаков, 2014, с. 8]; «Луганчане сделали свой *ясный выбор*. Определились, что мы часть российского мира и никакого другого» [Овчинников, 2014, с. 7].

Общее видение ситуации глазами ДНР и ЛНР можно сформулировать с помощью следующих цитат.

«А оно им надо, если речь идет о «*второстепенных*» жителях юго-востока?» [Колесниченко, 2014, с. 6].

«На юго-востоке возобновились полномасштабные боевые действия, в самом начале мы видели совершенно *варварские обстрелы* Донецка, жилых кварталов, что привело к многочисленным жертвам среди мирного населения» [Смирнов, 2015, с. 2].

«Ни в каком *политическом альянсе* с Украиной – ни федеративном, ни конфедеративном – ДНР и ЛНР участвовать не намерены. Никакой *политический торг* тут неуместен, мы исходим из результатов референдума 11 мая» [Александров, Мирная, Балан, 2014, с. 6–7].

При этом подчеркивается хрупкость периодически объявляемых перемирий, которые, судя по всему, являются лишь удачным моментом для перегруппировки военных сил. Перемирие и боевые действия, судя из описаний очевидцев, мало чем отличаются.

«А. Макаркин затруднился предположить, кто может сделать первый выстрел, нарушающий *хрупкое перемирие*» [Самохин, 2014, с. 2].

«Когда же закончится это перемирие, спрашивают люди. Такого *горячего перемирия* они больше не хотят – хоронить народ негде...» [Сазонов, 2014, с. 8].

«... предновогоднее перемирие – *виртуальное* и временное» [Балан, 2015, с. 7].

Исходя из предложенной концептологической классификации, в данном разделе мы также наблюдаем некоторые категории установленных эпитетов, служащих для своеобразного подчеркивания характеристик описываемого объекта или «украшения» речи. В каждом из перечисленных выше примеров перед автором стоял выбор в вербальном выражении свойств объекта речи и акцентированы они были именно в соответствующем эмоциональном ключе.

2.12 Украинский и проукраинский политический дискурс

Изучаемая картина событий, безусловно, была бы неполной без характеристики актуального украинского политического дискурса. При рассмотрении последнего становится очевидно, что используемые информационные тактики существенно не отличаются от уже установленных нами ранее. Этот факт лишний раз дает основание сделать вывод о

существовании если не шаблонного универсального сценария разворачивания информационного конфликта, то, по крайней мере, схожего психологически-пропагандистского алгоритма.

Ранее уже отмечалось, что происходящие на Украине события стали импульсом для активного словотворчества в СМИ. Новообразованная лексика украинского кризиса нашла применение не только в языке россиян, но также прочно вошла в употребление украинцами и украинскими авторами.

Антироссийскую риторику осуществляет большинство украинских СМИ, а также некоторые российские псевдолиберальные издания (как правило, преследующие корыстные интересы и спонсирующиеся из-за рубежа). Любопытен факт использования уже рассмотренного ранее алгоритма заимствования образа из общей истории. Если в случае с текстами российских авторов можно было наблюдать справедливые упоминания фашизма и фашистов, пособники которых в последнее время активно культивируются на Украине под видом национальных героев, то по другую сторону баррикад используется образ *империи* и связанных с ним понятий: *великодержавие* и даже(!) *православие*. «Нашу тоску по отторгнутой Украине они [западные политологи и журналисты] объясняют *великодержавным шовинизмом, рудиментом имперского мышления*» [Стоцкий, 2014, с. 5].

Безусловно, наиболее часто употребляется в современном украинском политическом дискурсе пренебрежительное слово *москаль* – шовинистическое прозвище, прилагавшееся жителями Украины и Белоруссии к русским, представителям Московского государства, а также к его солдатам [Ушаков, 2008]. Ср.: «Благодаря успеху *антиимперской, антироссийской революции* произошел резкий рост патриотических настроений, что позволило остановить *москальские войска* и не дать реализовать план по захвату и расчленению Украины. Запущен необратимый процесс украинизации страны, деимпериализации и десоветизации общества» [Лубкин Д. Неторжественный спич к предстоящим торжествам. URL:

<https://www.facenews.ua/columns/2017/312124> (дата обращения 20.03.2015)]; «Ну, и кто после этого назовет умными организаторов борьбы с *москальской пропагандой*? Ведь местное население отдаёт предпочтение *вражеским СМИ*, в том числе и потому, что те вещают на русском языке» [Онуфриенко М. «Рука Киева» тянется в Авдеевку. URL: <https://nahnews.org/986806> (дата обращения 20.03.2015)].

Можно наглядно убедиться в том, что употребляемые в проукраинском политдискурсе эпитеты применяются по принципу снежного кома – когда какая-либо характеристика для автора исчерпывает себя, он добавляет к ней еще одну, с прежним посылом, но новым оттенком значения. Видимо, таким образом, при слишком частом употреблении эпитетов-концептов *москаль* и *империя*, словотворцы почувствовали необходимость в ведении новой единицы, которую заимствовали, опять же, из исторического опыта – понятие *орда*, довольно абсурдно отождествленное с современной Россией: «...и накроется медным тазом вся *москальская орда* с её карликовым плешивым пуделем...» [Березовский Г. Сурков Захарченко: «Для проведения успешной мобилизации ветеранов ополчения «ДНР»-Усилить обстрелы подконтрольных территорий с мирным населением». URL: <http://www.ostro.org/blogs/berezovskiy/161732/> (дата обращения 14.03.2017)]; «Почему *справжние свідомые евроукры* должны стыдливо молчать в ответ на ехидные вопросы издевающихся над ними *ордынских москалей*?» [Роджерс А. А Где «перемоги»?! URL: <https://news-front.info/2016/08/20/a-gde-peremogi-aleksandr-rodzhers/> (дата обращения 02.12.2016)]; «... неплохо было бы ещё раз разобраться, как жилось несчастным, угнетенным украинцам под *москальским «игом»*, в жутких условиях «*ватно-ордынской оккупации*» [Плеханов А. Об «угнетении» украинцев и их невыносимой жизни под «москальским игом». URL: <http://www.km.ru/world/2015/01/16/protivostoyanie-na-ukraine-2013-14/753554-ob-ugnetenii-ukraintsev-i-ikh-nevynosimoi> (дата обращения 02.12.2016)].

Не менее любопытно проанализировать процесс отождествления образа жителей протестующих непризнанных республик и России: характеристики, относящиеся к ДНР и ЛНР, переносятся на Российскую Федерацию. Вполне вероятно, что подобная подмена понятий, а точнее – политических субъектов, могла быть одним из сопутствующих, а возможно и главным интересом инициаторов конфликта.

«Мы смогли продемонстрировать всему миру *истинное лицо бандитов-сепаратистов, поддерживаемых Россией*, которая выступила гарантом и непосредственным участником Минских переговоров [Иванко, 2015, с. 3].

Таким образом, категории *бандит, сепаратист* и др. консолидированы в один мощный концепт *русский-оккупант*, массово растиражированный и устоявшийся в общественном сознании украинцев. Приведенные ниже примеры демонстрируют процесс раскрытия такого алгоритма:

«*Оккупационные власти Крыма* приняли решение о принудительном выкупе имущества Керченского стрелочного завода и Керченского металлургического комбината» [Оккупанты принудительно выкупят крымские заводы. URL: <http://biz.liga.net/ekonomika/industriya/novosti/3620660> (дата обращения 02.12.2016)].

«...Кавун вполне себе будет и дальше своё кино снимать *в проклятой оккупационной стране*, никто ему ничего не скажет. И я тоже посмотрю кино его» [Прилепин, 2014].

«*Русские оккупанты* в Крыму провели новые обыски и задержания крымских татар» [Утёсова Н.П. Русские оккупанты в Крыму провели новые обыски и задержания крымских татар. URL: <http://nevainfo.ru/2017/02/425304-russkie-okkupanti-v-krimu-proveli-novie-obiski-i/> (дата обращения 11.06.2017)].

«За минувшие сутки *российско-оккупационные войска* совершили на Донбассе 108 обстрелов» [Оккупанты на Донбассе за сутки совершили 108 обстрелов. URL: <http://fakty.ua/231752> (дата обращения 02.12.2016)].
«В районе Зайцево снайперы *российско-оккупационных войск* обстреляли

экипаж волонтера Юлии Толмачевой» [В районе Зайцево боевики обстреляли украинских волонтеров. – URL: <http://fakty.ua/231769> (дата обращения 02.11.2016)].

Нередки также упоминания о **временной** оккупации того же Донбасса, открыто намекающие на обратимость (во всяком случае – в понимании автора) сложившейся ситуации: «Многие промышленные объекты на *временно оккупированной части Донбасса* были вырезаны на металлолом *пророссийскими террористами* или демонтированы и вывезены захватчиками в Россию» [В Донбассе: пропагандисты России заговорили о геноциде. URL: <http://news.liga.net/news/politics/14690099> (дата обращения 03.12.2015)].

Практически все украинские и проукраинские масс-медиа изобилуют средствами экспрессивности, выражающими крайнюю неприязнь и презрение к России, всем русскому и «русскому миру» в целом. Очевидно, что благодаря развитию коммуникационных технологий и социальных сетей, россияне об этой ненависти прекрасно знают, некоторые упоминания об этом фигурируют и в текстах СМИ.

«Вот и пришлось заключать контракт <...> с Россией, так *ненавидимой* нынешними властями в Киеве» [Васин, 2015, с. 4].

«По странной иронии судьбы украинские министры во время заседаний вынуждены говорить на *ненавистном русском языке*» [Хованская, 2015, с. 4].

«Боль в собственном подбрюшье уже не чувствуется, клетки отмерли, превратившись в небольшое зудящее раздражение на фоне такой большой «опухоли», как *ненавистная «рашка»*» [Коц, 2014, с. 2].

«Но рано или поздно правда вскроется, и это будет неприятно для присоединившихся к *антироссийской вакханалии*» [Варсегов, 2014, с. 3].

В рамках исследования также были зафиксированы эпитеты, не в полной мере попадающие под предложенную классификацию. В основном,

это единичные случаи, которые в эмоционально-поэтическом плане мощны для восприятия, любопытны, а значит, достаточно эффективны.

К примеру, в одной из статей автор разделяет насилие на дозированное и недозированное: «В итоге мы не применили там и тогда *дозированное насилие*, в результате сейчас это насилие *абсолютно недозированное*» [Овчинников А. Главное – не дать им головы поднять. Иначе весь город снарядами засыпят... URL: <http://www.krsk.kp.ru/daily/26289/3166891> (дата обращения 07.04.2017)].

Фраза *свинцовые оплеухи* несколько выбивается из общего лейтмотива информационных заметок, но вполне уместна и оригинальна: «... как это принято у киевского генералитета, как только *свинцовые оплеухи* становятся чувствительнее, силам АТО все меньше хочется воевать и все больше хочется мира» [Коц, Стешин, 2015, с. 9].

Некоторые из журналистов, обращаясь к гуманности и взывая к окончательному прекращению кровопролитий, значительное по объему содержание облачают в довольно небольшое количество фраз с помощью эпитетов: «думаю, сегодня на Украине просто нет другой силы, кроме Церкви, которая может стать *реальной основой* для улучшения не просто политической обстановки, но *для исцеления тяжёлых душевных ран*, для исправления *разломов, прошедших по семьям, друзьям и братским отношениям*» [Тутина, 2015, с. 9].

Выводы по второй главе

Являясь событием крайне актуальным для россиян, «Евромайдан» породил большое количество неологизмов, коннотаций, коннотативных характеристик и иных новообразований, которые пополнили активный словарный запас многих носителей русского языка. Представленные в данном кратком исследовании эпитеты, произведенные от неологизмов, иллюстрируют особенности целенаправленного употребления лексических новшеств, важность эпитета как инструмента создания необходимого тому или иному автору образа в сознании людей и в информационной войне в целом.

Для реализации установленных задач исследования предпринята попытка выявить наиболее общие тематические закономерности – концепты, вокруг которых в свою очередь сосредотачиваются установленные эпитеты. Концепт в таком понимании объединяет в себе языковые факты как на основе семантической корреляции, так и на других основаниях (например – употребление постоянных эпитетов в текстах).

В рамках информационного противодействия в русскоязычных СМИ характерны бинарные оппозиции *свой/чужой*, *добро/зло*, *жизнь/смерть*. Баланс между присутствием в пространстве СМИ «своих» и «чужих» перестает соблюдаться, при этом значительно увеличивается степень эксплицированной речевой агрессии в виде инвектив, нередко выходящих за пределы политкорректности. Бинарная оппозиция оказывается стимулом и принципом расширения дискурса информационной войны, что, вполне вероятно, может являться одной из задач инициатора при достижении более глобальной цели – разделения общества в зависимости от отношения к происходящим событиям и побуждение некоторых групп или их совокупности к определенным действиям экономического и политического характера.

Достаточно отчетливо также прослеживаются тенденции стандартизации словоупотреблений и клиширования характеристик в современных российских текстах политической тематики, особенно в рамках вышеописанных оппозиций, где «свои» – условно: «бравые защитники», а «чужие» – «агрессивные оболваненные вояки».

Абсолютно очевидно, что семиотическая оппозиция «свои» – «чужие» отчетливо присутствует и в других зафиксированных концептах, например в случае с эпитетами, характеризующими политических деятелей Украины (п. 2.4), или эпитетами, образованными от *фашист*, *нацист*, *каратель* (п. 2.7). Стоит также отметить, что категория «чужих» в значительной степени шире и разнообразнее, что отражено в структуре исследования.

Тему происходящих на Украине событий невозможно представить без жанра «военных сводок». Подобным материалам присущи собственные специфические стилистические приёмы и функциональная задача в целом. Выделяются концепты **хаоса**, непрекращающегося **страха** за свою жизнь и **ужаса** от окружающего рассказчика пейзажа; концепт **«нечаянной жертвы»**; мощные по своему воздействию на читателя концепт **дети войны** и **привычности войны**.

Зафиксированные в современном российском политическом дискурсе языковые новообразования, появившиеся на фоне украинских событий, достаточно многочисленны, что позволяет говорить об авторской потребности к словотворчеству, примеры которого могут и не фиксироваться официально в качестве языковой нормы, но будут постоянно присутствовать в узусе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках исследования рассмотрены и проанализированы зафиксированные эпитеты, обнаруженные в текстах политической тематики в средствах массовой информации по теме «украинского кризиса».

Эпитет имеет большое количество смежных нюансов с другими средствами выразительности (метафора, метонимия, определение и пр.) – явлениями во многом схожими, но не тождественными. Эпитет – важное и необходимое средство создания образности речи, сосредоточивающее на себе внимание читателя. Через эпитет адресант реализует свое отношение к предмету речи, передает свое авторское видение мира. Подбор эпитетов, их расстановка в предложении, их звуковая окраска, экономия или обилие в их употреблении – всё это обусловлено индивидуальностью автора и теми задачами, которые он себе ставит.

Эпитет рассматривается многими исследователями как одно из основных средств утверждения индивидуального, субъективно-оценочного отношения к описываемому автором явлению. Языковые факты изучаются в зависимости от их семантики и структуры, с точки зрения их функциональных ролей в текстах различной тематики. Подобная разноплановость исследований затрудняет и усложняет классификацию эпитетов, делает крайне неоднородными и противоречащими дефиниции рассматриваемого феномена. Понятие «эпитет» объединяет различные лексические средства образности, что также усложняет задачу по выстраиванию цельной унифицированной теории.

Уместно утверждать об изначальном присутствии суггестивного потенциала в языке в целом, равно как и в различных сферах его применения: феномен манипуляции является одним из главных признаков текстов политической тематики, в то время как различные стилистические приемы, использующиеся в качестве манипуляционных, дают возможность адресанту влиять на эмоции адресата и через них непосредственно осуществлять

перестройку его картины мира. Манипулятивность – одна из основных особенностей политического дискурса, в рамках которого манипуляция приобретает дополнительную функцию – влияние на общественное сознание с целью программирования определённых мнений и желаний общества.

Употребление эпитетов в текстах политической тематики публицистического стиля обусловлено интенцией автора, стилистикой издания/ресурса, темой материала. Нередко образность речи в политических текстах не уступает текстам художественного характера. В ином случае, при более «сухом», формальном отображении явлений или объектов реальности, важность средств языковой выразительности увеличивается обратно пропорционально их количеству, поскольку последние транслируют авторское отношение к объекту речи, которое адресант предполагает навязать адресату.

Подогреваемые средствами массовой информации тревожные настроения общества и последующие за такой реакцией политические решения являются разными этапами манипуляционной кампании, проводимой неким актором. Основной инструментальной единицей такой манипуляционной кампании необходимо считать слово: его семантику, имиджеобразующую, аксиологическую и культурную функции, основным объектом воздействия – общественное мнение.

Являясь событием крайне актуальным для россиян, «Евромайдан» породил большое количество неологизмов, коннотаций, коннотативных характеристик и иных новообразований, которые пополнили активный словарный запас носителей русского языка. Представленные в данном кратком исследовании эпитеты, произведенные от неологизмов, иллюстрируют особенности целенаправленного употребления лексических новшеств, важность эпитета как инструмента создания необходимого тому или иному автору образа в сознании людей и в информационной войне в целом.

Для реализации установленных задач исследования предпринята попытка выявить наиболее общие тематические закономерности – концепты, вокруг которых в свою очередь сосредоточиваются установленные эпитеты. Концепт в таком понимании объединяет в себе языковые факты как на основе семантической корреляции, так и на других основаниях (например – употребление постоянных эпитетов в текстах.

В рамках информационного противодействия в русскоязычных СМИ характерны бинарные оппозиции свой/чужой, добро/зло, жизнь/смерть. Баланс между присутствием в пространстве СМИ «своих» и «чужих» перестает соблюдаться, при этом значительно увеличивается степень эксплицированной речевой агрессии в виде инвектив, нередко выходящих за пределы политкорректности. Бинарная оппозиция оказывается стимулом и принципом расширения дискурса информационной войны, что, вполне вероятно, может являться одной из задач инициатора при достижении более глобальной цели – разделения общества в зависимости от отношения к происходящим событиям и побуждение некоторых групп или их совокупности к определенным действиям экономического и политического характера.

Достаточно отчетливо также прослеживаются тенденции стандартизации словоупотреблений и клиширования характеристик в современных российских текстах политической тематики, особенно в рамках вышеописанных оппозиций, где «свои» – условно: «бравые защитники», а «чужие» – «агрессивные оболваненные вояки».

Абсолютно очевидно, что семиотическая оппозиция «свои» – «чужие» отчетливо присутствует и в других зафиксированных концептах, например в случае с эпитетами, характеризующими политических деятелей Украины (п. 2.4), или эпитетами, образованными от фашист, нацист, каратель (п. 2.7). Стоит также отметить, что категория «чужих» в значительной степени шире и разнообразнее, что отражено в структуре исследования.

Тему происходящих на Украине событий невозможно представить без жанра «военных сводок». Подобным материалам присущи собственные специфические стилистические приёмы и функциональная задача в целом. Выделяются концепты хаоса, непрекращающегося страха за свою жизнь и ужаса от окружающего рассказчика пейзажа; концепт «нечаянной жертвы»; мощные по своему воздействию на читателя концепты дети войны и привычности войны.

Зафиксированные в современном российском политическом дискурсе языковые новообразования, появившиеся на фоне украинских событий, достаточно многочисленны, что позволяет говорить об авторской необходимости к словотворчеству, примеры которого могут и не зафиксироваться официально в качестве языковой нормы, но будут постоянно присутствовать в узусе.

В результате проведенного исследования удалось выявить языковые средства выражения бинарной оппозиции свой/чужой в текстах политической тематики, которая в свою очередь катализирует на своей основе большое количество т.н. концептов, часть из которых зафиксированы в узусе и, вероятно, будут продолжать выполнять свою манипулятивную аксиологическую функцию.

Гипотезу, согласно которой средства художественной выразительности в текстах политической тематики (в данном случае: конкретно – эпитеты), имплицитно выполняют манипулятивную функцию, призванную создать у читателя эмоциональный отклик и тем самым вызывают солидарность с точкой зрения автора, считаем подтвержденной, опираясь на результаты анализа языкового материала.

Автор считает необходимым отметить, что данное исследование не ставит перед собой цель разноаспектного анализа происходящих на Украине событий и их личностную оценку, а лишь описывает представленные в российских СМИ частные случаи употребления эпитетов, проводит их

классификацию и пытается определить вероятные речевые стратегии и их закономерности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Александров, Г. «Нас убивают!». Специальный репортаж «АиФ» из Донецка // Аргументы и факты. – №6 (2015). – С. 6–7.
2. Александров, Г. Новорождённое Россия [Текст] / Г. Александров // Аргументы и факты. – №22 (2014). – С. 7.
3. Александров, Г. Новороссия. Может ли на картах мира появиться еще одна страна? [Текст] / Г. Александров // Аргументы и факты. – №22 (2014). – С. 5.
4. Александров, Г. Украинский фронт. Власти Незалежной применяют против городов артиллерию [Текст] / Г. Александров // Аргументы и факты. №23 (4–10 июня 2014). – С. 6.
5. Александров, Г. Украинский фронт. Власти Незалежной применяют против городов артиллерию [Текст] / Г. Александров // Аргументы и факты – №23 (4–10 июня 2014). С. 6
6. Александров, Г., Мирная, Е., Балан, И. «Мы проиграли». Перемирием не довольны ни Киев, ни ополченцы [Текст] / Г. Александров, Е. Мирная, И. Балан // Аргументы и факты. – №38. – 17–23 сентября 2014г. – С. 6–7.
7. Александров, Г., Мирная, Е., Балан, И.. «Мы проиграли». Перемирием не довольны ни Киев, ни ополченцы [Текст] / Г. Александров, Е. Мирная, И. Балан // Аргументы и факты. – №38 17–23 сентября 2014г. – С. 4–5.
8. Александрова, Е. Я – Ваня с горящего Донбасса [Текст] / Е.Я. Александрова // Комсомольская правда. – №2 (2015). – С. 5.
9. Алтунян, А.Г. Анализ политических текстов [Текст] / А.Г. Алтунян: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений, обучающихся по направлениям и специальностям «Политология», «Журналистика», «Связи с общественностью», «Юриспруденция». М., 2006. – 383 с.

10. Антонов, Б.И. Петербург – 1914 – Петроград. Хронологическая мозаика столичной жизни [Текст] / Б.И. Антонов. – М.: Центрполиграф, 2014. – 558 с.
11. Антонов, С.Н. Некоторые социальные аспекты эволюции терроризма [Текст] / С.Н. Антонов // Актуальные проблемы исследования и профилактики экстремизма. Материалы международной научно-практической конференции. Факультет социологии СПбГУ, 11–13 октября 2004 года./ Под ред. А. А. Козлова. «Элекс Принт», 2004. – 253 с.
12. Антюфеева, Ю.Н. Английские новообразования в развитии: потенциальное слово, окказионализм, неологизм: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Ю.Н. Антюфеева. – Тула, 2004.
13. Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. Метафора в семантическом представлении эмоций [Текст] / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 27–35.
14. Арнольд, И.В. Стилистика современного английского языка [Текст] / И.В. Арнольд. – Л.: Просвещение, 1981. – 303 с.
15. Афанасьев, М. Вокруг Украины: мятый Порошенко, США «заказали» Яценюка, покорение Индии [Электронный ресурс]. – URL: <https://riafan.ru/513351-vokrug-ukrainy-myatyi-poroshenko-ssha-zakazali-yasenuyka-rokorenie-indii> (дата обращения 04.04.2016).
16. Бакканский, Э., Светлов, В. Когда говорит Аваков [Текст] / Э. Бакканский, В. Светлов // Комсомольская правда. – №101 (2014). – С. 6–7.
17. Балан, И. Жертвы ради денег [Текст] / И. Балан // Аргументы и факты №3 (2015), С. 8.
18. Балан, И. Зима по-киевски. Украина и Донбасс остались без новогодних подарков [Текст] / И. Балан // Аргументы и факты. – №1 (2015). – С. 7.
19. Балан, И. Зима по-киевски. Украина и Донбасс остались без новогодних подарков [Текст] / И. Балан // Аргументы и факты №1 (2015), С. 7.

20. Балан, И. Снова война? Почему не соблюдается перемирие на Донбассе [Текст] / И. Балан // Аргументы и факты. – №41. – с. 6.
21. Барова, Е. Донбасс в огне [Текст] / Е. Барова // Аргументы и факты. – № 6 08.02.2017. – С. 3.
22. Белянин В.П. Психолингвистика / Московский психосоциальный институт. – М.: Флинта, 2009. – 414 с.
23. Березовский, Г. Сурков Захарченко: «Для проведения успешной мобилизации ветеранов ополчения «ДНР»-Усилить обстрелы подконтрольных территорий с мирным населением» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ostro.org/blogs/berezovskiy/161732/> (дата обращения 14.03.2017).
24. Беркнер С. С. Язык как инструмент власти [Текст] / под общ. ред. Л.И. Гришаевой // Эссе о социальной власти языка. Воронеж, 2001. – С. 85–89.
25. Бизюков Н.В. Публицистический дискурс как система средств языковой манипуляции (на материале англоязычной прессы) [Текст] / Н.В. Бизюков // Вестник КГПУ. № 3. – Красноярск, 2010. – С. 168.
26. Блакар, Р.М. Язык как инструмент социальной власти [Текст] / Р.М. Блакар // Язык и моделирование социального воздействия. – М., 1987. – С. 88–91.
27. Бои за перемирие. Смогут ли жители Донбасса существовать под властью Киева? [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.aif.ru/euromaidan/report/1449279> (дата обращения 11.02.2016).
28. Бурков, И. Без названия // CityNews. Новости Луганска и Луганской области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.citynews.net.ua/news/33493-krasnaya-vata-luganskiy-pervomay-proshel-pod-dulami-avtomatov-i-kriki-rossiya.html> (дата обращения: 11.04.2015).

29. Буслаев, Ф.И. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис [Электронный ресурс] / Ф. Буслаев. М., 1869. – 396 с. – URL: <http://znanium.com/catalog.php?bookinfo=353322> (дата обращения: 26.07.2015).

30. Буслаев, Ф.И. Предмет и его эпитет [Текст] / Ф.И. Буслаев // Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. – М.: Учпедгиз, 1959. – С. 289 – 290.

31. Бутченко, М. Сводки с фронта. Секретарь Совбеза рассказывает о превращении Донбасса в полигон Кремля [Электронный ресурс]. – URL: <http://nv.ua/publications/svodki-s-fronta-aleksandr-turchinov-rasskazyvaet-o-prevrashchenii-donbassa-v-poligon-kremlja-153633.html> (дата обращения 20.06.2016).

32. В Донбассе: пропагандисты России заговорили о геноциде [Электронный ресурс]. – URL: <http://news.liga.net/news/politics/14690099> (дата обращения 03.12.2015).

33. В районе Зайцево боевики обстреляли украинских волонтеров [Электронный ресурс]. – URL: <http://fakty.ua/231769> (дата обращения 02.11.2016).

34. Варсегов, Н. Давай за них, давай за нас, и за Луганск, и за Донбасс! // Комсомольская правда [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kp.ru/daily/26282.5/3159910/> (дата обращения: 06.04.2015).

35. Варсегов, Н. Малайзийский «Боинг» сбил украинский летчик – капитан Волошин [Текст] / Н. Варсегов // Комсомольская правда. – №146 (2014). – С. 3.

36. Васильев, А.Д. Игры в слова. Манипулятивные операции в текстах СМИ [Текст] / А.Д. Васильев. – СПб., 2013. – 660 с.

37. Васильев, А.Д. Манипулятивная эвфемизация как атрибут дискурса СМИ [Текст] / А.Д. Васильев // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2010. – №1. – С. 150–161.

38. Васильев, А.Д., Подсохин, Ф.Е. Информационная война: лингвистический аспект [Текст] / А.Д. Васильев, Ф.Е. Подсохин // Политическая лингвистика. – 2016. Вып. 2 (56). – С. 10–16.
39. Васильев, М. Зеленские человечки [Текст] / М. Васильев // Экспресс газета. – №39 (1127). – С. 8.
40. Васильев, М. Каратели на вражеской территории // Экспресс-газета, №47 (2014), С. 4
41. Васильев, М. Майдауны громят кладбища [Текст] / М. Васильев // Экспресс-газета №14 (2014), С. 6
42. Васин, А. В Киеве признали Крым российским. Очень погреться хотелось [Текст] / А. Васин // Комсомольская правда. – №5 (2015). – С. 4.
43. Векшин, Н.Л. Грамматика русского языка. Учебное пособие [Текст] / Н.Л. Васин. – М.: АСТ-пресс-школа, 2003. – 285 с.
44. Веселовский, А.Н. Историческая поэтика [Текст] / А.Н. Веселовский. – М.: Высшая школа, 1989. – 406 с.
45. Веснянко, Р. Родина украинского голодомора – в США // EurAsia Daily <https://eadaily.com/ru/news/2016/11/25/ruslan-vesnyanko-rodina-ukrainskogo-golodomora-v-ssha>
46. Вечный, А. «Новый порядок» в Европе начинается с Украины [Текст] / А. Вечный // Союзное вече. – №1 (592). – С. 5.
47. Виноградов, В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография [Текст] / В.В. Виноградов. М., 1977.
48. Виноградова, С.А. Политический дискурс как коммуникативное явление с манипулятивным потенциалом [Текст] / С.А. Виноградова // Мир науки, культуры, образования. № 4 (23) 2010. – С. 45.
49. Владимиров, С. «Антимайдан» обошел оппозицию по всем статьям [Текст] / С. Владимиров // Комсомольская правда. – №4 (2015) – С. 6.
50. Вольф, Е.М. К вопросу о классификации признаков [Текст] / Е.М. Вольф // Филологические науки. – 1982. – №2. – С. 46–54.

51. Вы где обитаете?. Немецкий политик обвинила Меркель в услужении США [Текст] // Аргументы и факты. – №49 (2014). – С. 14.
52. Галковский, Д. Деревенская философия Майдана [Электронный ресурс] URL: <http://www.politonline.ru/provocation/15954.html> (дата обращения 22.04.2014).
53. Галковский, Д. Олигархам надо бежать [Текст] / Д. Галковский // Экспресс газета. – №22 от 02.06.2014. – С. 5.
54. Галковский, Д. Планы Кремля нарушила потеря Харькова [Текст] / Д. Галковский // Экспресс газета. – №26 от 07.07.2014. – С. 7.
55. Гальперин, И.Р. Информативность единиц языка [Текст] / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1974. – 279 с.
56. Гальперин, И.Р. Очерки по стилистике английского языка [Текст] / И.Р. Гальперин. – М.: Изд-во лит-ры на ин. яз., 1965. – 458 с.
57. Гамов, А. Александр Проханов: Предсказал и майдан, и возвращение Крыма // Комсомольская правда [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kp.ru/daily/26282.5/3160066> (дата обращения 12.05.2016).
58. Гамов, А. Иосиф Кобзон: «Те, кто устроил этот ад в Донбассе, не дождутся, чтобы Кобзон заплакал» [Текст] / А. Гамов // Комсомольская правда. 29.10.2014 – С. 3.
59. Глазунова, И.С. Логика метафорических преобразований [Текст] / И.С. Глазунова. – М.: Наука, 2000. – 167 с.
60. Глушик, Е. Фантасмагория войны // газета «Завтра». – 2015. – №7 (1108). [Электронный ресурс]. URL: www.zavtra.ru/content/view/fantasmagoriya-vojny/ (дата обращения: 10.04.2015).
61. Говорящая каска. Топ-5 заявлений министра обороны Украины Валерия Гелетея [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.aif.ru/politics/world/1343018> (дата обращения 15.04.2016).
62. Голев, Н.Д. Самоопределение юридической лингвистики в России [Текст] / Н.Д. Голев // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право. – Кемерово; Барнаул: АлтГУ, 2007. – С. 7–13.

63. Голубина, К.В. Когнитивные основания эпитета в художественном тексте: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / К.С. Голубина. – М., 1998. – 25 с.
64. Голубь, Ю. Боец ополчения: Украина готовится к наступлению [Текст] / Ю. Голубь // Аргументы и факты. – №46 (2014). – С. 7.
65. Горбачевич, К. С. Словарь эпитетов русского литературного языка [Текст] / К. С. Горбачевич, Е. П. Хабло. – Л.: Наука, 1979. – 567 с.
66. Горнфельд, А.Г. Эпитет [Текст] / А.Г. Горнфельд // Вопросы теории и психологии творчества. – Харьков, 1911. – С. 340–342.
67. Гришин, А. Из Украины – в руины [Текст] / А. Гришин // Комсомольская Правда. – №36. 4–11 сент. 2014. – С. 3.
68. Гришин, А. Украина сменила ядерного Гелетея на карательного Полторака [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kp.ru/daily/26294.5/3172160> (дата обращения 21.02.2017).
69. Дейк, Т.А. Язык, познание, коммуникация [Текст] / Т.А. Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – С. 46.
70. Демьяненко, Н.В. Использование манипулятивных технологий в СМИ как реальная проблема [Текст] / Н.В. Демьяненко // Российский академический журнал. – 2012. – Т. 19, № 1. – С. 20–27.
71. Деркачев, И.З. Эпитет [Текст] / И.З. Деркачев // Русский язык в школе. – 1957. – №3. – С. 40 – 42.
72. Диванные войска штурмуют Донбасс [Электронный ресурс]. – URL: <https://news.rambler.ru/articles/34738258> (дата обращения 18.09.2016).
73. Дмитрук, О.В. Лексическая составляющая манипуляции сознанием в средствах массовой информации [Текст] / О.В. Дмитрук // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – № 24. – 2013
74. Доценко, Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита [Текст] / Е.Л. Доценко. – М., 1996. – 344 с.

75. Дрибнюк В.Т. Оцінка як складова ментального процесу [Текст] / В.Т. Дрибнюк // Проблеми семантики, прагматики та когнітивної лінгвістики: зб. наук. праць. – Киев: КНУ им. Т. Шевченко, 2012. – Вып. 21. – С. 133–139.
76. Дунаевский, И. Кто командует «Донбассом»? [Текст] / И. Дунаевский // Российская газета – Федеральный выпуск №6484 (212). – С. 8.
77. Евгеньева, А.П. О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса XVII–XIX вв. (постоянный эпитет) [Текст] / А.П. Евгеньева // Труды отдела древнерусской литературы. – М. – Л.: Наука. Т.6, 1948. – С. 233 – 257.
78. Единственным победителем был Янукович и... русские [Электронный ресурс]. – URL: http://www.riv.ru/world_polit135781.html (дата обращения 20.08.2016).
79. Емельяненко, А. Что страшнее генерала [Текст] / А. Емельяненко // Российская газета – Федеральный выпуск №6484 (212). – С. 1.
80. Жертвы «перемирия». Пока в Киеве делят власть, на Донбассе погибают люди [Текст] // Аргументы и факты. – №46 (2014). – С. 6
81. Жирмунский, В.М. К вопросу об эпитете [Текст] / В.М. Жирмунский // Памяти В.Н. Сакурина: сб. статей. – М.: Наука, 1992. – С. 55.
82. Жирмунский, В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Избранные труды [Текст] / В.М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1977. – 406 с.
83. Жлуктенко, Ю.А. Язык и идеология. Критика идеалистических концепций функционирования и развития языка [Текст] / Ю.А. Жлуктенко. – К.: Изд-во при Киевском государственном университете издательского объединения «Вища школа», 1981. – 243 с.
84. Заинчивский, В. Как Солонин пролетариат просвещал [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/104162-kak-solonin-proletariat-prosveschal-chast-4.html> (дата обращения 18.09.2016).

85. Захарченко, С. «Кровавый Пастор» Турчинов сдаёт подельников – зачем? [Электронный ресурс]. – URL: <http://ruspravda.info/Krovaviy-Pastor-Turchinov-sdaet-podelnikov--zachem-21947.html> (дата обращения 20.08.2016).
86. Зеленецкий, А. А. Эпитеты литературной русской речи [Текст] / А.А. Зеленецкий. М., 1913.
87. Зиновьев, А. Русский эксперимент [Текст] / А. Зиновьев. – М.: Наш дом – L'age d'Homme, 1995г.
88. Зятьков, Н. Виктор Янукович: «Народ договорится, и Украина станет единой» [Текст] / Н. Зятьков // Аргументы и факты №52 (2014), С. 10–12
89. Иванко, Ю. Порошенко заявил об отводе войск из Дебальцево [Текст] / Ю. Иванко // Солидарность. – 2015. – С. 3.
90. Иванова, С.В. Продажи на 100%: Эффективные техники продвижения товаров и услуг [Текст] / С. В. Иванова. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2014. – 277 с.
91. Калугин, В. Антология военной песни [Текст] / Сост. и автор предисл. В. Калугин. – М.: Эксмо, 2006 – 800 с.
92. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием [Текст] / С.Г. Кара-Мурза. – М.: «Алгоритм» – 2000. – 464 с.
93. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием [Текст] / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Изд-во: Эксмо, 2005. – 832 с.
94. Карасик, В.И. О типах дискурса [Текст] / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград, 2000: Перемена, 2000.
95. Карнеги, Д. Афоризмы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.orator.ru/carnagey.html> (дата обращения 19.05.2017).
96. Кедрин, Д. Погоня [Электронный ресурс]. – URL: http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=13497_53911 (дата обращения 15.04.2016).

97. Киберберкут: Киев тайно получает материалы о расследовании крушения Boeing на Украине [Электронный ресурс]. – URL: <https://russian.rt.com/article/53911> (дата обращения 15.04.2016).
98. Кишкин, Н. Красивая жизнь Андрея Портнова [Текст] / Н. Кишкин // Экспресс газета №11 – 23.03.2015 – С. 12.
99. Климов, И. Украина уже проиграла войну [Текст] / И. Климов // Экспресс газета. – №35 (01.09.2014). – С. 7.
100. Кобозева, И.М. Лингво-прагматический аспект анализа языка СМИ [Текст] / И.М. Кобозева // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учеб. пособие – М.: Изд-во МГУ, 2008. – С. 230.
101. Козлова, Н. Как найдут, так арестуют [Текст] / Н. Козлова // Российская газета – Федеральный выпуск №6418 (146). – С. 7
102. Колесниченко, А. Бои: кто кого? [Текст] / А. Колесниченко // Аргументы и факты. – №31 (2014). – С. 6
103. Колесниченко, А. Запросили подмогу. Зачем Порошенко была нужна операция в Дебальцево? [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.aif.ru/euromaidan/prediction/1454171> (22.05.2016).
104. Колесов, В.В. Эпитет в «Слове» / В.В. Колесов [Электрон. ресурс]. – URL: <http://feb-web.ru/feb/slovinc/es/es5/es5-2522.htm>.
105. Коломойский строит Новороссию?! [Текст] // Экспресс-газета. – №29 (21.06.2014). – С. 2.
106. Корнилов, В. Принципиальные правосеки [Электронный ресурс] / ИА «Новостной фронт». – URL: <http://news-front.info/2016/11/22> (дата обращения 18.09.2016).
107. Коротеев, А.А. Синтаксические смещения в современном русском языке [Текст] / А.А. Коротеев. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Куйбышев, 1964.
108. Костомаров, В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа [Текст] / В.Г. Костомаров. – М.: Педагогика-пресс, 1994.

109. Котелова, Н.З. Неологизмы [Текст] / Н.З. Котелова // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 331
110. Коц А., Стешин, Д. Кровавое воскресенье в Донбассе: бои идут по всей линии фронта, а Донецк вновь превращается в город-призрак [Текст] / А. Коц // Комсомольская правда. – №4 (2015). – С. 5–6.
111. Коц, А. Воинственный банкрот [Текст] / А. Коц // Красная звезда №16 (2014). – С. 1.
112. Коц, А. Офицерская честь по-украински [Текст] / А. Коц // Красная звезда. – 24.12.2014. – С. 1.
113. Коц, А., Стешин, Д. «Урочище» Никишино: силы ДНР выбили украинские подразделения из деревни на юго-востоке «Дебальцевского котла» [Текст] / А. Коц // Комсомольская правда. – №11 (2015). – С. 8.
114. Коц, А., Стешин, Д. Аэропорт Донецка – АД на земле [Текст] / А. Коц // Комсомольская правда. – №6 (2015). – С. 8.
115. Коц, А., Стешин, Д. Взрывное перемирие в Донбассе... [Текст] / А. Коц, Д. Стешин // Комсомольская Правда. – №118 (17.10.2014). – С. 6
116. Коц, А., Стешин, Д. ВСУ просит перемирия в Дебальцевском котле [Текст] / А. Коц, Д. Стешин // Комсомольская правда. – №12 (2015). – С. 9.
117. Коц, А., Стешин, Д. Дважды освобожденные [Текст] / А. Коц, Д. Стешин // Комсомольская правда. – №101 9.09.2014. – С. 7.
118. Коц, А., Стешин, Д. Как мы нашли Андрея [Текст] / А. Коц, Д. Стешин // Комсомольская правда. – 05.09.14 – С. 6.
119. Коц, А., Стешин, Д. Кровавое воскресенье в Донбассе: бои идут по всей линии фронта, а Донецк вновь превращается в город-призрак [Текст] / А. Коц, Д. Стешин // Комсомольская правда. – №4 (2015). – С. 7.
120. Коц, А., Стешин, Д. Кровавое воскресенье в Донбассе: бои идут по всей линии фронта, а Донецк вновь превращается в город-призрак [Текст] / А. Коц, Д. Стешин // Комсомольская правда. – №4 (2015). – С. 7.

121. Коц, А., Стешин, Д. Кто убил 30 жителей Мариуполя [Текст] / А. Коц, Д. Стешин // Комсомольская правда. – №7 (2015). – С. 6.
122. Коц, А., Стешин, Д. Люба, не волнуйся, я в плену [Текст] / А. Коц, Д. Стешин // Комсомольская правда. – №98 (02.09.2014). – С. 7.
123. Коц, А., Стешин, Д. Русскую школу в Горловке разбомбили прицельным минометным огнем [Текст] / А. Коц, Д. Стешин // Комсомольская правда. – №5 (2015). – С. 6–7.
124. Коц, А., Стешин, Д. У Майдана есть своя Аль-Каида [Текст] / А. Коц, Д. Стешин // Комсомольская правда. – №8 28.01.2014. – С. 8.
125. Коц, А., Стешин, Д. Украинская артиллерия специально обстреляла людей, уезжающих на работу [Текст] / А. Коц, Д. Стешин // Комсомольская правда. – №6 (2015). – С. 9.
126. Кривякина, Е. Керри посоветовал Лаврову не слушать Обаму [Текст] / Е. Кривякина // Комсомольская правда. – №132 (2014). – С. 2.
127. Крупчанов, Л.М. Введение в литературоведение: Учебник для вузов [Текст] / Л.М. Крупчанов. – М.: Оникс, 2005. – С. 75.
128. Кто победит в борьбе за Украину [Электронный ресурс] // РИА Новости Украина. – URL: <http://rian.com.ua/columnist/20161116/1018767796.html> (дата обращения 21.09.2016).
129. Кузнец, М.Д., Скребнев, Ю.М. Стилистика английского языка [Текст] / М.Д. Кузнец, Ю.М. Скребнев. Л., 1969. – С. 132.
130. Кязимова, Н. Дети живут на перловке [Текст] / Н. Кязимова // Аргументы и факты. – №3 (2015). – С. 9.
131. Лазутин, С.Г. Поэтика русского фольклора [Текст] / С.Г. Лазутин. – М.: Высш. Шк., 1989. – С. 123.
132. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живём [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
133. Лободанов, А.П. К исторической теории эпитета (античность и средневековье) [Текст] / А.П. Лободанов // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1984. – Т. 43. – № 3. – С. 215–227.

134. Лопутько, О.П. Постоянные эпитеты и история прилагательных [Текст] / О.П. Лопутько // Русский язык в школе. – 2004. – №5. – С. 81–85.
135. Лубкин, Д. Неторжественный спич к предстоящим торжествам [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.facenews.ua/columns/2017/312124/> (дата обращения 02.12.2016).
136. Лукьяненко, С. Без Крыма. Без денег. С гражданской войной [Текст] / С. Лукьяненко // Комсомольская правда. – №132 (2014). – С. 7
137. Лукьянов, А. Из России с любовью. [Электронный ресурс]. – URL: www.kp.ru/daily/26582.4/3597661 (дата обращения 15.04.2017).
138. Лукьяновский, Б. Эпитет у Тургенева [Текст] / Б.Лукьяновский // Творчество Тургенева. – М.: Наука, 1920. – С. 122 – 138.
139. Макарычев, М. Будет флаг – будут деньги [Текст] / М. Макарычев // Российская газета. – №126 (2014). – С. 3.
140. Максимович, И. Храброе сердце [Текст] / И. Максимович // Экспресс-газета. – №48 (2014). – С. 4.
141. Маниева, Н.С. Прилагательные-эпитеты в поэтическом дискурсе второй половины XX века: лингвистический анализ: Автореферат дисс... канн. филол. наук [Текст] / Маниева Нина Сергеевна. – Махачкала, 2007. – 23 с.
142. Мародёры из нацгвардии обчищают квартиры [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.eg.ru/society/44299> (дата обращения 10.11.2016)
143. Мерзлякова, А.Х. Типы семантического варьирования прилагательных в поле «Восприятие»: на материале английского, русского и французского языков: дисс... докт. филол. наук [Текст] / Мерзлякова Альфия Хамитовна. – Уфа, 2003. – 359 с.
144. Милза, П. Что такое фашизм? [Текст] / П. Милза // М., Полис. 1995 г. – № 2.
145. Министерство обороны США [Электронный ресурс]. URL: http://www.defense.gov/News/Special-Reports/0415_Cyber-Strategy (дата обращения: 10.04.2016).

146. Мирная, Е. Пётр «в шоколаде» [Текст] / Е. Мирная // Аргументы и факты. – №39 (2014). – С. 6.

147. Мирная, Е. С кем воюет Киев? Снаряды убивают людей и надежды на мир [Текст] / Е. Мирная // Аргументы и факты. – №5 (2015). – С. 7.

148. Мирная, Е., Ульянова, А. Выборы в холодных тонах. Чего ждать от новой Верховной рады Украины? [Текст] / Е. Мирная, А. Ульянова // Аргументы и факты №116. – С. 7.

149. Мирная, Е., Ульянова, А. Выборы в холодных тонах. Чего ждать от новой Верховной рады Украины? [Текст] / Е. Мирная, А. Ульянова // Аргументы и факты. – №116. – 14.10.2014. – С. 7

150. Миятович Д. Пропаганда и свобода массовой информации / Памятная записка Бюро Представителя ОБСЕ по вопросам свободы СМИ. – Вена, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.osce.org/ru/fom/219726> (дата обращения: 23.11.2016).

151. Москалева, М.В. Неологизмы и проблема их изучения в современном русском языке [Текст] / М.В. Москалева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. – № 80. – С.246–249.

152. Москвин, В.П. Эпитет в художественной речи [Текст] / В.П. Москвин // Русская речь. – 2001. – №4. – С. 28–34.

153. Мураховский, В. Паутина лжи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.5-tv.ru/glavnoe/broadcasts/508990/332/> (дата обращения: 02.04.2016).

154. Набоков В.В. Дар [Электронный ресурс]. – URL: <http://mobooka.ru/?tp=book&path=%D0%9D/%D0%9D%D0%90/%D0%9D%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%B2%20%D0%92%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%80/%D0%9D%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%B2%20->

%20%D0%94%D0%B0%D1%80.zip&ps=3000&p=238 (дата обращения 21.02.2017).

155. Надеждин, Д. Битва за Радугу: Партия войны победила Партию мира [Текст] / Д. Надеждин // Комсомольская правда. – №122 (28.10.2014). – С. 2.

156. Надеждин, Д. Что нас ждет в 2015 году [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kp.ru/daily/26330.7/3213001> (дата обращения 15.02.2017).

157. Надточий, Э.В. О власти исчисления над жизнью и над смертью [Текст] / Э.В. Надточий // Тоталитаризм как исторический феномен. – М., 1989. – С. 343.

158. Незалежная откупается от смерти [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.eg.ru/politics/43542/> (дата обращения 18.09.2016).

159. Несветайло, Ю.Н. Неологизмы и окказионализмы как конститuentы лексического макрополя современного английского языка: системный и словообразовательный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Ю.Н. Несветайло. Ставрополь, 2010.

160. Никитин, К.В. Технологии речевой манипуляции в политическом дискурсе СМИ (на материале газет США): автореф. дисс... канд. фил. Наук / К.В. Никитин. – Уфа, 2006.

161. Никотин, Ю. Коварное перемирие [Текст] / Ю. Никотин // За победу! – №32 от 17.09.2014

162. Новые путиноиды снова в бою: кто пришел на смену Нашим [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mk.ru/politics/2015/11/26/novye-putinoidy-snova-v-boyu-kto-prishel-na-smenu-nashim.html> (дата обращения 12.04.2016).

163. Овчинников, А. Главное – не дать им головы поднять. Иначе весь город снарядами засыпят... [Текст] / А. Овчинников // Комсомольская правда. – №2 (2015). – С. 6.

164. Овчинников, А. Главное — не дать им головы поднять. Иначе весь город снарядами засыпят... URL: <http://www.krsk.kp.ru/daily/26289/3166891> (дата обращения 07.04.2017)].

165. Овчинников, А. И. Охлобыстин – в Донецке [Текст] / А. Овчинников // Комсомольская правда. – №136 (2014). – С. 7.

166. Овчинников, А. Как мы разминировали Донбасс [Текст] / А. Овчинников // Комсомольская правда. – 23.09.2014. – С.4.

167. Овчинников, А. Только в Донбассе я понял что глупо прожигал жизнь [Текст] / А. Овчинников // Комсомольская правда. – №110 (2014). – С. 7.

168. Оккупанты на Донбассе за сутки совершили 108 обстрелов [Электронный ресурс]. – URL: <http://fakty.ua/231752> (дата обращения 02.12.2016).

169. Оккупанты принудительно выкупят крымские заводы [Электронный ресурс]. – URL: <http://biz.liga.net/ekonomika/industriya/novosti/3620660> (дата обращения 02.12.2016).

170. Онуфриенко, М. «Рука Киева» тянется в Авдеевку [Электронный ресурс]. – URL: <https://nahnews.org/986806> (дата обращения 02.12.2016).

171. Осетрова, Е.В. Неавторизованная информация в современной коммуникативной среде: речеведческий аспект: дисс. д-ра филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Осетрова Е.В. – Красноярск, 2010. – 413 с.

172. Осипов, Б.И. Речевая манипуляция и речевое мошенничество: сходство и различие [Текст] / Б.И. Осипов // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право. – Кемерово; Барнаул, 2007. – С.216–221.

173. Осипов, С. [и др.]. Майдан. Оно того стоило? [Текст] / С. Осипов // Аргументы и факты. – №47 (2014). – С. 7.

174. Осипов, С., Балан, И., Осипов, С., Юрьев, В. Украине выгоднее отказаться от Донбасса? [Текст] / С. Осипов и др. // Аргументы и факты. – №51 (2014). – С. 7.

175. Осипов, С., Позднякова, М., Цепляев, В., Шигарева, Ю. Майдан. Оно того стоило? [Текст] / С. Осипов и др. // Аргументы и факты. – №47 (2014)

176. Особое мнение [Электронный ресурс]. – URL: <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1862236-echo> (дата обращения 21.06.2016).

177. Павшук, А.В. Языковая природа и функции эпитета в художественном тексте (на материале романа Асорина «Воля»): Автореферат... дисс. канд. филол. наук [Текст] / А.В. Павшук. – М., 2007. – С. 20.

178. Панков, Д. Общество не в состоянии договориться // Интернет-газета «Взгляд» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vz.ru/club/2015/3/11/733592.html> (дата обращения: 11.04.2015).

179. Пасечная, Л.А., Попова Т.В. К проблеме дефиниции нового слова в современной лингвистике [Текст] / Л.А. Пасечная, Т.В. Попова // Вестник ОГУ. – 2005. – № 11. – С. 167–171.

180. Песков, А. В чем плюсы и минусы открытости современного правительства? [Электронный ресурс]. – URL: lider21veka.jimdo.com (дата обращения 05.04.2016).

181. Петров, И. Что доктрина прописала [Текст] / И. Петров // Российская газета. – 2014. – №6570 от 30.12.14. – С. 1.

182. Плеханов, А. Об «угнетении» украинцев и их невыносимой жизни под «москальским игом» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.km.ru/world/2015/01/16/protivostoyanie-na-ukraine-2013-14/753554-ob-ugnetenii-ukraintsev-i-ikh-nevynosimoi> (дата обращения 02.12.2016).

183. Пользователи соцсетей обсуждают мятый костюм Порошенко // РИА Новости [Электронный ресурс]. – URL: ria.ru/world/20160401/1401077206.html (дата обращения 04.04.2016).

184. Померанец, И.Б. Развитие эпитета как отражение изменений картины мира: дисс... канд. филол. наук [Текст] / И.Б. Померанец. – СПб, 2004. – 175 с.
185. Пономарев, С. Баллада о трех депутатах [Текст] / С. Пономарев. // Экспресс-газета. – №50 (2014).
186. Попов, К.Г. Эпитет должен запоминаться [Текст] / К.Г. Попов // Русская речь. – 1982. – №4. – С. 21–25.
187. Поршнев, Б.Ф. Социальная психология и история [Текст] / Б.Ф. Поршнев. – М., Наука. 1979. – 57 с.
188. Потебня, А.А. Из записок по теории словесности. Поэзия и проза. Тропы и фигуры [Текст] / А.А. Потебня. – Харьков: Изд-во Харьковского университета, 1905. – С. 209–210.
189. Потебня, А.А. Из записок по теории словесности [Текст] / А.А. Потебня. Харьков, 1905. С. 215.
190. Потебня, А.А. Мысль и язык [Текст] / А.А. Потебня. – Киев: Синто, 1993. – С. 145.
191. Потебня, А.А. Теоретическая поэтика [Текст] / А.А. Потебня. – М.: Высшая школа, 1990. – 342 с.
192. Почепцов, Г.Г. Информационная война: определения и базовые понятия [Электронный ресурс]. URL: http://osvita.mediasapiens.ua/ethics/manipulation/informatsionnaya_voyna_opredeleniya_i_bazovye_ponyatiya (дата обращения: 02.04.2015).
193. Прилепин, З. Если ты из Львова, то вполне можешь пожелать парню из Рязани, чтоб ему снесли башку? [Текст] / З. Прилепин // Комсомольская правда (22.09.2014).
194. Психбольницы ожидают бойцов АТО [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.eg.ru/daily/otbor/44350/> (дата обращения 12.04.2016).
195. Путиноиды продержались аж две недели [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.unian.net/war/1183791-putinoidyi-proderjalis-aj-dve-nedeli-tuka-prognoziruuet-konets-proekta-minsk.html> (дата обращения 12.04.2016).

196. Пушкин, А.С. Сочинения. В 3-х т. Т. 2. Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения [Текст]. – М.: Худож. лит., 1986. – 527 с.
197. Раевская, О.В. Метонимия в слове и в тексте [Текст] / О.В. Раевская // Филологические науки. – 2000. – № 4. – С. 50.
198. Раевская, О.В. О некоторых типах дискурсивной метонимии [Текст] / О.В. Раевская // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1999. – Т.58. – №2. – С. 5.
199. Резникова, С.С. Средства и механизмы манипулирования в политическом дискурсе СМИ [Текст] / С.С. Резникова // Перспективные направления современной лингвистики. СПб., 2003.
200. Роджерс, А. А Где «перемоги»?! [Электронный ресурс]. – URL: <https://news-front.info/2016/08/20/a-gde-peremogi-aleksandr-rodzhers/> (дата обращения 02.12.2016).
201. Романов, А.А. Политическая лингвистика: Функциональный подход [Текст] / А.А. Романов. – М.; Тверь: ИЯ РАН, ТвГУ, 2002. – 191 с.
202. Романов, Р. Диванные войска на защите России [Электронный ресурс]. – URL: <http://life.ru/t/мнения/920148> (дата обращения 18.09.2016).
203. Ростовцев, А. А Турчинов-то голый: Что скрывает «кровавый пастор» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.politnavigator.net/a-turchinov-to-golyjj-hto-skryvaet-krovavyjj-pastor.html> (дата обращения 20.08.2016).
204. Русская народная линия: информационно-аналитическая служба. Всякое переименование означает обретение, восстановление или смену идентичности [Электронный ресурс]. URL: ruskline.ru/news_rl/2014/08/21/vsyakoe_pereimenovanie_oznachaet_obretenie_vo_sstanovlenie_ili_smenu_identichnosti/ (дата обращения: 22.11.2016).
205. Рыбникова, М.А. Введение в стилистику [Текст] / М.А. Рыбникова. М., 1937. – 320 с.

206. Сазонов, Д. Жительница Донбасса: 5 часов под обстрелом, голыми руками разгребали завал и вынули всех. Контуженных, но живых [Текст] / Д. Сазонов // Комсомольская правда. – №137 (2014). – С. 8

207. Сазонова, Л.И. Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени [Текст] / Учреждение Рос. акад. наук. Ин-т мировой литературы им. А.М.Горького РАН. – М.: «Рукописные памятники Древней Руси», 2012. – 472 с.

208. Самохин, М. Вся надежда на Стрелкова [Текст] / М. Самохин // Экспресс-газета. – №32 (2014). – С. 2.

209. Сандакова, М.В. О механизмах дискурсивной метонимии прилагательного [Текст] / М.В. Сандакова // Филологические науки. – 2004. – №3. – С.106.

210. Сапожникова, Г. А король-то не шоколадный [Текст] / Г. Сапожникова // Комсомольская правда. – №58 (28.05.2014) – С. 3.

211. Сапожникова, Г. Это население они не замиряют [Текст] / Г. Сапожникова // Комсомольская правда. – №101 (09.09.2014). – С. 6.

212. Сахнин, А. Бывший «узник болотного дела» рассказал о фашизме на Украине. URL: <https://ruposters.ru/news/29-09-2014/byvshij-uznik-bolotnogo-dela-rasskazal-o-fashizme-na-ukraine> (дата обращения 12.07.2016).

213. Саяпина, И.Ю. Медийное конструирование социальной реальности: Автореф. дис. канд. соц. наук [Текст] / И.Ю. Саяпина. – Саратов, 2011. – 30 с

214. Серажим, К.С. Современный украинский политический дискурс [Электронный ресурс]. – URL: <http://journlib.univ.kiev.ua/index.php?act=article&article=1298> (дата обращения 30.09.2015).

215. Серман, И.З. О поэтике Ломоносова / И.З. Серман [Электрон. ресурс] <http://feb-web.ru/feb/lomonos/critics/ling/ltl/ltl-101-.htm>.

216. Сидорова, М.Ю. Семантико-грамматические свойства имен прилагательных как основание для их классификации [Текст] / М.Ю. Сидорова // Русистика сегодня. — 1994. – № 2. – С. 69–80.

217. Синельникова, Л.Н. Информационная война ad infinitum: украинский вектор [Текст] / Л.Н. Синельникова // Политическая лингвистика №2 (68). – 2014. – С. 95–101.
218. Смирнов, Д. Угрозы и экономическое давление не изменят позицию России [Текст] / Д. Смирнов // Комсомольская правда. – №7 (2015). – С. 2.
219. Созонтов, П. Украинские школьники напоили родителей «Кровью российских младенцев» [Текст] / П. Созонтов // Комсомольская правда. – №139 (2014).
220. Степанова, М.Д., Чернышева, И.И. Лексикология современного немецкого языка [Текст] / М.Д. Степанова, И.И. Чернышева. – М., 2003.
221. Стешин, Д. Автобус на тот свет «Донецк-Волноваха» // Комсомольская правда [Электронный ресурс]. URL:<http://www.kp.ru/daily/26327/3211682/> (дата обращения: 10.04.2015).
222. Стешин, Е. В Киеве съели «русскоязычного» младенца [Текст] / Е. Стешин // Комсомольская правда. – №2 (2015). – С. 4–5.
223. Стоцкий, А. Родословная украинского протеста [Текст] / А. Стоцкий // Экспресс газета №4 – 27.01.2014 – С. 5.
224. США не скрывают, что целью санкций является смена власти в России [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/politika/1630351> (дата обращения 08.12.2014).
225. Томашевский, Б.В. Стилистика и стихосложение [Текст] / Б.В. Томашевский. – Л., 1959. – С. 201.
226. Томашевский, Б.В. Теория литературы. Поэтика [Текст] / Б.В. Томашевский. – М.: Аспект–Пресс, 1996. – 334 с.
227. Топоров, В.Н. К истории эпитета «пышный» в поэзии XVIII века [Текст] / В.Н. Топоров // Лотмановский сборник. – М.: Языки русской культуры, 2005. – С. 233 – 254 с.
228. Трохачев, С., Аристотель. Поэтика. Риторика [Текст] / С. Трохачев. – СПб.: Изд. дом «Азбука-классика», 2007. – С. 273.

229. Троцкий, И., Меликова-Толстая С. Античные теории языка и стиля: антология текстов [Текст] / И. Троцкий, С. Меликова-Толстая. – СПб.: Изд-во «Алетейя», 1996. – С. 237.

230. Тутина, Ю. Владимир Легойда: вера – это сотворчество Бога и человека [Текст] / Ю. Тутина // Аргументы и факты №1 (2015). – С. 9.

231. Украинские «выборы» под дулом автомата [Текст] // Экспресс газета. – №21 (26.05.14). – С. 2.

232. Украинцы омайданены до полной неадекватности [Текст] // Экспресс газета. – 2014. – №38. – С. 2–3.

233. Укровоякам роют могилы [Электронный ресурс] / Экспресс-газета. – URL: <http://www.eg.ru/daily/politics/45119> (дата обращения 20.02.2106).

234. Устинова, Т. Война против дяди на Украине?! [Текст] / Т. Устинова // Аргументы и факты. – №23 (4–10 июня 2014). – С. 5

235. Утёсова, Н.П. Русские оккупанты в Крыму провели новые обыски и задержания крымских татар [Электронный ресурс]. – URL: <http://nevainfo.ru/2017/02/425304-russkie-okkupanti-v-krimu-proveli-novie-obiski-i/> (дата обращения 11.06.2017).

236. Уфимцева, А.А. Слово в лексико-семантической системе языка [Текст] / А.А. Уфимцева. – М., 1968.

237. Учителей из Харькова могут уволить за фото с портретом Путина и георгиевскую ленточку // Московский комсомолец [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mk.ru/politics/2015/04/01/kharkovskikh-uchiteley-mogut-uvolit-za-foto-s-putinyim-i-koloradskuyu-lentochku.html> (дата обращения: 11.04.2015).

238. Фанайлова, Е. Грязные танцы // Радио свобода [Электронный ресурс]. URL: <http://www.svoboda.org/content/article/26956354.html> (дата обращения: 12.04.2015).

239. Фефелов, А. 200 олухов майдана // газета «Завтра». – 2015. – №8 (1109). [Электронный ресурс]. URL: <http://zavtra.ru/content/view/200-oluhov-majdana/> (дата обращения: 09.04.2015).

240. Флорес-Фернандес, Х.М. Тексты лекций по стилистике испанского языка [Текст] / Х.М. Флорес-Фернандес. – Минск, 1975. – 135 с.

241. Фрейденберг, О.М. Античные теории языка и стиля: антология текстов [Текст] / О.М. Фрейденберг. – СПб.: Изд-во «Алетейя», 1996. – С. 237.

242. Фрейденберг, О.М. Миф и литература древности [Текст] / О.М. Фрейденберг. – М.: «Восточная литература», 1998. – С. 89.

243. Хазагеров, Г.Г., Лобас, П.П. Культурная утилизация манипулятивных технологий [Текст] / Г.Г. Хазачегов // Известия Южного федерального университета. Филологические науки – 2014. – №. 1. – С. 44–52.

244. Хазагеров, Т.Г., Ширина, Л.С. Общая риторика: курс лекций. Словарь риторических приемов [Текст] / Т.Г. Хазагеров, Л. С. Ширина; под общ. ред. Е.Н. Ширяева. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – С. 281.

245. Хованская, А. Американские СМИ: «Новой Украиной управляют жулики, секс-штучки, полевые командиры и психи с олигархами» [Текст] / А. Хованская // Комсомольская правда. – №5 (2015). – С. 4.

246. Хожателева, Ю. Сергей Лукьяненко о событиях на Украине: «Насильная дерусификация – это такое же преступление, как насильственная смена пола» [Текст] / Ю. Хожателева // Комсомольская правда. – №9-Т (2014). – С. 7.

247. Христенко, А. Порошенко и Эрдоган стали антигероями вашингтонского саммита [Электронный ресурс]. – URL: <http://vesti.ru/doc.html?id=2738403> (дата обращения 04.04.2016).

248. Черных, Е. Как аукнется для России возможный раскол на Украине [Текст] / Е. Черных // №9-Т (2014). – С. 8.

249. Черных, Е. Новый президент Украины построил свой бизнес на криминальные деньги отца? [Текст] / Е. Черных // Комсомольская правда. – №23 (5–12 июня 2014). – С. 2–3.

250. Чехов, А.П. Книппер-Чеховой О.Л., 20 февраля 1904 [Текст] // Чехов А.П. ПСС в 30-ти тт. Т. 30. – М.: Наука, 1985. – С. 21–22.

251. Чинарова, Е.С. Тактика манипулятивного воздействия на адресата в политическом дискурсе [Текст] / Е. Чинарова // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. – № 43 (181). Филология. Искусствоведение. Вып. 39. – С. 150–152.

252. Чинкова, Е. ООН заговорила о внесудебных казнях на донецких шахтах [Текст] / Е. Чинкова // Комсомольская правда. – №132 (2014). – С. 3.

253. Чинкова, Е. Сергей Аксенов, глава Крыма: В Киеве думают, что у нас тут тюрьма, все траву едят. А приезжают – прозревают [Текст] / Е. Чинкова // Комсомольская правда. – №142 (2014). – С. 3.

254. Чинкова, Е. Эй, наемники, кому гражданство Украины? // Комсомольская правда №10 от 03.02.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kp.ru/daily/26336.7/3219232/> (дата обращения: 11.04.2015).

255. Чинкова, Е. Экс-премьер Украины Николай Азаров: Януковича ждала судьба Каддафи [Текст] / Е. Чинкова // Комсомольская правда. – №12 (2015). – С. 8–9.

256. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие для студентов, аспирантов, преподавателей-филологов [Текст] / А.П. Чудинов. – М., 2007. – 254 с.

257. Шаблинская, О. Презираю глупых людей [Текст] / О. Шаблинская // Аргументы и факты. – №37, 10–16 сент. 2014. – С. 3.

258. Шак, В. Путлеровский главбандит Захарченко собирается пообщаться с жителями Запорожья [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mig.com.ua/zaporozhe/item/17198> (дата обращения 18.09.2016).

259. Шак, В. Технология лжи [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mig.com.ua/zaporozhe/item/22068> (дата обращения 18.09.2016).

260. Шаповалова Г.В. Інноваційні процеси в сучасному медіатексті (функціонально-лінгвістичні аспекти): Автореф. дис. канд. філол. наук: 10.02.08 [Текст] / Київський національний ун-т ім. Тараса Шевченка. — К., 2003. — 20 с.
261. Шарбатян, Л. Гражданских активистов в Киеве допрашивают сотрудники ЦРУ [Текст] / Л. Шарбатян // Экспресс-газета. — №29 (21.06.2014). — С. 4.
262. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса [Текст] / Е.И. Шейгал. — М., 2004. — С. 34–35.
263. Шестаков, Е. «Партия войны» пошла в контратаку [Текст] / Е. Шестаков // Российская газета. — Федеральный выпуск №6484 (212). — С. 8.
264. Шинкаренко, Е. Больница на окраине фронта [Текст] / Е. Шинкаренко // Комсомольская правда. — №128 (2014). — С. 6.
265. Шипилин, П. Диванные войска Украины на марше [Электронный ресурс] / ИА «Новостной фронт». — URL: <http://news-front.info/2016/10/01> (дата обращения 18.09.2016).
266. Шурыгин, В. Донбасс. Февраль. Победа! [Электронный ресурс]. — URL: <http://zavtra.ru/blogs/donbass-fevral-pobeda> (дата обращения 22.05.2016).
267. Шурыгин, В. Уроки зимней кампании [Текст] / В. Шурыгин // Завтра. — 05.03.2015 — С. 3.
268. Юрьев, В. Киев признал Крым и Донбасс [Текст] / В. Юрьев // Аргументы и факты. — №45 (2014). — С. 2.
269. Юрьев, В. Кому добавят Пороха? [Текст] / В. Юрьев // Аргументы и факты. — №22. — 28 мая — 3 июня 2014г. — С. 6.
270. BBC four. Shamil Basaev. The legendary bandit. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IFGC5sSM6l8> (дата обращения 18.05.2017).
271. Czerwinski T.J. The Third Wave: what the Tofflers never Told You [Текст] // Strategic Forum, N72. — 1996.
272. Lasswell H.D. Power and Personality. — N.Y.: The Viking Press, 1969. — 250 p.

273. Lasswell H.D. Psychopathology and Politics / Fred Greenstein (introd.by). – Chi., Lnd.: The University of Chicago press, 1977. – 339 p.

274. Lasswell H.D., Kaplan A. Power and Society: A Framework for Political Inquiry. — New Haven & London: Yale University Press, 1969. – 295 p.

275. Mihas E. Non-Literal Language in Political Discourse [Электронный ресурс] University of Wisconsin Milwaukee. – 2007. – P. 1 – 16. – URL: <http://ling.wisc.edu/lso/wpl/5.1/LSOWP5.1-10-Mihas.pdf>

276. Payne, S.G. A History of Fascism. Routledge, 1995. – 615 p.

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. - М.: Большая Российская энциклопедия, 2002.

2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова. – М., 1996.

3. Большой словарь русского языка [Текст] / С.Д. Леденёв [и др.] под ред. Н.Е. Рудомазинной, Н.М. Подъяпольской. – 5-е изд., стереотип. – М.: Дрофа; Русский язык, 2002. – 660 с.

4. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Альта-Принт, 2008. – 1239 с.

5. Борисов, А.Б. Большой юридический словарь. / А.Б. Борисов. – М.: Книжный мир, 2012. – С. 216.

6. Горбачевич, К.С. Словарь эпитетов русского литературного языка / К.С. Горбачевич, Е.П. Хабло. – Л. : Наука, 1979. – 567 с.

7. Даль, В.И. Словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В.И. Даль. – М.: Изд-во «Русский язык», 1997.

8. Квятковский, А. П. Поэтический словарь. М., Сов. энциклопедия, 1966. – 376 с.

9. Кравченко, С.А. Словарь новейшей социологической лексики: теории, понятия, персоналии (с английскими эквивалентами) / С.А. Кравченко. – М.: МГИМО, 2011. – С. 145.
10. Краткий словарь литературоведческих терминов / под ред. Л.И. Тимофеева, С.В.Тураева. – М.: Просвещение, 1978. – 1243 с.
11. Литературоведческий энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1977. – С. 513.
12. Никитина С.Е., Васильева Н.В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. М., 1996. – С. 154–155.
13. Русский язык: Энциклопедия / под ред. Ф.П. Филина. – 3-е изд, испр. и доп. – М.: Советская энциклопедия, 1979. – 432 с.
14. Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ URL: http://www.gramota.ru/class/coach/punct/45_176 (дата обращения 13.06.2015)].
15. Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. От аллегии до ямба. – М.: Флинта, Наука. Н.Ю. Русова. 2004.
16. Толковый словарь Ефремовой [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.efremova.info> (дата обращения 11.04.2016).
17. Энциклопедия Кругосвет, 2017 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/EPITET.html (дата обращения: 06.02.2017).
18. Энциклопедия социологии / под ред. Грицанова А. А. - М.: Книжный Дом, 2003. – с. 158.